

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Ямало-Ненецкого автономного округа

№ 2 (79)

**Материалы конференции
«Ямальские гуманитарные чтения»**

«Сохранение и развитие традиционных культур
в контексте процессов глобализации»

САЛЕХАРД
2013

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Редакционная коллегия:

Вороненко Александр Григорьевич –
заместитель директора по научно-исследовательской работе – Государственного казённого учреждения Ямало-
Ненецкого автономного округа «Научный центр изучения Арктики», к.пед.н.

Харючи Галина Павловна –
заведующий сектором этнологии Государственного казённого учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики», к.и.н.

Цымбалистенко Наталья Васильевна –
главный научный сотрудник сектора этнологии Государственного казённого учреждения Ямало-Ненецкого автономного
округа «Научный центр изучения Арктики», д.фил.н.

Фёдорова Наталья Викторовна –
заведующий сектором гуманитарных исследований Государственного казённого учреждения Ямало-Ненецкого
автономного округа «Научный центр изучения Арктики», к.и.н.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
В СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
НА ТЕРРИТОРИЯХ ПРОЖИВАНИЯ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА**

Бородин Е.А.

*Государственное казённое учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»
г. Салехард.*

Страны, в которых проживают коренные малочисленные народы, пошли по разным путям решения проблем их правового обеспечения. В статье отражены подходы северных стран в разрешении вопроса прав на землю и вопроса традиционного природопользования. Международный опыт показывает, что некоторые из подходов являются наиболее успешными и создают перспективы для закрепления подобных прав за коренными малочисленными народами по всему миру.

На сегодняшний день около 5 000 народностей или около 300 миллионов человек ведут племенной образ жизни и занимаются традиционным природопользованием. Они населяют 20 % территории планеты и считают их своими коренными землями.

В России проживает 45 коренных малочисленных народов, численность которых составляет около 270 тысяч человек [4]. Из них 40— это коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего востока [5].

Россия уникальна тем, что на ее территории, несмотря на происходившие здесь исторические перипетии, коренные малочисленные народы сохранились до наших дней в наименее измененном виде и с традиционным укладом жизни. В то же время такой образ жизни не вписывается в современные экономические условия. Низкий объем производства, отсутствие современных предприятий и технологий по комплексной переработке сырья и биологических ресурсов является причиной неконкурентоспособности традиционных форм хозяйствования коренных малочисленных народов Севера.

Использование тех ресурсов, которые имеются на территории их проживания, является единственным источником жизнеобеспечения, поэтому очень большой урон

такому укладу жизни наносит промышленное освоение. Малейшие изменения в природе на территории проживания коренных малочисленных народов могут повлечь за собой исчезновение частично или полностью некоторых видов традиционного природопользования, таких как: рыболовство, оленеводство, охота и т.д. Это в свою очередь напрямую отразится на тех, кто им занимается, так как эти виды деятельности являются основообразующими их общества в таком виде, в каком оно сохранилось до наших дней.

Таким образом, выживание и сохранение культуры коренных малочисленных народов зависит фактически от того кем и как осуществляется контроль над землями их проживания. У коренных малочисленных народов должна быть возможность пользоваться своей землей и ресурсами, а также сохранять и рационально использовать.

В связи с этим необходимо развивать и реализовывать идеи взаимовыгодного и рационального использования таких территорий, не нарушая прав коренных малочисленных народов, а также не загрязняя окружающую среду и не нарушая экосистему при добыче полезных ископаемых.

Россия и ряд других стран, на территории которых проживают коренные малочислен-

ные народы, сталкивается с комплексом специфических проблем по сохранению их традиционного образа жизни и традиционного природопользования. Международный опыт показывает, что в некоторых странах есть свои особенности в подходе к таким проблемам и их решение находится на том или ином этапе.

«Традиционное природопользование – исторически сложившиеся способы освоения окружающей природной среды на основе долговременного, экологически сбалансированного пользования, главным образом, возобновляемыми природными ресурсами без подрыва способности к устойчивому воспроизводству и снижения разнообразия природных ресурсов» [7].

В международной практике среди вариантов решений вопросов традиционного природопользования коренных малочисленных народов наиболее распространенным является сочетание территорий традиционного природопользования (ТТП) и отдельных видов особо охраняемых природных территорий (ООПТ).

В Канаде и США территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов включаются в состав различных ООПТ. Создаются национальные парки и биосферные резерваты путем соглашения с различными племенами индейцев и эскимосов на Аляске. В Скандинавии ситуация осложняется земельными проблемами, в России же коренные малочисленные народы «ждут» нормативных актов Правительства о создании территорий традиционного природопользования. Применение Федерального закона “О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” от 7 мая 2001 г. было полностью заблокировано. За более чем 10 лет его существования все обращения об образовании территорий традиционного природопользования федерального значения не имели успеха, а судебные споры по этому поводу заканчивались в пользу федеральных органов исполнительной власти, отказывавших в принятии положительных решений

по разным основаниям, в том числе ввиду отсутствия необходимых подзаконных нормативных правовых актов, издание которых возложено на указанные же органы [2].

Основной загвоздкой в практике стран, где проживают коренные малочисленные народы, является земельная проблема.

Коренные малочисленные народы Скандинавии выступили со своей концепцией земельных прав, основанной на их собственных традициях и обычаях, чтобы поддержать своё заявление о том, что их территория проживания, включая земельные ресурсы, принадлежит им, а не государству. Как правило, такие заявления коренных малочисленных народов отклоняются. Причиной тому служит изменчивость юридических аргументов и концепций. Эти вопросы актуальны и для саами, народа проживающего на территории Финляндии, Норвегии, Швеции и России. Несмотря на то, что саами являются одним из коренных малочисленных народов, который добывает средства к существованию, занимаясь традиционными формами хозяйствования: рыболовством, оленеводством, охотой и собирательством, национальные законодательства этих стран не признают за ними права на землю. Более того, не обеспечена действующая правовая защита традиционных земель саами от использования другими пользователями.

Непризнание земельного права в скандинавских странах происходит по принципу «terra nullius», согласно которому все невозделываемые земли находятся в государственной собственности, а кочевые оленеводческие группы населения не могут являться собственниками земли [1].

Так, большинство саами Финляндии проживают в самой северной части страны, которая в Конституции и Законе о статусе саами значится как исконная саамская территория. Однако, финское законодательство не оставляет за саами особых прав на их исконную территорию и не признает за ними исключительных прав на традиционное природопользование. До 90 % исконно саамской территории находится в государственной

собственности Финляндии. Это объясняется тем, что будучи кочевниками саами не могут владеть землей. Поэтому эти земли просто были квалифицированы как «бесхозные», из чего следовало, что их законным владельцем является государство [6].

Схожая ситуация сложилась и в Норвегии. Точно так же законодательство страны не признало за норвежскими саами особых земельных прав.

Обобщив скандинавский опыт, можно сделать вывод, что, несмотря на наличие в Швеции, Финляндии и Норвегии различных общественных организаций по делам саами, а также Саамских парламентов, государственные власти этих стран не торопятся идти на установление партнерских отношений с саами. Таким образом, можно заключить, что решение проблем этого народа находится в эмбриональной стадии развития.

Но все же опыт некоторых зарубежных стран показывает, что существуют компромиссные решения проблем, касающихся коренных малочисленных народов, создающие предпосылки для создания условий по сохранению традиционного природопользования в рамках создания особо охраняемых природных территорий. Практика таких стран как США и Канада является наиболее удачным примером решения проблем коренных малочисленных народов таким путем.

Цели и приоритеты охраняемых природных территорий предусматривают традиционное природопользование и выживание малочисленных народов Севера на этих землях. Традиционное природопользование направлено на рациональное и неистощительное использование природных ресурсов и вписывается в природные экосистемы как естественный элемент. Поэтому его (наряду с системой особо охраняемых природных территорий) можно рассматривать как один из возможных вариантов реализации Концепции устойчивого развития.

Мировая практика знает случаи получения ряда преимуществ коренными малочисленными народами, когда их территории были признаны как особо охраняемые в природоох-

ранном смысле. Такой вариант возможен в тех странах, где правительством не признаются земельные притязания аборигенов. К примеру, в США в штате Аризона, природоохранный резерват Рок Коралл Каньон площадью 2 тысячи га способствовал сохранению примитивных агросистем коренной народности племени Тохано Одхам [3]. Особым является и штат Аляска, большая часть которого состоит из особо охраняемых природных территорий (национальных парков, резерватов, заказников, памятников природы). Такая система в наиболее полной мере позволяет сохранить уникальную северную экосистему, а также традиционный образ жизни и природопользование эскимосов. Их поселения органично вписались в систему охраняемых природных территорий.

Растущее самосознание и борьба за свои права коренных народов Севера США в 80-е годы 20 века заставили пересмотреть концепцию национальных парков. В 1980 г. с принятием Акта об охране земель Аляски в национальных интересах было создано 10 специальных особо охраняемых природных территорий (в основном национальных парков, резерватов и памятников природы). Все они представляли собой крупнейшие и наиболее разнообразные в биологическом смысле охраняемые природные территории США. Их целевые установки предполагают охрану природы и развитие традиционного природопользования коренных народов на паритетных основаниях. К примеру, многие из представителей эскимосов являются рейнджерами (лесник, егеря). Наблюдательные пункты снабжены мобильной радиосвязью и технически оснащены.

Согласно Акту об охране земель Аляски в национальных интересах (1980 г.) при каждой охраняемой территории создается «Комиссия по оптимальному использованию ресурсов». При их помощи принципы традиционного природопользования становятся неотъемлемой частью менеджмент — плана любой ООПТ. Комиссии, образуемые главным образом из местных потребителей ресурсов, составляют и рекомендуют Конгрессу страны

оптимальную программу охотничьих мероприятий для своей охраняемой природной территории. Непосредственным выходом в Конгресс и Федеральную Службу национальных парков эти Комиссии принципиально отличаются от подобных инициатив Канады. Они уполномочены требовать от федеральных властей внедрения программ, не входящих в противоречие с природоохранным законодательством, не угрожающих здоровому и естественному состоянию популяции животных и не приводящих к истощению ресурсов жизнеобеспечения коренных народов [3].

Канадская практика показывает, что коренные малочисленные народы активно выступают за идею развития охраняемых природных территорий. Вклад коренных народов в территориальные методы охраны природы признан важным и своевременным. Например, первым национальным парком, при организации которого учтены права и традиционное природопользование коренных народов, был национальный парк «Вуд Буффало». Эта единственная охраняемая территория в стране, имеющая долговременный опыт традиционного природопользования и взаимодействия с коренным населением. Несмотря на очень сложную ситуацию земельных притязаний многих коренных племен и этнических групп на территорию парка, его властям удалось создать систему соуправления, совершенствующуюся по сей день.

Неоднозначность ситуации была и в том, что многие представители коренных народов не могли договориться между собой о единстве требований, поэтому договоры соуправления подписаны администрацией парка по отдельности с рядом этнических групп. Первой группой, с которой администрацией парка был подписан договор в 1987 г., было племя чиповеев кри. В основные пункты этого договора включены, например, следующие: гарантируются права рыболовства, охоты и трапперства (охота на пушных зверей) для всех членов племени в местах «традиционных интересов»: организуется консультативный комитет по управлению дикой природой, в котором члены племени имеют большинство мест с правом го-

лоса; согласовываясь с комитетом, власти распределяют охотничьи участки, квоту добычи; племя чиповеев кри имеет право безусловного вето в отношении любой промышленной деятельности в местах традиционных интересов; у членов племени предпочтительный доступ в любое место парка.

В некоторых местах, особенно в северных регионах Канады, управление парками осуществляется на основе равного раздела прав органов управления и коренных народов в отношении принятия решений (соуправление и соглашение о совместном управлении). Примерно треть всех канадских национальных парков имеет в составе совета управления представителей коренных народов. Администрация парков практикует привлечение коренного населения на работу в парках. Традиционные знания коренных народов активно внедряются в исследовательские программы парков и практику принятия решений.

Так как образ жизни коренных народов тесно связан с природой, многие парки на законных основаниях разрешают определенные виды неистощительного природопользования – различные виды охоты и рыболовства. В границы парков часто входят места и предметы культурного наследия коренных народов, которые тоже защищены законом.

Канадский Север – традиционное место проживания различных групп коренных народов, в основном индейцев. Вехой в отношениях между ними и государством стал договор между Правительством Канады, представленным министром по делам индейцев и развитию северных территорий и Комитетом по оказанию помощи аборигенам. Например, как юридический документ, «Заключительное соглашение с инувиялуитами» регулирует принципы организации хозяйственного использования земель северо-западной Канады, обеспечивающего средства существования коренного населения и устойчивое использование природных ресурсов. Это – правовая основа одного из удачных прецедентов построения территорий традиционного (приоритетного) природопользования народов Севера в мировом масштабе [3].

Процесс закрепления прав за коренными малочисленными народами на традиционное природопользование во всех странах, которые с ним столкнулись, находится на разных этапах. В связи с этим, во всех без исключения таких странах возникали и продолжают возникать спорные моменты, связанные с принадлежностью земли и ее использованием. Но все же, международный опыт показывает, что взаимовыгодное сочетание и сосуществование ООПТ и ТТП коренных малочисленных

народов на примере США и Канады является одним из лучших примеров по решению данного вопроса. Такое построение системы разделения природных территорий применимо и для условий российского Севера, так как ситуации сложившиеся вокруг коренных малочисленных народов североамериканского континента и России во многом схожи. Такое решение принесет пользу как для сохранения уникальной природы Севера России, так и для народов, его населяющих.

Литература:

1. Куропятник М.С., Куропятник А.И. Саамы: современные тенденции этносоциального и правового развития // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. т. 2. Вып 4.
2. Кряжков В.А. Российское законодательство о северных народах и правоприменительная практика: состояние и перспективы // Государство и право, 2012, № 5, –С. 27–29.
3. Охраняемые природные территории. Материалы к созданию Концепции системы ООПТ России. М., 1999. С.113– 116.
4. Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 г. № 255 (ред. от 30.09.2000, с изм. от 28.03.2001) «О едином перечне коренных малочисленных народов РФ» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.
5. Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2006 г. № 536-р «Об утверждении перечня коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 17 (2 ч.). Ст. 1905.
6. Транин А.А. Территории традиционного природопользования коренных малочисленных народов российского Севера (проблемы и перспективы) (Монография) // ИГП РАН [Электронный ресурс] URL: http://www.igpran.ru/articles/2973/#_ftn15 (дата обращения: 09.04.2013).
7. Федеральный закон от 07.05.2001 г. № 49-ФЗ (ред. от 26.06.2007) «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Российская газета 2001.11 мая. (№ 88)

**МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ
ТРАДИЦИОННОГО КОЧЕВОГО ХОЗЯЙСТВА
И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ НА ЯМАЛЕ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.¹**

Волжанина Е.А.

*с.н.с. к.и.н. Институт проблем освоения Севера СО РАН,
г. Тюмень*

На протяжении XX в. ключевая идея концепции социального развития коренных малочисленных народов Севера заключалась в преодолении культурно-экономической отсталости коренных малочисленных народов Севера за счет смены кочевого образа жизни на оседлый [Броднев, 1950, с.106; Сергеев, 1953, с.456 и др.]. В соответствии с идеологической установкой времени среди отечественных этнографов-североведов и историков вплоть до начала 90-х гг. XX в. переход кочевников на оседлость оценивался положительно как отвечающий потребностям их экономического и культурного развития, [Бударин, 1952; Гурвич, 1970; Зибарев, 1972 и др.].

В настоящее время признание кочевого образа жизни необходимым условием сохранения традиционного хозяйства, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера, являющихся рыбаками, охотниками и оленеводами, не вызывает сомнений в научно-исследовательских и общественно-политических кругах. В пользу его положи-

тельной оценки свидетельствует разработанный и принятый к исполнению целый комплекс законов и постановлений федерального и регионального значения, направленных на обеспечение условий устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера и предусматривающих «системные меры по сохранению самобытной культуры, традиционного образа жизни и исконной среды обитания этих народов» [Сборник..., 2010, с.78]. В Ямало-Ненецком автономном округе с 2000 г. на основании существующей законодательной базы, разрабатывается и активно реализуется множество окружных целевых программ, включающих различные механизмы поддержки северных народов, и расходуются значительные финансовые средства². Согласно официальному определению, лицами, ведущими традиционный кочевой или полукочевой образ жизни, являются люди, для которых способ организации проживания характеризуется постоянными переездами вместе с жильем и имуществом по местам нахождения оленьих пастбищ (коче-

1 Работа выполнена при поддержке гранта в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

2 Вот некоторые законы и постановления: «О факториях Ямало-Ненецкого автономного округа (от 28.12.2005 г. №113-ЗАО), «О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих традиционные виды хозяйственной деятельности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (от 28.12.2005 г. №114-ЗАО), «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (от 06.10.2006 г. №49-ЗАО), «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (от 3.12.2007 г. №119-ЗАО), «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (от 05.04.2010 г. №48-ЗАО), Постановление Губернатора Ямало-Ненецкого автономного округа «О компенсационных выплатах лицам из числа коренных малочисленных народов Севера и иным лицам, занимающимся традиционной хозяйственной деятельностью на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» (от 24.12.2004 г. №454), постановления Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа «О социальной поддержке детей из числа коренных малочисленных народов Севера при получении образования» (от 15.03.2007 г. №116-А), «О государственной поддержке фольклорной деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» (от 06.08.2009 г. №443-А), программы: «Культуры, язык, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2003-2007 годы», «Культуры, язык, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2008-2011 годы», «Сохранение традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера ЯНАО на 2012-2015 годы».

вой образ жизни)» или «связан с сезонными перекочевками из населенных пунктов на территории автономного округа в места нахождения оленьих пастбищ, рыболовных и охотничьих угодий (полукочевой образ жизни)» [Сборник..., 2010, с.206].

На современном этапе проводится много работы, связанной не только с пропагандой культурных ценностей северных народов, организацией фольклорных, этнических фестивалей, праздников, конкурсов, всероссийских, международных мероприятий и форумов, но и повышением уровня образования (возмещение расходов, связанных с обучением, профориентацией, повышением квалификации и т.д.), технического, хозяйственного и медицинского оснащения традиционных видов хозяйственной деятельности, предусматривающее приобретение мини-электростанций, снегоходов, лодок, лодочных моторов, мотобударок и запасных частей и ГСМ к ним, комплектов чумов, чумовых печей, брезента, сетематериалов, медицинских аптечек, средств связи. В первом десятилетии XXI века на законодательном уровне одобрено решение о компенсационных выплатах лицам из числа коренных малочисленных народов Севера, занимающимся традиционной хозяйственной деятельностью и ведущим кочевой и полукочевой образ жизни, на территориях Ямало-Ненецкого автономного округа, Республики Саха и Таймырского Долгано-Ненецкого муниципального района Красноярского края.

В данной статье мы рассматриваем традиционную практику сохранения и поддержки кочевого образа жизни, существовавшую среди ненцев Ямала в первой трети XX в. и включающую различные формы взаимопомощи, кооперации и кредитов и особый характер землепользования. Этнографическая работа среди ненцев Ямала показывает сохранение подобной практики до сих пор, хотя и в несколько видоизмененном виде. Ее возникновение относится ко времени становления крупнотабунного оленеводства у ненцев и скорее всего было обусловлено как экономическими мотивами, так и морально-

этическими нормами, а некоторые из них носили условно безвозмездный характер. Среди них можно выделить те, которые при временном оседании хозяйства предоставляли ему возможность увеличить стадо: взятие оленей во временное пользование (*подерпо*), система отдаривания или дарения (*тында*), получение калыма, обмен продукции рыболовства и охотничьего промысла на оленей. Нельзя исключать и кражи оленей как один из способов их приобретения. Объединение хозяйств для совместного выпаса оленей, совместное кочевание с состоятельными оленеводами (не обязательно родственниками), найм на работу пастухами (плата в некоторых случаях осуществлялась оленями) позволяли, несмотря на недостаточное количество собственных оленей, продолжать кочевать.

С точки зрения философии культуры появление «сидячих» ненцев можно считать закономерным процессом, сопутствующим кочевому образу жизни, определяемому потребностями крупнотабунного оленеводства, а оседлость и поселковый образ жизни рассматривать в качестве архетипической культуры, лежащей в основании традиционной культуры как самодийского, так и финно-угорского населения Ямала [Попков, Тюгашев, 2007, с.98]. Пример Северо-Западной Сибири показывает складывание в тундровой зоне к концу XIX в. целостной системы хозяйства, состоявшей из нескольких хозяйственных комплексов (тундрового или оленеводческого, арктического, южнотундрового и лесотундрового), ни один из которых не был самодостаточным [Головнев, 1993, с.131]. Классические кочевники Севера – ненцы – представители тундрово-олeneводческого комплекса, в действительности не могли обходиться без стационарной периферии, «дополнявшей его на уровне обмена и потребления продукцией промыслов, на технологическом уровне – необходимыми трудовыми ресурсами, а в кризисных ситуациях представлявшей собой альтернативу для разорившихся оленеводов» [там же]. В течение жизни человек мог несколько раз «временно оседать» на промысловых угодьях» из-за потери оленей от болезней, гололедицы, волчьих

потрав и т.д. и затем снова нарастить стадо. С подобными примерами, свидетельствующими о непостоянстве и быстротечности «оленного счастья», неоднократно сталкивались исследователи на Ямале в первой трети XX в., когда владелец многотысячного стада оленей с легкостью становился бедняком, и наоборот [Бушевич, 1912, с.19; Евладов, 1992, с.59, 250]. Об этом писал В. В.Тарасов, побывавший на Ямале после крупного падежа оленей из-за сибирской язвы в 1911 г., отмечая жалкое существование самоедов, лишившихся своих стад, так как «...из самостоятельных хозяев, каковыми они были до падежа, теперь они превратились в рабочих, пайщиков в промыслах и приживальщиков у богатых самоедов. ... Один из них Маби Саратэтто, старик, потерявший более 1000 оленей, плакал, жалуясь на свою судьбу и говоря, что он уже в третий раз разоряется от падежа. Он высказал, что разорившиеся хотя здесь теперь и терпят всевозможные лишения и неприятности, но все таки благодарны тем самоедам, которые не бросили их, а взяли в тундру. Здесь они имеют возможность во временем как-нибудь собрать оленей для самостоятельного передвижения, а если бы остались на Оби рыбаками, — никогда уже не вернулись бы в тундру и стали бы вечными работниками рыбопромышленников...» [1914, с.12-13].

Границы между оленеводческими типами, с характерными для них размером стада, кочевыми маршрутами, приемами выпаса, использованием оленей и продуктов оленеводства, были открытыми, позволяя переходить от одного хозяйственного стиля к другому под влиянием различных обстоятельств [Головнев, 1993, с.87] и менять степень мобильности. Учитывая определяющее значение оленеводства при отнесении хозяйства ненцев Ямала к кочевому или оседлому, на наш взгляд, является оправданным рассматривать перечисленные выше его характеристики в числе условий перехода на оседлый образ жизни населения.

Сформировавшийся у ненцев тундровой хозяйственный комплекс не предполагал, что все оленеводы должны быть владельцами

крупных стад [там же, с.89]. Основную массу (более 50%) составляли совсем безоленные и малооленные хозяйства, имевшие менее 100 оленей. При этом на Ямальском полуострове минимальное количество оленей необходимое для ведения кочевого хозяйства определялось в 400-500 голов [Евладов, 1992, с.251], а хозяйства, имевшие менее 300 оленей, уже считались бедными [Козлов, 1933, с.131]. Крепких хозяйств, владевших свыше 400 оленей, живших натуральным хозяйством независимо от «промысловых биоресурсов, так и складывающего рынка», [Головнев, 1995, с.51], обеспечивавших себя всем необходимым самостоятельно, было немного среди ненцев. Традиционная ценностная установка каждого «сидячего» тундрового промысловика (*амдёда*), не имеющего возможности кочевать, «подняться на каслание», т.е. нарастить поголовье оленей, сделаться оленеводом и жить *ненэй илгана* — буквально «настоящей жизнью» [Харючи, 2001, с.12] была идеалом, которого достигали немногие.

Несмотря на преобладание безоленных и малооленных хозяйств, тем не менее, все 612 хозяйств Ямала, по данным Приполярной переписи, были кочевыми [Список..., 1928, с.164]. Источники первой трети XX в. показывают, что полная утрата оленьего стада в силу различных объективных и субъективных причин на практике не всегда приводила к переходу на оседлость у ненцев, так как в этой ситуации включались выработанные в процессе превращения оленеводства в форму производящего хозяйства механизмы, позволяющие семье, несмотря на потерю оленей, кочевать. Это служит объяснением тому, что многие безоленные и малооленные хозяйства продолжали кочевать, не теряя надежду снова нарастить свое стадо и стать самостоятельными оленеводами.

Получение малооленными хозяйствами оленей на выпас от крупных оленеводов *подерпо* или «подержание» у В.П.Евладова представляло беспроцентный и фактически бессрочный займ необученными к езде оленями, основное условие которого заключалось в возвращении обученных животных. Обычно оленей брали

осенью, кочевали с ними зимой, а с началом рыбного промысла весной отдавали обратно [ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д.39. Л.1об.], иногда в силу различных субъективных и объективных обстоятельств срок отдачи откладывали на 2 и более лет [ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д.37. Л.121об.; Евладов, 1992, с.169]. Оплата за использование оленей и компенсация за их потерю составляла половину полученной на них продукции, включая охотничий, рыболовный промыслы и заработки от извоза [ГАЯНАО. Ф.12. Оп.1. Д.53. Л.25об.; 34об.]. Еще одной формой бессрочного и беспроцентного займа оленями была выдача на мясо богатым хозяйством бедному. Такой кредит не предполагал отдачу, считалось, что «всякий, имеющий пищу обязан дать голодному без каких-либо компенсаций и возврата» [Евладов, 1992, с.170]. В этой связи показательным является пример о раздаче североямальскими ненцами части своих оленей хозяйствам, пострадавшим от эпизоотии сибирской язвы в 1911-1912 гг. на Среднем Ямале [там же, с.170], что позволило последним не бросить кочевой образ жизни. Согласно Приполярной переписи, безвозмездная отдача составляла примерно 0,8% от общего числа стада, что насчитывало только 0,2% в составе приобретенных населением оленей [рассчитано по: Поселенные итоги, Обдорский сельский совет, 1926-1927 гг. Из фондов ГУ ЯНОМВК имени Шемановского, без номера].

Данные Приполярной переписи позволили уточнить замечание о том, что в конце 1920-х гг. очень редко можно было встретить на Ямале «хозяйство, имеющее более 100 оленей, которое не отдавало бы их в другие чумы или не имело бы от других» [Евладов, с.171]. Согласно материалам переписи, 11,5% оленевых хозяйств, являвшихся главным образом владельцами стад до 150 голов, получили чужих оленей, а 8,5% — отдали своих [рассчитано по: ГАЯНАО. Ф.12. Оп.1. Д.3]. С ростом величины стада увеличивается доля хозяйств, отдававших своих оленей. В процентном соотношении доля принятых оленей не превышала 5,4% в составе выпасаемого стада, а доля отданных оленей составляла менее

1% в малооленных и среднеоленных хозяйствах, а в крупных вырастала до 2,8%. При этом хозяйств, одновременно принимавших чужих оленей и отдававших своих, не было. Размер «подержания» в одном хозяйстве не превышал 40 оленей [там же, с.169], в материалах переписей 1926-1927 и 1934 г. — 30 [ГАЯНАО. Ф.12. Оп.1. Д.3. Л.15, 37; ГАРФ. Ф. А-374. Оп.26. Д.39. Л.1об.]. Количество розданных оленей ничем не ограничивалось. В переписных материалах максимальное число отданных в другие, преимущественно родственные хозяйства, оленей насчитывало 250 голов [ГАЯНАО. Ф.12. Оп.1. Д.3. Л.13]. В.П.Евладов приводит примеры и более крупных раздач, достигавших 300 оленей ежегодно [1992, с.170].

Тында или дарение было широко распространено в тундре, являясь залогом доброго расположения и взаимопомощи, так как практически всегда по умолчанию предполагало отдаривание. Иногда в качестве подарка выступал живой олень. *Тында* носила бессрочный характер, но в некоторых случаях назывался условный срок три года. Предусматривая целую систему отношений между дарителем и получателем на протяжении ряда лет, она предполагала, что последний, получив одного оленя, должен вернуть первому через три года двух оленей, с тем, чтобы он в свою очередь мог сделать ему повторный подарок по прошествии следующих трех лет уже в виде двух оленей [ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д.46. Л.41об.]. По данным В.П.Евладова, в данной процедуре было «...задействовано постоянно более 2% всех оленей Ямала, а отдача составляла лишь 1,8%» [1992, с.172].

Уплата калыма или, как его еще называют в этнографической литературе, возмещения за приданное семье невесты [Сусой, 1994. С.56] приводила к сокращению стада отдающего хозяйства и росту его в принимающем. Размер выплаты зависел от величины приданного и варьировал от 20 до 100 оленей [Евладов, 1992, с.239]. Согласно средним оценкам, в 1928 г. в уплату калыма пошло 1,9% всех ямальских оленей и еще 0,3% — «по последующему дарению приезжающим в гости после выхода

замуж дочерям и сестрам» [там же, с.173].

Обмен продукции рыболовного и охотничьего промысла на оленей практиковался издавна, сыграв существенную роль в наращивании домашнего поголовья оленей и становлении оленеводства крупнотабунного типа [Головнев, 1993, с.93]. В начале 30-х гг. XX в. 1 олень стоил 1 песка или 1 ящик рыбы (0,5 ц) [ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д.39. Л.21об.]. Кроме того, олени приобретались за продукцию кустарных промыслов, в частности за изготовление двух нарт давали 1 оленя [там же. Ф.А-374. Оп.26. Д.39. Л.121об.]. Также кражи оленей не были редким явлением в ямальской тундре [ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д.46. Л.41об., Д.47. Л.121об., Евладов, 1992, с.84, 249].

Производственные нужды оленеводства требовали объединения хозяйств для совместного окарауливания оленей и кочевания. В период отела из 2-3 семей образовывались стойбища *нгэсы*, которые в комарный период преобразовывались для окарауливания стад в *нгоб' нгэсурма* (объединенные стойбища), состоявшие из 3-12 семей, распадавшиеся осенью на *тэрангу* (выделяющиеся) или *тахав'а* (направляющиеся в разные стороны), последние разделялись на отдельные семьи *нарава* (весенние) на время перекочевок на север [Головнев, 1995, с.53]. Мотивами таких объединений служила техника выпаса, сложившаяся к началу XX в. и не допускавшая самостоятельный выпас менее 100 оленей без слияния с другими стадами во все времена года, исключая комариный период [ГАЯНАО. Ф.12. Оп.1. Д.188а. Л.211об.]. Считалось, что более мелкие стада будут разбегаться при появлении волка [там же]. Для создания оленьей «карусели», облегчающей страдания животных от гнуса летом, требовались объединенные стада в 300 голов [там же].

Поводом для объединения служило также наличие или отсутствие достаточного количества мужчин-работников. Как удалось установить участникам землеустроительной экспедиции «в хозяйствах с одним работником стадо не должно превышать 1000 голов, так как иначе хозяин не сможет проверять ежедневно все ли у него олени на лицо, нет ли

потерь» [там же]. Поэтому хозяйства, имевшие несколько работников как членов семьи, так и батраков, могли доводить размер стада до 1500-2000 оленей. Чаще всего оленеводы образовывали совместные стада в 500-600 голов [ГАЯНАО. Ф.12. Оп.1. Д.188а. Л.211об.; Евладов, 1992, с.171]. Выпас оленей в таких объединениях (*нармах*) осуществлялся по очереди каждым из ее участников, независимо от количества своих оленей [Броднев, 1950, с.95]. Пармы на Ямале могли включать в свой состав как родственников, так и неродственников, мало в отличаясь в этом от Ненецкого округа [Маслов, 1934, с.28]. Примеры объединения малооленных или среднеоленных ненцев между собой, малооленных с богатыми хозяйствами встречаются в большом количестве в рассматриваемый период [ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д.35. Л.121об.; Д.36. Л.11об.; Д.39. Л.11об.]. Последнее в годы советской власти оценивалось как одна из скрытых форм эксплуатации бедного оленевода богатым [Броднев, 1950, с.95-96; Маслов, 1934, с.28-29]. Бедняк, нанимавшийся батраком в многооленный чум один или с семьей, мог рассчитывать на питание и одежду наравне с членами хозяйства, а также заработать оленей, помогая в стаде, изготавливая нарты и т.д. [Евладов, 1992, с.62; ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д.37. Л. 221об., 231об.; Д.46. Л.151 об.].

Отраженные в материалах Приполярной переписи традиционные способы получения оленей в виде безвозмездного приобретения дополняются новым, а именно покупкой оленей, на который приходилось только 0,6% оленьего поголовья 1926 года, при этом продавалось оленей гораздо больше – 3,2%. По данным похозяйственной переписи УНХУ РСФСР доля оленей, купленных за наличные деньги и в кредит, насчитывала уже 2,2% от общего поголовья оленей или 16,7% в общей прибыли оленьего поголовья, занимая первое место среди возможных источников их поступления в 1934 г. [рассчитано по: ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д.34. Л.174]. Сложившаяся ситуация связана с изменением социально-экономической ситуации на Ямальском полуострове в конце 20-х гг. XX в., появлением

у населения больших возможностей покупки оленей, так как с образованием стационарных населенных пунктов (факторий, районного центра Яр-Сале, поселков: Новый Порт, Ходата, Пуйко, Горный Хаманел) ненцы стали зарабатывать деньги, занимаясь извозом, заготовкой топлива, службой, сдачей на фактории продукции своих промыслов. Заинтересованность государства в пушнине, а так же рыбе и мясе обусловила широкую практику предоставления кредитов промышленникам хозяйственными организациями: Интегралкооперативом и Рыбтрестом, которые население использовало на приобретение оленей. Покупали оленей в кредит, получали от колхоза, меняли на рыбу и пушнину, прежде всего, малооленные как индивидуальные, так и колхозные хозяйства, что указывает на их желание быстро нарастить стадо всеми возможными путями и начать кочевать. Только в категории хозяйств с поголовьем до 25 оленей их покупка составила 50,9% от общего числа приобретенных оленей в данной группе или 9,1% от общего поголовья. В хозяйствах колхозников она доходила до 67% и 26,8% соответственно. Получение оленей от колхоза в счет заработной платы [Судьбы народов..., 1995, с.192], находилось на втором месте среди источников поступления их в хозяйство, насчитывая 0,4% общего поголовья. На третьем месте оказались олени, полученные путем обмена и прочие поступления – 0,3%, затем – плата оленями за отработки, равная

0,2%. Переход полуоседлых и оседлых хозяйств в конце 20-х—начале 30-х гг. XX в. к кочевому образу жизни, обусловленный экономическими причинами [Волжанина, 2012], стал в свою очередь одной из причин роста малооленных хозяйств на Ямале, а активное использование новых способов увеличения стада свидетельствует об их преимуществах перед традиционными в возможности сразу приобрести необходимое для кочевания количество оленей.

На наш взгляд, сложившееся на Ямале к началу 30-х гг. XX в. соотношение малооленных, среднеоленных и крупнооленных хозяйств, при котором хозяйства, владевшие стадами свыше 500 оленей, насчитывали только 6% населения и владели 27,5% общего оленьего стада [ГАЯНАО. Ф.12. Оп.1. Д.188а. Л.202] было основной характеристикой крупнотабунного оленеводства ямальских ненцев, которое благодаря действию описанных выше традиционных механизмов, направленных на поддержание кочевого образа жизни, позволяло кочевать остальным менее крупным хозяйствам. Таким образом, государство, проводя политику разукрупнения, сводило на нет действие традиционных механизмов, направленных на поддержание кочевого образа жизни, тем самым диктуя свои условия кочевникам и подготавливая почву для последующей коллективизации, повышения товарности оленеводческого хозяйства и перевода их на оседлый образ жизни.

Список источников и литературы

1. ГАРФ. Ф.А-374. Оп.26. Д. 34, 35, 36, 37, 39, 46, 47.
2. ГАЯНАО. Ф.12. Оп.1. Д.3, 53, 188а, 189.
3. Броднев М.М. От родового строя к социализму (По материалам Ямало-Ненецкого национального округа) // СЭ. 1950. №1. С. 92-106.
4. Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск: Областное Омское государственное издательство, 1952. 187 с.
5. Бушевич А. Экскурсия в бухту Находку летом 1912 // ЕТГМ. Тобольск: Типография Епархиального братства, 1914. Вып. 22. С. 1-86.
6. Волжанина Е.А. Кочевые и оседлые хозяйства в составе ненцев Ямала в конце 20-х – первой половине 30-х гг. XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. В печати.
7. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 204 с.

8. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 610 с.
9. Гурвич И.С. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера СССР // СЭ. 1970. №1. С.15-34.
10. Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928-1929 гг. Тюмень: Институт проблем освоения Севера СО РАН, 1992. 281 с.
11. Зибарев В.А. Большая судьба малых народов. Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1972. 121 с.
12. Козлов В. Полярная фактория. Свердловск-Москва: Уралогиз, 1933. 185 с.
13. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа (этносоциальный аспект). Новосибирск-Салехард: Банк культурной информации, 2007. 184 с.
14. Поселенные итоги, Обдорский сельский совет, 1926-1927 гг. Данные Всесоюзной переписи 1926-1927 гг. по Обдорскому району, полуостров Ямал. Сводные поселенные итоги Приполярной переписи. Из фондов ГУ ЯНОМВК имени Шемановского, без номера.
15. Сборник федеральных нормативных правовых актов и нормативных правовых актов Ямало-Ненецкого автономного округа в области гарантий и прав коренных малочисленных народов Севера. Салехард: Законодательное Собрание Ямало-Ненецкого автономного округа, 2010. 406 с.
16. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. // ТИЭ. М.: Наука, 1955. Т.27. 569 с.
17. Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. Т.ХII. Тобольский округ. 234 с.
18. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822-1941 гг.). Сборник документов. Тюмень: ИПП «Тюмень», 1994. 321 с.
19. Сусой Е.Г. Из глубины веков. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. 173 с.
20. Тарасов В. Сообщение о поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С.И. Драчинского в 1913 г. // ЕТГМ. Тобольск: Типография Епархиального братства, 1915. Вып. 24. С. 1-32.
21. Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 228 с.

Список сокращений

ГАРФ Государственный архив Российской Федерации
ГАЯНАО Государственный архив Ямало-Ненецкого автономного округа
ЕТГМ Ежегодник Тобольского Губернского музея
ИПОС СО РАН Институт проблем освоения Севера Сибирское отделение Российской академии наук
СЭ Советская этнография

**МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ
ДЛЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА**

*Вороненко А.Г.,
к.пед.н., зам. директора ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»,
г.Салехард.*

*Фиголь Н.В.,
к.пед.н., советник заместителя Губернатора ЯНАО.*

Ямало-Ненецкий автономный округ один из немногих регионов России, где не только сохранились, но и продолжают динамично развиваться традиционные отрасли хозяйствования и промыслы коренных малочисленных народов Севера.

Благодаря эффективной системе государственного регулирования, стимулирующей экономическую активность, оленеводство, рыбодобыча, животноводство и переработка сельскохозяйственной продукции перешли на качественно новый уровень развития, обеспечивающий их конкурентоспособность на отечественном и мировом рынках.

Стратегией социально-экономического развития автономного округа до 2020 года агропромышленному комплексу региона, основанному на традиционных отраслях, отведена ключевая роль в обеспечении продовольственной безопасности территории, а также диверсификации региональной экономики. Планируется реализовать ряд крупных инвестиционных проектов по глубокой переработке сельскохозяйственного сырья на основе высокотехнологичных безотходных производств, воспроизводству ценных биологических ресурсов, развитию маркетингово-сбытовой сети, а также возрождению овощеводства и птицеводства.

Важнейшим условием успешной реализации поставленных задач является адекватное кадровое обеспечение, наличие высококвалифицированных специалистов, способных и готовых эффективно управлять инновацион-

ным сельскохозяйственным производством.

Вместе с тем, современное состояние обеспеченности кадрами сельского хозяйства региона, как и в целом по стране, характеризуется значительным недостатком квалифицированных кадров. Слабо укомплектованными главными специалистами, имеющими высшее профессиональное образование и специалистами, имеющими среднее профессиональное образование, остаются службы: ветеринарии, бухгалтерии, а с учетом перспектив развития отрасли – инженерное, зоотехническое и другие направления.

По состоянию на 1 января 2012 года из 323 руководителей и специалистов, занятых в сельскохозяйственном производстве, 129 (или 40%) человек имеют высшее профессиональное образование; среднее профессиональное образование имеют 160 (или 50%) человек.

В числе основных тенденций, характеризующих состояние кадрового обеспечения – старение кадров: возраст 60% руководителей предприятий агропромышленного комплекса от 50 и выше лет.

С учетом перспектив развития отрасли в ближайшие годы дополнительно проявится потребность в агроинженерах и агроэкологах, механизаторах сельского хозяйства, технологах, менеджерах, ихтиологах, специалистах холодильного оборудования и социально-культурного сервиса, туризма, информационных технологий, фармацевтики и многих других.

**Потребность в молодых специалистах
в 2012 году
по Ямало-Ненецкому автономному округу**

	Количество, человек
Работники организаций агропромышленного комплекса – всего	198
В том числе:	
Агрономы	10
Зоотехники	54
Ветеринарные врачи	25
Механизаторы	21
Другие категории (операторы холодильных установок, эколог, энергетик, овощеводы и т.д.)	88
Работники организаций социальной сферы – всего	399
В том числе:	
Учителя	146
Воспитатели дошкольных образовательных учреждений	73
Врачи	72
Фельдшеры, акушеры	41
Работники клубов и домов культуры	32
Библиотечные работники	8
Другие категории (программист, юрист и т.д.)	27
Итого:	597

При этом особо востребованы в сельской экономике кадры из числа коренных малочисленных народов Севера, знающие особенности территории и специфику традиционного производства.

Уже сегодня во многих школах-интернатах округа на уроках технологии изучаются традиционные промыслы коренных малочисленных народов Севера, декоративно-прикладное искусство. При изучении курса ОБЖ школьники получают навыки ориентирования в тундре, изучают приемы выживания в экстремальных условиях Крайнего Севера. Все вышеперечисленные учебные дисциплины способствуют успешной социализации и дальнейшему трудоустройству детей из числа коренных малочисленных народов Севера.

На базе школы-интерната с. Самбург Пуровского района открыта муниципальная экспериментальная площадка «Кадры для аграрно-промышленного комплекса». Для получения практических навыков в школы-

интернаты сёл Ныда и Кутопьюган закуплены учебники по традиционным видам хозяйствования, для Антипаютинской и Горковская школ приобретены снегоходы «Буран».

В Ямальском, Надымском, Тазовском, Шурышкарском, Приуральском, Красноселькупском районах для организации кружковых занятий по национальному шитью, бисероплетению, резьбе по кости и дереву в течение года используются традиционные материалы (сукно, меха, бисер и т.д.).

В Пуровском районе обеспечение оленьими шкурами, камусом и мехами для кружковых занятий осуществляется посредством заключения договоров на поставку с СПК «Верхнепуровский» г. Тарко-Сале, «Пуровский» с. Самбург.

Подготовку профессиональных кадров для сельского хозяйства в системе начального, среднего и высшего профессионального образования на территории автономного округа осуществляют средние учебные заведения и филиалы высших учебных заведений.

Система среднего профессионального образования региона построена по отраслевому признаку: из 6-ти учебных заведений – 1 готовит специалистов сельскохозяйственного профиля. Это одно из старейших учреждений округа – бывший зооветеринарный техникум, ныне – государственное бюджетное образовательное учреждение среднего профессионального образования «Ямальский полярный агроэкономический техникум». Ежегодный выпуск составляет в среднем 125 человек по 5-ти специальностям: ветеринария, технология переработки рыбы и рыбных продуктов, экономика и бухгалтерский учет отрасли, право и организация социального обеспечения, а также земельно-имущественные отношения.

На территории автономного округа в г.Салехарде зарегистрирован филиал Тюменской государственной сельскохозяйственной академии, который ежегодно выпускает специалистов с высшим профессиональным образованием по 3-м специальностям: зоотехния, менеджмент, экономика отрасли.

В 2012–2013 учебном году общее число студентов филиала составляет 502 человека.

Вместе с тем, анализ данных о лицах из числа коренных малочисленных народов Севера окончивших образовательные учреждения среднего и высшего профессионального образования в 2012 году демонстрирует определенный дисбаланс между спросом и предложением квалифицированных кадров для сельскохозяйственного производства (Рис.1,2,3.)

Несмотря на внушительные, на первый взгляд, цифры по количеству ямальских выпускников, окончивших высшие и средние образовательные учреждения, возвращение их на село, по данным специалистов, составляет не более 10–15% от числа выпуска. Среди молодёжи работа в агропромышленном секторе не является престижной и перспективной, несмотря на то, что именно

Рис.1

Рис.2

Рис.3

в этой отрасли скрыт значительный потенциал развития.

Проблема закрепления на селе молодых специалистов остается достаточно острой. По состоянию на 1 января 2012 года в организациях агропромышленного комплекса на должности специалистов имелось 33 вакансии. И число вакансий – потребность в новых высококвалифицированных кадрах по новым специальностям значительно возрастёт с введением и реализацией инвестиционных проектов и программ.

Решить проблему привлечения в агропромышленный комплекс автономного округа

молодых специалистов предполагается в рамках программно-целевого планирования. Департаментом по развитию агропромышленного комплекса, торговли и продовольствия автономного округа разработана специализированная программа по обеспечению агропромышленного комплекса высококвалифицированными профессиональными кадрами на 2013–2017 годы, которая предусматривает целый комплекс мер, направленных на подготовку и закрепление молодых кадров в сельской местности. Для достижения поставленной цели будут решены следующие задачи:

внедрение новой системы подготовки кадров, обучение сельской молодежи в зарубежных вузах

развитие системы целевой подготовки для инновационных проектов

совершенствование системы переподготовки и повышения квалификации работников

создание условий по привлечению и закреплению кадров

модернизация системы профобразования

Привлечению и закреплению кадров будет способствовать комплекс мероприятий, включающий:

- предоставление субсидий сельскохозяйственным производителям на компенсацию части затрат по оплате обучения в рамках целевой контрактной подготовки специалистов очной формы;

- социальные выплаты специалистам и работникам предприятий агропромышленного комплекса на компенсацию 50% затрат по оплате заочной формы обучения;

- социальные выплаты студентам, абитуриентам на компенсацию части затрат, связанных с поступлением, получением высшего

профессионального образования по сельскохозяйственным специальностям по очной форме обучения на основании контрактной подготовки специалистов в зарубежных высших учебных заведениях;

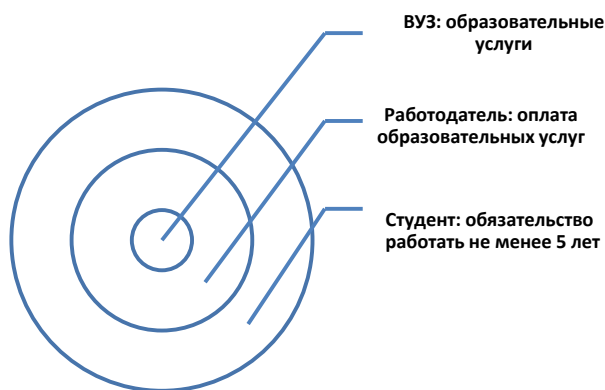
- оплату услуг образовательным учреждениям по профессиональной переподготовке, повышению квалификации, получению второй и/или смежной специальности;

- социальные выплаты молодым специалистам в течение первого года работы;

- субсидии предприятиям на компенсацию части затрат по выплате молодым специалистам заработной платы (в течение двух лет) и пособия на обустройство;

– приобретение для молодых специалистов ведомственного жилья.

Важным условием для получения такой поддержки, как студентом, так и его будущим работодателем является трехстороннее соглашение.

Обязательными условиями данного трехстороннего договора являются обязательства высшего образовательного учреждения о предоставлении дополнительных образовательных услуг на подготовку специалиста, обязательство сельскохозяйственного товаропроизводителя оплачивать данные услуги в течение всего обучения, обязательство студента работать у вышеуказанного сельскохозяйственного товаропроизводителя по трудовому договору не менее пяти лет с момента окончания высшего образовательного учреждения.

Задачу обеспечения качества подготовки специалистов для агропромышленного производства автономного округа в системе среднего профессионального образования и обеспечения на региональном рынке труда баланса спроса и предложения предполагается решить путем реализации комплексной программы «Развитие системы профессионального образования Ямало-Ненецкого автономного округа на 2011 – 2015 годы», разработанной департаментом образования автономного округа. Мероприятия направлены на формирование сквозных компетенций конкурентоспособности молодых людей для кадрового обеспечения инновационной экономики округа, удовлетворение потребности граждан, общества и рынка труда в качественном профессиональном образовании.

В числе ключевых задач – формирование эффективной территориально-отраслевой модели организации ресурсов системы профессионального образования, ориентированной на потребности рынка труда и обеспечение квалифицированными кадрами инвестиционных проектов, реализуемых на территории округа.

Система профессионального образования выступит инновационной площадкой по формированию модели организации профессионального образования, основанной на ключевой роли работодателей в подготовке кадров для инновационной экономики региона и будет включать:

- формирование новых механизмов организации образовательного процесса с участием работодателей, в том числе перемещение базы учебной практики (производственного обучения) и производственной практики на предприятия, что позволит учреждениям использовать современные производственные технологические базы без привлечения дополнительных финансовых ресурсов;
- внедрение новой системы распределения выпускников по предприятиям с закреплением за ними рабочего места (в том числе на период службы в армии) через трудоустройство в период обучения;
- участие работодателей (их ведущая роль) в формировании регионального заказа на подготовку квалифицированных рабочих кадров, служащих и специалистов;
- долгосрочный прогноз потребности автономного округа в трудовых ресурсах;
- определение новых требований к материально-технической базе, размещенной на предприятии и используемой для профессионального обучения;
- развитие профессионально-общественной аккредитации основных профессиональных образовательных программ;
- разработка предложений по созданию центров оценки и сертификации при предприятиях.

По мнению разработчиков, прообразом новой модели профессионального образования станет эксперимент по подготовке учителей и

воспитателей для Лаборовской кочевой школы в Ямальском многопрофильном колледже, предусматривающий перенос 90% практического обучения на базу школы.

Новый подход к системе профессионального образования реализуется за счет инновационной модели развития профессионального образования автономного округа, предполагающей осуществление в системе профессионального образования проектов, поддержку профессий и специальностей, которые всегда необходимы (оленоводство, рыбодобыча, сельскохозяйственная переработка) с повышением их конкурентоспособности, сохраняя при этом сбалансированный подход.

В рамках объявленного в 2012 году Губернатором автономного округа года квалифицированных кадров, с целью поддержки молодежи, подготовки высококвалифицированных кадров для экономики округа сформирована система грантовой поддержки для получения высшего профессионального и послевузовского профессионального образования выпускниками образовательных учреждений среднего профессионального и высшего профессионального образования.

В условиях сбалансированной системы государственного регулирования социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера в автономном округе реализуется широкий комплекс мер, стимулирующих молодежь данной категории к получению высшего и среднего профессионального образования. Студенты из числа коренных народов, получающие образование в округе по очной форме обучения в системе начального и среднего профессионального образования находятся на гособеспечении. Оказывается материальная помощь аспирантам, а также дополнительная социальная поддержка студентам из малообеспеченных семей. Выплачивается социальная стипендия и компенсируются расходы по оплате проживания в общежитиях.

В рамках программы по сохранению традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера автономного округа на 2012–2017 годы, реа-

лизуемой департаментом по делам КМНС, предусмотрены возмещение расходов на получение первого высшего образования (по заочной форме обучения) лицам из числа народов Севера и оплата за обучение и возмещение отдельных расходов студентам из числа малочисленных народов Севера, обучающимся по программе целевой подготовки управленческих кадров.

Существенную роль в повышении престижа отрасли и привлекательности сельского образа жизни играет масштабное строительство объектов социальной и инженерной инфраструктуры, повышение качества услуг, оказываемых сельскому населению автономного округа.

Региональная стратегия подготовки кадров для социально-экономического развития автономного округа предусматривает широкий комплекс мер в рамках программно-целевого планирования, системы социальной и экономической поддержки студентов и выпускников из числа коренных малочисленных народов Севера, направленных на качественную подготовку специалистов с равной долей участия и ответственности региональных органов власти и бизнеса, привлечение и закрепление высококвалифицированных кадров на территории. Национально-этническая специфика автономного округа как традиционного места проживания коренных малочисленных народов Севера, предопределяет приоритетность подготовки кадров из числа лиц коренных малочисленных народов Севера для реализации инвестиционных проектов агропромышленного комплекса.

В числе ключевых целевых индикаторов планируемых мероприятий:

- доля руководителей сельскохозяйственных организаций, имеющих высшее образование— 60 процентов;
- удельный вес специалистов сельскохозяйственных организаций, имеющих высшее и среднее профессиональное образование, 60–65 процентов;
- удельный вес первокурсников, поступивших в рамках целевой подготовки 30 процентов;

– доля выпускников образовательных учреждений аграрного профиля, трудоустроившихся в течение года в организации агропромышленного комплекса – 40–50 процентов.

Анализ предпринимаемых в автономном округе мер дает основания для оптимистичного прогноза. Вместе с тем для кардинального решения накопившихся проблем, более эффективной на наш взгляд, будет разработка и принятие межведомственной целевой программы по созданию инновационного кадрового потенциала для сельских территорий,

объединяющей ресурсы и усилия отдельных ведомств и структур.

В числе приоритетных направлений могут быть выделены: повышение качества подготовки специалистов; совершенствование программ и методик целевой подготовки специалистов; профориентация молодежи на аграрные специальности; адаптация молодых специалистов на рабочих местах; усиление государственной политики по созданию условий для закрепляемости молодых специалистов в сельской местности.

**СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ ПОЛЕ
В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ
И ЭКОНОМИКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА**

А.В.Евай –

*председатель Комитета Законодательного Собрания
Ямало-Ненецкого автономного округа
по делам национальностей и общественных объединений*

В Ямало-Ненецком автономном округе защита прав и законных интересов, сохранения самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера, языка, традиций и среды обитания, без сомнения, является важнейшим направлением национальной и региональной политики, что находит отражение и в действующем законодательстве автономного округа, куда, как известно, входят законы, решения Губернатора, Правительства, других органов государственной власти, имеющие нормативный характер.

Особенностью законодательства Ямало-Ненецкого автономного округа является то, что многие законы и нормативные правовые акты автономного округа направлены на защиту прав коренного населения. В целях создания условий для стабилизации экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, реализации их национально-культурных запросов и сохранения сложившихся традиций принято около 40 законов автономного округа, напрямую связанных с вопросами прав коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей. В остальных же законах автономного округа имеются ссылки, отдельные статьи, так или иначе затрагивающие права и интересы, гарантии прав коренных малочисленных народов Севера.

Уставом (Основным законом) автономного округа установлено, что права коренных малочисленных народов Севера, объединений названных народов и лиц, к ним относящихся, в том числе на защиту их исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов, на сохранение и

развитие своей самобытной культуры, а также гарантии указанных прав устанавливаются в соответствии с федеральным законодательством. Кроме того, органы государственной власти автономного округа в пределах своих полномочий устанавливают дополнительные гарантии прав проживающих на территории автономного округа коренных малочисленных народов Севера. В автономном округе созданы условия и закреплены правовые механизмы для участия коренных малочисленных народов Севера в органах государственной власти автономного округа и в органах местного самоуправления.

В сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера при поддержке комитета были подготовлены и приняты следующие законы автономного округа:

«Об оленеводстве»,

«О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе»,

«О факториях Ямало-Ненецкого автономного округа»,

«О фольклоре коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе»,

«О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих виды традиционной хозяйственной деятельности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа»,

«О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа»,

«О территориях традиционного природопользования регионального значения в Ямало-Ненецком автономном округе».

Самым значимым в этой области является Закон автономного округа «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе». В нём учреждены основные направления реализации государственной политики по защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера, это: сохранение и развитие исторически сложившихся способов природопользования и самобытной социальной организации проживания коренных малочисленных народов Севера и самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера, утверждение окружных целевых программ социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера, а также использования и охраны земель традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, предоставление мер социальной поддержки, в т.ч. компенсационных выплат (пособий) коренным малочисленным народам Севера и другие. Данным законом предусмотрена возможность проведения оценки воздействия на исконную среду обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. Законом автономного округа от 25.11.2011 г. № 129-ЗАО «О видах деятельности некоммерческих организаций для признания их социально ориентированными в Ямало-Ненецком автономном округе» деятельность по защите исконной среды обитания, сохранению и развитию традиционного образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры коренных малочисленных народов Севера была отнесена к видам деятельности, осуществляемым некоммерческими организациями для признания их социально ориентированными.

Закон автономного округа «Об оленеводстве» устанавливает правовые, экономические, природоохранные и социальные основы

олeneводства как одного из видов традиционной хозяйственной деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей и направлен на создание условий для эффективной хозяйственной деятельности и сохранения традиционного уклада жизни и культуры коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей. Законом определено преимущественное право на занятие оленеводством гражданами из числа коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей, имеющих опыт работы в оленеводстве, которые проживают на территории автономного округа, самобытная культура и образ жизни которых включают традиционные методы использования объектов оленеводства.

Закон автономного округа «О факториях Ямало-Ненецкого автономного округа» установил возможность образования факторий вне границ населенных пунктов в местах традиционной хозяйственной деятельности и традиционных промыслов малочисленных народов Севера. Значение факторий для традиционного хозяйствования, традиционных промыслов, жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера велико. Это и реализация продукции, и обеспечение всем необходимым, особенно в период каления оленей.

На территории Ямало-Ненецкого автономного округа действуют более 90 общин коренных малочисленных народов Севера. Обеспечение на территории проживания и хозяйствования общин коренных малочисленных народов Севера и организаций, осуществляющих традиционные виды хозяйственной деятельности, гарантиями на государственную поддержку традиционного природопользования установлено Законом автономного округа «О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа». Государственная поддержка включает в себя ряд мер, направленных на создание условий для социально-экономического и культурного развития

коренных малочисленных народов Севера, защиты их традиционного образа жизни и традиционной хозяйственной деятельности.

Законом «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» предусмотрен комплекс условий, гарантирующих права коренных малочисленных народов Севера на сохранение их культуры, дано понятие фольклора, определены жанры (формы) народного творчества, подпадающие под определение фольклора и подлежащие правовой охране. Существенным является установление в данном Законе системы организационных мер, направленных на сохранение фольклора коренных малочисленных народов Севера: предусматривается работа экспертного совета в области фольклора коренных малочисленных народов Севера, включение особо ценных и уникальных объектов фольклора в государственный реестр национального и культурного достояния автономного округа, формирование фольклорных архивов. Закон определяет государственные гарантии субъектам сохранения фольклора и субъектам фольклорной деятельности, в частности, устанавливает формы их государственной поддержки, закрепляет полномочия органов исполнительной власти автономного округа в области сохранения, изучения, использования и популяризации фольклора).

Закон автономного округа «Об объектах культурного наследия Ямало-Ненецкого автономного округа» также направлен на создание условий для сохранения самобытности, языка и традиций, накопленных веками. В данном законе объектам культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, проживающих в автономном округе уделяется особое внимание.

Закон автономного округа «О культуре в Ямало-Ненецком автономном округе» вводит в нормативное поле такие понятия, как «высокохудожественные изделия народных художественных промыслов автономного округа» и «нематериальное культурное наследие народов Российской Федерации, проживающих на территории автономного окру-

га». Сохранение и развитие нематериального культурного наследия народов Российской Федерации, проживающих на территории автономного округа, органы государственной власти автономного округа должны обеспечивать путем реализации мер, установленных в этом законе.

Закон автономного округа «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» принят в целях реализации полномочий, установленных для субъектов Российской Федерации. Кроме того, в законе автономного округа дано понятие родных языков коренных малочисленных народов Севера на территории автономного округа, определены основные родные языки, к которым относятся: ненецкий, ханты, селькупский. Закон определяет гарантии прав коренных малочисленных народов Севера на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития, закреплена возможность учета предложений об использовании родных языков в написании географических объектов, оформлении дорожных и иных указателей и надписей в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера на территории автономного округа.

Закон автономного округа «О территориях традиционного природопользования регионального значения в Ямало-Ненецком автономном округе» разработан и принят в целях сохранения исконной среды обитания, традиционного природопользования и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в автономном округе. Закон регулирует вопросы, возникающие при образовании территорий традиционного природопользования регионального значения в автономном округе. В 2011 году в данный закон внесены изменения, уточняющие регламент взаимодействия субъектов традиционного природопользования с органами государственной власти автономного округа по вопросам организации территорий, обеспечивающих в соответствии со своим нормативным статусом сохранение основ жизнедеятельности коренных малочислен-

ных народов Севера, воспроизведен и усилен установленный ранее приоритет обычаев коренных малочисленных народов Севера над иными основаниями использования земли и природных ресурсов, расположенных в границах территорий традиционного природопользования регионального значения.

Фундаментальная законодательная база в сфере обеспечения гарантий и прав коренных малочисленных народов Севера была сформирована к 2010 году, в настоящий момент она оптимизируется, в том числе исходя из задач, поставленных в программных документах региона. Так в Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года важной мерой, направленной на повышение качества жизни коренных малочисленных народов Севера автономного округа, названа организация кочевых школ. Ориентированная на природу ребенка, кочевая школа поможет сохранить традиционные формы хозяйствования, родной язык и национальную культуру коренным малочисленным народам. Также в Стратегии отмечается важность сохранения и популяризации уникальной культуры коренных малочисленных народов Севера, которая обусловлена ее общемировой ценностью. В этой части планируется продолжить работу по сохранению и популяризации фольклора народов, проживающих на территории автономного округа, возрождению, сохранению и развитию народных художественных промыслов и ремесел.

К нормативным правовым актам автономного округа, составляющим законодательство автономного округа, относятся и постановления Законодательного Собрания автономного округа, постановления Губернатора автономного округа, постановления Правительства автономного округа, приказы центральных исполнительных органов государственной власти автономного округа, имеющие нормативный правовой характер. Вот некоторые из них.

Постановление Губернатора ЯНАО от 18.05.2002 № 136 «Об учреждении специальных премий Губернатора автономного округа за успехи в создании, сохранении и

пропаганде культурных ценностей коренных малочисленных народов Севера».

Постановление Правительства ЯНАО от 23.12.2011 № 1007-П «Об утверждении окружной долгосрочной целевой программы «Сохранение традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012–2015 годы».

Постановление Правительства ЯНАО от 14.09.2012 № 765-П «О присуждении грантов в сфере сохранения исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа».

Постановление Правительства ЯНАО от 25.07.2011 № 476-П «О правовом режиме объектов нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа».

Постановление Правительства ЯНАО от 23.07.2012 № 580-П «О государственной поддержке фольклорной деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе».

Постановление Правительства ЯНАО от 23.07.2012 № 578-П «Об утверждении Положения о размерах и порядке присуждения специальных премий имени П.Е. Салтыкова и Л.В. Лапцуя за лучшее освещение на родных языках в печатных изданиях тематики сохранения и развития культурного наследия коренных малочисленных народов Севера».

Постановление Законодательного Собрания ЯНАО от 14.12.2011 № 839 «О Стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года».

Постановление Правительства ЯНАО от 09.12.2010 № 452-П «Об утверждении окружной долгосрочной целевой программы «Культура Ямала (2011–2015 годы)».

Постановление Правительства ЯНАО от 19.07.2012 № 552-П «Об утверждении Положения о порядке оказания содействия энергообеспечению семей, ведущих кочевой образ жизни (предоставление денежных выплат на приобретение горюче-смазочных материалов для мини-электростанций)».

Постановление Правительства ЯНАО от 23.07.2012 № 569-П «Об утверждении Положения о размерах и порядке обеспечения средствами связи тундрового населения».

Постановление Правительства ЯНАО от 26.09.2012 № 826-П «Об оказании социальной поддержки отдельным категориям граждан из числа коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа».

Для решения проблем коренных малочисленных народов Севера, учитывая сложность перехода традиционных отраслей хозяйствования к рыночным отношениям, разработаны и действуют окружные целевые программы. Программно-целевое планирование в сфере защиты исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера на протяжении последних лет осуществлялось в рамках окружной долгосрочной целевой программы «Культура, язык, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2008–2011 годы». В рамках данной Программы велась целенаправленная работа по сохранению языка, пропаганде самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера, повышению уровня образования коренных малочисленных народов Севера, улучшению социально-бытовых условий жизни коренных малочисленных народов Севера, ведущих кочевой и полукочевой образ жизни.

В автономном округе проводились и проводятся, ставшие традиционными, такие окружные мероприятия, как: «Праздник народов Севера» (г. Новый Уренгой); фестиваль фольклора народов Севера (г. Салехард); детский фестиваль художественного творчества народов Севера «Солнце на ладони» (г. Салехард); детский фольклорный фестиваль «Дети Севера» (Надымский район); народные праздники «Ворна хатл», «Лун кутап хатл»; межрегиональный фестиваль коми-ижемцев «Чужан войтыр»; декады культуры финно-угорских народов и другие.

В целях оказания государственной поддержки фольклорной деятельности коренных

малочисленных народов Севера в автономном округе присуждаются гранты и премии за услуги по сохранению, сбору образцов и передаче навыков нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера.

В рамках программных мероприятий ежегодно осуществляется социальная поддержка около 200 студентов высших учебных заведений из малоимущих семей коренных малочисленных народов Севера в форме выплаты дополнительных социальных стипендий и оплаты стоимости проживания в общежитии. Более 100 студентам ежегодно возмещаются расходы на получение первого и второго высшего образования по заочной форме обучения. За период реализации Программы на 2008 – 2011 годы была оказана материальная помощь для оплаты обучения 15 аспирантам из числа коренных малочисленных народов Севера.

Издательская деятельность в рамках действующих программ направлена на сохранение языка, пропаганду культуры, искусства и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера.

За счет средств окружного бюджета поддерживается деятельность студии национальных программ в окружной государственной телевизионной и радиовещательной компании «Ямал – регион», вещающей на ненецком, ханты, коми и селькупском языках, а также газет на национальных языках «Нярьяна Нгэрм» и «Лух авт».

В рамках программных мероприятий для кочующего населения автономного округа приобретаются товары национального потребления, необходимые для их жизнеобеспечения: комплекты чумов и комплектующие к ним, чумовые печи, брезент, ламповое стекло, сукно, кожа сыромять и юфть, а также сетематериалы, бензопилы, мини-электростанции (для каждой семьи), медицинские аптечки и средства связи.

Для технического оснащения традиционных видов хозяйственной деятельности приобретены: оборудование для цехов по переработке рыбы, лодки и лодочные моторы, снегоходы.

С целью поддержки и социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера в автономном округе утверждена окружная целевая программа «Сохранение традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012–2015 годы. Объем финансирования целевой программы за счет средств окружного бюджета составляет 779260 тыс. рублей.

Отличие Программы от ранее действовавших окружных долгосрочных целевых программ состоит в том, что в рамках Программы предусмотрены мероприятия, направленные на:

- внедрение новых информационных технологий для сохранения и развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, накопленного культурного и духовного потенциала автономного округа: создание Интернет-портала о коренных малочисленных народах Севера с размещением на нем информации на языках коренных малочисленных народов Севера (ненецком, ханты, селькупском); создание научной, учебной и художественно-публицистической литературы на электронных носителях;

- проведение научных исследований в области этнических традиций, культуры, языка коренных малочисленных народов Севера;

- содействие занятости коренных малочисленных народов Севера, в том числе содействие успешной социализации детей из числа коренных малочисленных народов Севера, обучающихся в школах-интернатах автономного округа;

- стимулирование экономической деятельности коренных малочисленных народов Севера.

Устойчивому развитию коренных малочисленных народов Севера будет способствовать активное вовлечение их в сферу экономических отношений, в том числе как путем развития малых форм хозяйствования (общины; оленеводы-частники, ведущие традиционный образ жизни; индивидуальные предприниматели и т.п.), так и путем развития малого и среднего предпринимательства. Повышение

уровня благосостояния и качества жизни коренных малочисленных народов Севера возможно в результате привлечения их в сравнительно новую для автономного округа сферу деятельности – туристический бизнес и производство сувенирной продукции. Этому способствует не только богатая флора и фауна автономного округа, позволяющая организовывать спортивные, охотничьи и рыболовные туры, но и сохранившаяся самобытная культура и традиционный быт коренных жителей автономного округа, привлекающие ценителей этнографического и экологического туризма.

Важность и необходимость устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера на основе сохранения исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей; создания системы жизнеобеспечения и социально-бытовых условий, способствующих удовлетворению их жизненно важных потребностей; укрепление их социально-экономического потенциала; активизация предпринимательской деятельности; интеграция в региональную экономику на основе целевой поддержки государства и мобилизации внутренних ресурсов самих народов соответствуют Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 04 февраля 2009 года № 132-р, и Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера автономного округа, утвержденной постановлением Законодательного Собрания автономного округа от 09 декабря 2009 года № 1996.

В целях повышения материального обеспечения лицам из числа коренных малочисленных народов Севера и иным лицам, занимающимся традиционной хозяйственной деятельностью в соответствии с постановлением Правительства автономного округа производятся ежемесячные компенсационные выплаты:

- лицам, занятым традиционной хозяйственной деятельностью на территории автономного округа, независимо от форм

собственности, постоянно проживающим в населенных пунктах, – 600 рублей;

– лицам, ведущим кочевой и полукочевой образ жизни, – 2000 рублей.

Одним из наиболее эффективных механизмов, обеспечивающих рациональное природопользование на территории автономного округа, является процедура заключения между Правительством автономного округа и недропользователем лицензионных соглашений, являющихся неотъемлемой частью лицензий на разработку отдельных участков недр. Так, ежегодно заключаются соглашения с акционерными обществами «Газпром», «Новатэк» и другими недропользователями. В соглашении оговариваются взаимные обязательства, которые охватывают широчайший спектр вопросов, включающих в себя охрану окружающей среды, природопользование, компенсационное строительство в национальных посёлках и факториях и многое другое. Сотрудничество ОАО «Газпром» и Правительства ЯНАО носит стратегический характер. Оно обеспечивается своевременным и качественным исполнением взаимных договоренностей по текущим налоговым платежам, предоставлением льгот по налогообложению, поставкой углеводородного сырья для социальных нужд округа, погашением задолженностей перед подрядными организациями, регулированием цен, тарифов и нормативов, природопользованием, реализацией программы комплексного промышленного освоения месторождений полуострова Ямал, капитальном строительством, транспортом, сотрудничеством в сфере благотворительной и социальной политики. Посредством договорной деятельности осуществляются компенсационные природоохранные мероприятия, направленные на сохранение экосистемы автономного

округа и социально-экономическое развитие территорий проживания коренных малочисленных народов Севера.

В законодательстве автономного округа к числу приоритетных направлений отнесены: содействие возрождению коренных малочисленных народов, создание правовых, финансовых и материальных предпосылок для осуществления коренными народами видов традиционной хозяйственной деятельности в жизненно важных для них сферах; предоставление льготных прав на землю, организация традиционных этнообразующих промыслов, получение части доходов от деятельности промышленных предприятий и части платежей при пользовании недрами; организация профилактических мер по контролю за состоянием их здоровья; предоставление бесплатного медицинского обслуживания за счет средств окружного и местных бюджетов; бесплатное обучение детей.

В целом можно констатировать, что Законодательное Собрание автономного округа уделяет значительное внимание вопросам поддержки коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории автономного округа, а также сохранению и развитию их самобытной культуры.

Работа по законодательной защите прав и законных интересов коренных малочисленных народов Севера продолжается, так как имеется еще много проблем, жизнь ставит новые задачи, меняется федеральное законодательство. Законодательное Собрание открыто для широкого обсуждения проблем, поддержки законодательных инициатив, в том числе внесения изменений в действующее законодательство.

Спасибо за внимание!

**ИСТОЩЕНИЕ ОЛЕНЬИХ ПАСТБИЩ
КАК ПРИЧИНА ТРАНСФОРМАЦИЙ В ОЛЕНЕВОДСТВЕ
И СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЯНАО**

Зуев С.М.

*Государственное казённое учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»
младший научный сотрудник,
г. Салехард.*

Наиболее эффективной экономической деятельностью для коренных малочисленных народов Севера в районах крайнего Севера являются отрасли традиционного хозяйствования, в частности оленеводство.

Развитие северного оленеводства зависит от состояния оленьих пастбищ. Истощение пастбищ приводит к сокращению поголовья оленей, при этом, альтернативы кормовой базы для оленей нет, так как источниками питания для северного оленя служат лишайники, северные травы, грибы и ягоды широко распространённые только в северной тайге, тундре и лесотундре.

Во многих арктических регионах России имеется значительный резерв оленьих пастбищ, в частности, где поголовье домашнего северного оленя меньше или соответствует их оленеемкости. Ямало-Ненецкий автономный округ, как один из самых динамично развивающихся регионов Крайнего Севера Российской Федерации, является примером сохранения оленеводства, в условиях бурного промышленного освоения. Промышленное развитие позволяет оказывать оленеводству поддержку за счет местных финансовых ресурсов, создает платежеспособный рынок для сбыта продукции [19], улучшает качество жизни оленеводов, что способствует росту поголовья оленей и приводит к перегрузке оленьих пастбищ.

Превышение поголовья оленей над допустимой оленеемкостью пастбищ приводит к нарушению растительного покрова пастбищ, исчезновению кормовых лишайников, что в перспективе может подорвать оленеводческую отрасль и отразиться на экономическом положении семей оленеводов.

Условное стадо в 1000 голов потребляет за год более 900 тонн лишайников, 220 тонн разнотравья, 600 тонн злаков и осоковых, 670 тонн листьев и молодых побегов кустарников. При увеличении выпаса страдает кустарниковая растительность — при высоких нагрузках ерник исчезает полностью, обилие ивы снижается почти в 3 раза, а средняя высота кустов — почти в 10 раз. Прирост побегов ивы снижается на 40–60 %. Состояние травянистых кормов вызывает меньшее беспокойство, поскольку их запас легче восстанавливается [17]. Однако в горных районах тундры восстановление зеленых кормовых запасов происходит медленнее. Особенно это касается каменистых, сухих, обдуваемых участков. Основной прием восстановления запаса кормовых ресурсов — полное исключение пастбищ из оборота, однако состав и структура восстанавливаемых растительных сообществ не всегда соответствует их исходному состоянию. При снятии пастбищных нагрузок можно предсказать быстрое разрастание трав, мхов, кустарников, которое будет

препятствовать восстановлению кормовых лишайников [8, 207].

Большую опасность для пастбищ представляет их вытаптывание крупными стадами оленей в бесснежное время года, что часто сопровождается опустыниванием отдельных территорий, и полным уничтожением растительности. Восстановление таких территорий происходит благодаря травянистым растениям, лишайники же разрастаются очень медленно, либо исчезают полностью.

По состоянию на 01 января 2012 года численность поголовья домашнего северного оленя в Ямало-Ненецком автономном округе достигла 683,3 тыс. голов, из них в сельскохозяйственных организациях – 317,2 тыс. голов, в хозяйствах населения – 366,1 тыс. голов [6], что значительно превышает расчетную оленеемкость на 230, 7 тыс. голов.

В последнее десятилетие наблюдался значительный рост поголовья оленей в частных хозяйствах. Практика ведения оленеводства в Ямало-Ненецком автономном округе показывает, что образовался некий «симбиоз» между коллективным и личным оленеводством на основе взаимозависимости этих форм в во-

просах совместного использования пастбищ. Эта модель выпаса оленей сформировалась в советский период, и положительно отразилась на Ямальском оленеводстве в годы реформ, что привело к значительному росту поголовья частных хозяйств [11, 126.].

Так же можно сопоставить тот факт, что рост поголовья оленей в крупных хозяйствах происходил пропорционально росту дотаций, выплачиваемых на содержание одного оленя. Материальное стимулирование оленеводов, является одной из веских причин роста поголовья оленей как на предприятиях, так и в частном секторе.

Общая площадь земель в Ямало-Ненецком автономном округе, пригодных для использования в качестве оленьих пастбищ, составляет 49 млн.га. [21].

По данным специалистов АНО «Институт региональной политики» на начало 2009 года площадь оставшихся пригодных пастбищ для выпаса оленей в Ямало-Ненецком автономном округе составляет 39 млн.га. [5, 42].

При этом распределение поголовья оленей по районам на 2009 год выглядит следующим образом (табл. 1.).

Таблица 1

Оленеемкость пастбищ ЯНАО и фактическое поголовье оленей на 1 января 2009 г. [2, 22]

Район	Площадь пастбищ, га.	Годовая норма на 1-го оленя, га.	Поголовье оленей, голов	Оптимальная оленеемкость пастбищ, голов	Избыток (+) пастбища, недостаток (-), голов
Шурышкарский	2 730 829	96,2	20 218	24 043	+3 825
Приуральский	4 128 335	90,8	82 955	6 082	-76 873
Ямальский	10 601 574	87,1	287 052	109 365	-177 687
Надымский	3 551 443	50,3	37 354	36 870	-484
Пуровский	5 683 784	50,8	25 218	39 157	+13 939
Красноселькупский	2 054 842	66,0	2 777	17 830	+15 053
Тазовский	9 772 820	88,6	178 728	121 780	-56 948
Итого:	38 523 627	-	634 302	-	-

Из данных таблицы видно, что в четырех районах округа (Шурышкарский, Пуровский, Красноселькупский и Надымский) поголовье оленей не превышает или соответствует расчётной оленеемкости. В Ямальском, Тазовском и Приуральском районах сосредоточено более 85 % всего поголовья

оленей округа, что в разы превышает допустимую норму.

Сохранение в Ямало-Ненецком автономном округе биологической ресурсной базы оленеводства, в первую очередь, лишайниковых пастбищ (ягельников) зависит от оптимизации нагрузки на пастбища при выпасе до-

машних оленей путем сокращения размеров стад, смены маршрутов кочевий, раздельного сезона выпаса [13, 49], рекультивации земель промышленных объектов (рис.1).

Из данного рисунка видно, что в большей степени олени пастбища подвержены техногенным воздействиям в Тазовском и Пуровском районах, перегрузкам – в Ямальском и

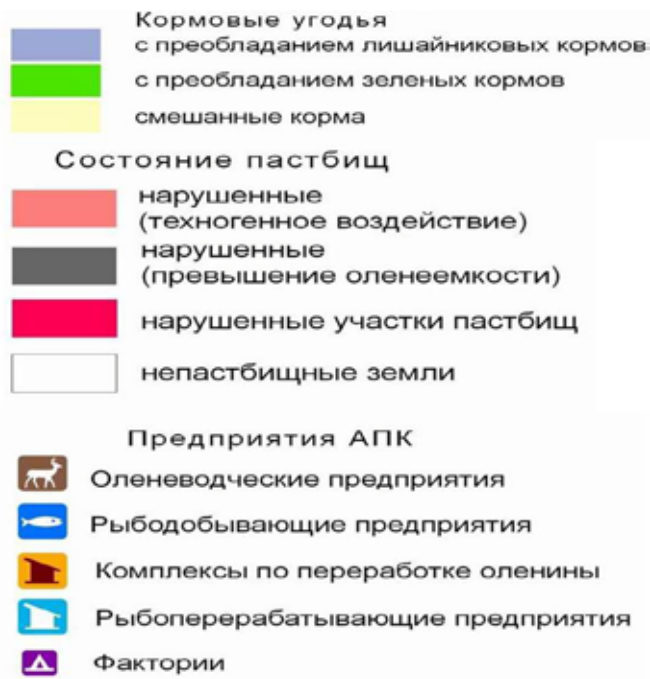
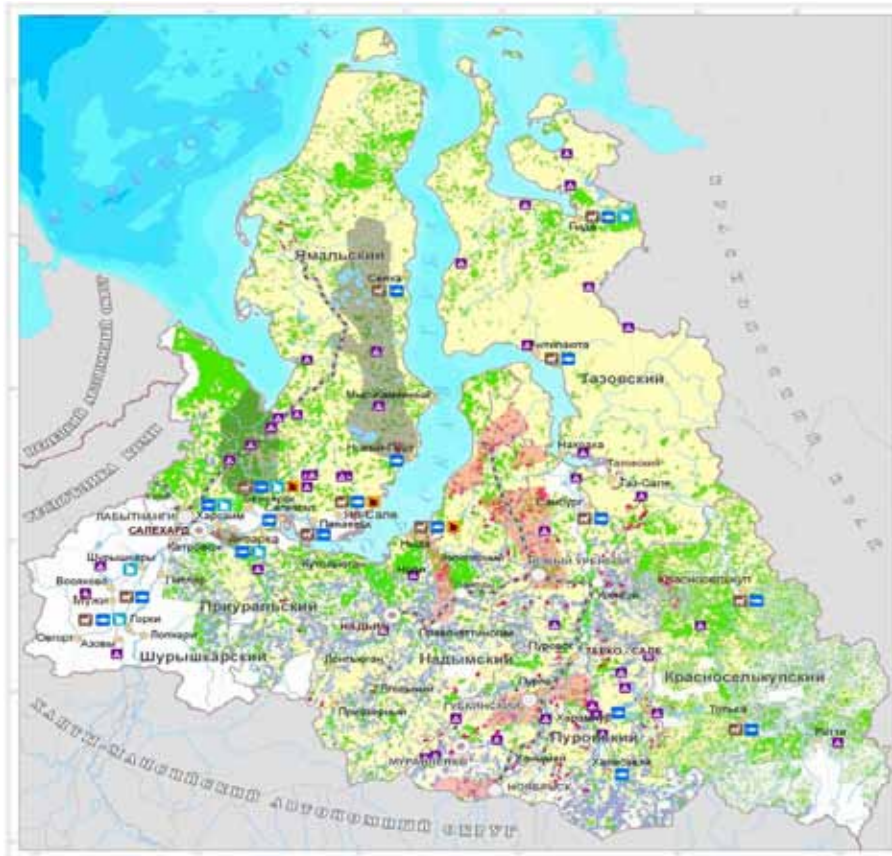

Рисунок 1. Карта состояния оленьих пастбищ на 2009 год [3, 14].

Приуральском районах. В Ямальском районе (оптимальная численность превышена на 178 тыс. оленей), на Полярном Урале подорвана зимняя кормовая база (до 40% видов лишайников практически исчезли) [18]. По мнению уральских биологов и зоологов: «... Уже шесть процентов площади полуострова Ямал – голый песчаник. Через какое-то время объем растительной массы станет настолько мал, что последует резкое естественное сокращение поголовья в результате падежа. От этого зависит судьба тысяч кочевников.» [15]. На межселенной территории Приуральского и Шурышкарского районов, так же выпасаются стада оленеводов из республики Коми, что усугубляет ситуацию с перегрузкой пастбищ.

Столь неравномерное распределение поголовья оленей, обусловлено, этническими особенностями коренных малочисленных народов Севера, занимающихся оленеводством, а так же природно-климатическими условиями.

Ямальский, Приуральский и Тазовский районы – зоны с преобладанием ландшафта тундры и лесотундры, наиболее благоприятны для крупностадного оленеводства, присущего образу жизни ненцев, самому многочисленному этносу, занятых в отрасли оленеводства.

Красноселькупский и Шурышкарский районы обладают запасами кормовых лишайников, но находится в зоне северной тайги, что затрудняет существование крупностадных оленеводческих хозяйств.

Природно-климатические условия в таежной зоне (лесные заросли, отсутствие открытых обветриваемых пространств, гнус, наличие хищников и т.п.) требуют иных способов и навыков ведения таежного оленеводства, отличных от выпаса оленей в тундре. Стада в таежном типе оленеводства небольшие: обычно по несколько сотен животных. Длинные миграции отсутствуют. Применяются «вольный» или «вольно-лагерный» способы выпаса, когда животные пасутся сами, периодически подходя к стоянке оленеводов. Во многих случаях олени пасутся в изгородях. Такое оленеводство ориентировано в основном на потребности семей оленеводов. Большого

количества мяса не производится, а олени используются как транспорт на пушном промысле. Основной доход хозяйство получает не от самих оленей, а от продажи охотничьей продукции (в основном пушнины), добытой с помощью оленей [14].

В проекте концепции инвестиционной стратегии Ямало-Ненецкого автономного округа говорится о возможности развития изгородного и полуизгородного оленеводства [5, 43] в лесных зонах округа и необходимости обучения оленеводов данному типу хозяйствования. Однако это не соответствует традиционному тундровому оленеводству. Барьером для этого нововведения могут быть сложности в адаптации к новым территориям и нежелание самих оленеводов покидать родные места.

Промышленное освоение Ямало-Ненецкого автономного округа достигло значительных масштабов. В большей степени разрушения оленьих пастбищ в результате промышленного вмешательства подвержены пастбища в Пуровском, Надымском и Тазовском районах. Увеличивается освоение месторождений на полуострове Ямал – т.е. в районе с наибольшим дефицитом пастбищных ресурсов, в Красноселькупском районе, планируется ввод в эксплуатацию нефтяных месторождений.

Авторы наиболее пессимистичных прогнозов утверждают: с потеплением климата в период до 2015 г. увеличивается вероятность аварийных повреждений трубопроводов (вплоть до их разрывов) с разливами нефти и выбросами газа, влекущими значительные экологические катастрофы. На сегодняшний день на нефтепроводах Западной Сибири происходит примерно 35 тыс. аварий в год, и только около 300 из них официально регистрируются [7].

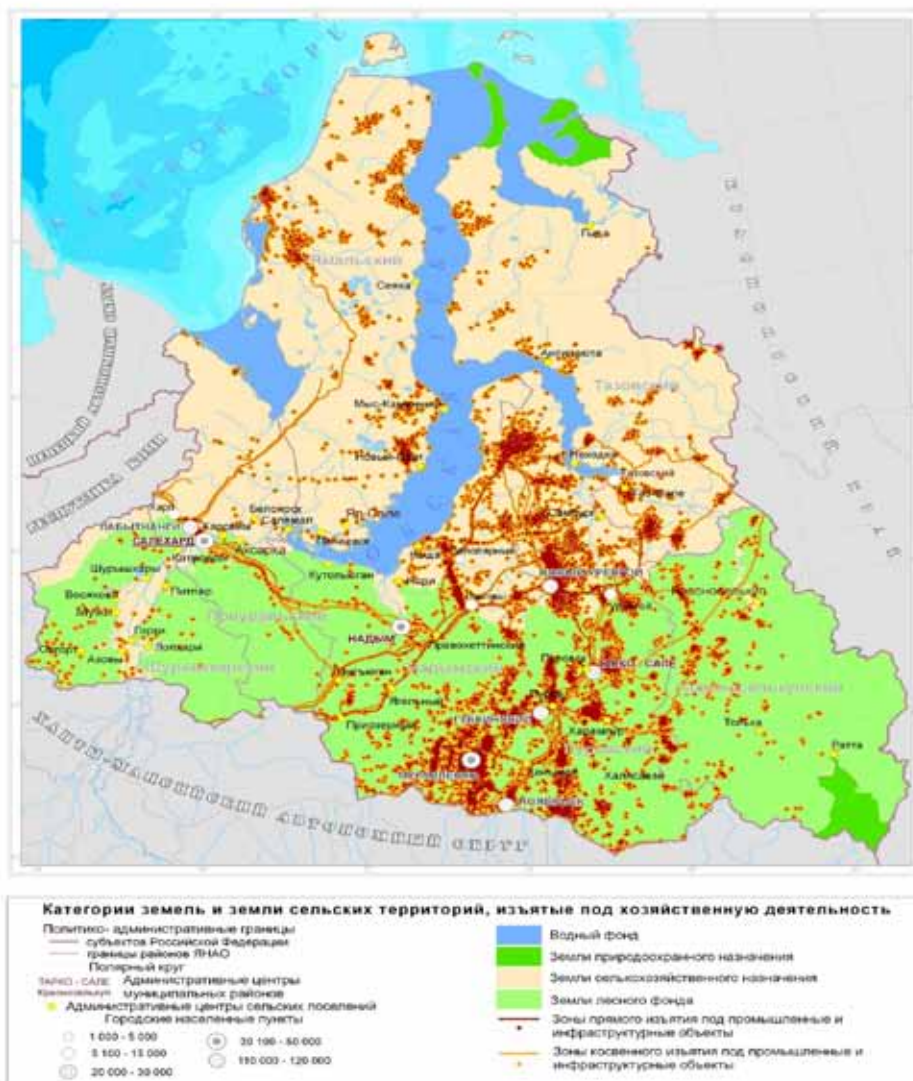
Арктические экосистемы, развивающиеся в условиях ограниченности солнечного тепла, начинают непредсказуемо изменяться при самом незначительном росте температур вегетационного периода и увеличении его продолжительности. Вследствие этого на север проникают виды растений и животных,

характерные для более южных, таежных регионов, развиваются процессы деградации криолитозоны, меняются режимы рек и крупных непроточных водоемов. Это сказывается на характере миграции и численности видов промысловых и одомашненных животных — источника продуктов питания коренных народов Севера и подавляющего большинства остальных северян [10, 8]. Климатические изменения и подобные аварии загрязняют арктические почвы и изменяют растительный покров пастбищ.

В целом земли промышленности в Ямало-Ненецком автономном округе, занимают незначительную долю в общей площади

земель округа (всего 131,4 тыс. га), но эти земли оказывают значительное косвенное влияние на состояние граничащих с ними земель, что связано с формированием зон отчуждения вокруг промышленных и инфраструктурных объектов. Согласно расчетам, общая площадь негативного влияния промышленных и инфраструктурных объектов в ЯНАО составляет порядка 2,6 млн. га, по некоторым данным, около 5 млн. га оленьих пастбищ погибло в результате освоения газовых месторождений [16], при этом более половины площади этих земель приходится на зоны около магистральных и промысловых трубопроводов (рис. 2.).

Рисунок 2. Зона косвенного изъятия земель под промышленное освоение — это площадь земель, приходящаяся на зоны около магистральных и промысловых трубопроводов и других промышленных объектов [3, 20].

Из данного рисунка видно, что таких зон косвенного изъятия земель под промышленное освоение больше всего в Тазовском, в Пуровском и Надымском районах, более благоприятная ситуация в Приуральском, Шурышкарском и Красноселькупском районах.

С развитием газового потенциала Ямало-Ненецкого автономного округа, повысилось качество жизни населения округа и России в целом, трансформировался образ жизни коренных малочисленных народов ЯНАО, увеличилось поголовье домашнего северного оленя в частных хозяйствах и предприятиях, но существенно изменились ценности коренных малочисленных народов Севера и всего Российского общества. Потребительское отношение ко всему стало результатом глобализации общества, а аккультурация и ассимиляция – участием коренных малочисленных народов Севера.

Главной задачей для коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа является сохранение своей самобытности, которое, прежде всего, зависит от занятости в традиционных отраслях, от богатства сакральной и табуированной духовности, от отношения к окружающим, к семье, к понятиям справедливости и рациональности, к природе.

Климатические изменения (ранний весенний паводок) вынуждают оленеводов переносить сроки и нарушать маршруты кочевья в целях сохранения поголовья оленей и личной безопасности передвижения через водные артерии округа. В результате ранних потеплений, оленеводы в хаотичном массовом движении гонят стада, которые смешиваются с другими стадами, вытаптывают пастбища для оела, нарушают границы кочевков.

Необходимым механизмом смены маршрутов и уменьшения нагрузок на пастбища, является контроль передвижения оленеводческих хозяйств.

Основной формой коллективного труда в оленеводческих предприятиях – является оленеводческая бригада, за которой закреплены участки пастбищ.

Контролировать маршруты кочевания оленеводческих бригад сельхозорганизаций

удаётся, так как каждый бригадир стада знает о маршрутах и сроках кочевья, которые утверждаются руководителем предприятия, управлением же отраслью занимаются учреждения исполнительных органов власти.

В законе Ямало-Ненецкого автономного округа об оленеводстве говорится, что маршрут прогона и выпаса оленей утверждается органами местного самоуправления на основании научных рекомендаций по ходатайству заинтересованных лиц и по согласованию с органами государственного ветеринарного надзора автономного округа [1, ст. 7.]. Однако контролировать передвижение частных оленеводческих хозяйств затруднительно, так как забота о частной собственности выше экологических проблем, и все инструкции могут носить только рекомендательный характер. Существенной мерой по контролю маршрутов кочевания частных хозяйств, может являться объединение их в кооперативы, за которыми будут закреплены маршруты кочевания, разработанные специалистами агропромышленного комплекса муниципальных образований. Контроль над передвижением частных оленеводческих хозяйств по маршрутам кочевания должен осуществляться, так же, специалистами агропромышленного комплекса либо доверенными ими оленеводами.

Интерес государства и крупных энергетических компаний к природным ресурсам Арктики понятен и обоснован с точки зрения глобально-политических и социально – экономических процессов, происходящих в нашей стране и в мире. Но меньше всего к этим процессам подготовлены коренные малочисленные народы Севера России. На сегодняшний день, деградация оленьих пастбищ становится не только экологической, но и социальной проблемой Ямало-Ненецкого автономного округа, так как оленеводством в регионе занята большая часть коренных малочисленных народов Севера.

В стратегии социально-экономического развития сельских территорий и агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020 года, прогнозируется увеличение числа безработных оленеводов

и переход на оседлый образ жизни в случае деградации отрасли, что катастрофично для коренных малочисленных народов Севера, ведущий кочевой образ жизни [2, 177].

Если на сегодняшнем этапе не проводить мониторинг пастбищ, не следить за их экологическим состоянием, не контролировать маршруты кочевья и не привести поголовье оленей крупных частных хозяйств и предприятий в соответствии с оленеёмкостью, то поголовье оленей будет сокращаться естественным падежом. Массовый переход семей оленеводов на оседлый образ жизни приведет к утрате традиционных навыков ведения оленеводства и самобытной культуры коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа, а так же будет сопровождаться глубокими негативными трансформациями в семейных отношениях оленеводов, психологическим изменениям личности, увеличению безработицы и алкоголизации.

Данный негативный прогноз, прежде всего, отразится на экономическом положении семей оленеводов. Для владельца крупных оленьих хозяйств потеря одной трети поголовья не повлияет на экономическое положение семьи, а для владельцев оленьего стада меньше 250 голов – может грозить нищетой.

Согласно расчетам специалистов оленеводу без семьи необходимо иметь около 90 оленей, семье из пяти человек – 385, а семье из восьми человек – 540. Этот расчет принимает во внимание только потребности семей в транспортных оленей, оленьем мясе и шкурах для собственных нужд, а также минимальное количество оленей для обмена на продукты первой необходимости (чай, сахар, хлеб и т.д.) из расчета около 30 рублей на человека в день. Такое количество оленей не позволяет накопить денег для инвестиций, покупки снегохода, постройки собственного дома в поселке или оплаты коммунальных услуг [14]. Заготовка оленины в столь незначительных частных хозяйствах не возможна, и может грозить снижению общей численности ездовых оленей и важенок, и соответственно увеличению нагрузки на оставшееся стадо при длительном кочевье.

Зачастую, оленеводу, чье стадо оленей по тем или иным причинам снизилось ниже 150 голов, приходится отдавать на выпас оставшееся стадо другим оленеводам с большим количеством оленей, и переходить на оседлый образ жизни, т.е. оставаться в национальных поселках или же «летовать» у речек, озер и вблизи акватории р.Обь, заниматься незаконным выловом рыбы.

По данным специалистов Управления агропромышленного комплекса муниципального образования Приуральский район, в связи с истощением пастбищ прогнозируются следующие проблемы:

- незаконный выпас оленей частных хозяйств на межселенной территории районов округа;
- естественный падеж поголовья оленей, мор;
- переход оленеводов на оседлый образ жизни в связи с потерей основного поголовья оленей по разным причинам (мор, изменения климата и т.п.);
- увеличение числа безработных среди кочевого населения [22].

В целях продовольственной безопасности округа и поддержания традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера Администрация округа развивает систему забойных комплексов, расширяет рынок сбыта оленьей продукции, предпринимает попытки глубокой переработки оленины, но проблема истощения пастбищ пока остается неразрешимой задачей.

По мнению Приуральского оленевода, ситуация с отсутствием пригодных для выпаса оленей пастбищ, приводит к спорам между оленеводами: «...очень сложно каслать через дороги, оставшиеся олени не переходят через дорогу, бродят вдоль нее, времени для отлова их не хватает. Мы «деремся» друг с другом за пастбища, богатые оленеводы заняли все пригодные пастбища... чтобы кочевать в другие места с запасами ягеля, увеличивается путь каслания, олени теряют весь жир по пути каслания, олени теряют весь жир по пути каслания обратно, и мы просто не успеем пройти через р.Обь, весна ранняя... тяжело сейчас...» [23].

В целях приведение поголовья домашнего оленя в соответствии с оленемкостью пастбищ, существенными мерами могут являться: введение нормы поголовья оленей на каждого члена семьи оленеводов, введение системы налогообложения и отмена дотаций в крупных оленеводческих хозяйствах, превышающих допустимую норму поголовья оленей, увеличение приемной стоимости оленины. Подобные меры могут стимулировать владельцев крупных оленеводческих хозяйств к уменьшению поголовья оленей, и приведут к уменьшению нагрузок на пастбища, однако это может вызвать волну возмущений со стороны коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа.

Известно немало опытов по ускорению восстановления продуктивности оленьих пастбищ и ускорению прироста лишайников. Заметим, что формирование устойчивых и продуктивных сообществ является сложной проблемой и в менее суровых условиях, чем арктические, но даже там создаваемые сообщества могут существовать только при постоянной поддержке человека. На сегодняшний день, следует рассчитывать только на естественное восстановление. В разных условиях и по разным оценкам на это уходит от трех до тридцати лет. Для сокращения времени восстановления надо регулярно давать отдых пастбищам, не доводить их до стадии деградации. Важной мерой может стать мониторинг – постоянный контроль состояния пастбищ [17].

В Ямало-Ненецком автономном округе есть все ресурсы для сохранения оленеводческой отрасли, однако, только финансовая поддержка оленеводов (дотации на поголовье, на производство сельхозпродукции, компенсационные и социальные выплаты, строительство забойных комплексов и др.)

лишь стимулирует рост поголовья оленей в крупных оленеводческих хозяйствах.

В стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года в Ямало-Ненецком автономном округе говорится о том, что в перспективе предполагается обеспечить своевременное решение задач по стабилизации поголовья северных оленей в сельскохозяйственных организациях, крестьянских (фермерских) хозяйствах и у оленеводов-частников, а также полностью разрешить проблему несоответствия емкости оленьих пастбищ и фактического поголовья оленей. Будут реализованы мероприятия по трансформации старых тундровых пастбищ, восстановлению путей миграции оленей [4, 85]. В этом контексте, власти округа должны предусмотреть все возможные пути сохранения отрасли, в противном случае деградация оленеводства приведет к негативным социальным последствиям в сообществе оленеводов уже в ближайшей перспективе, что увеличит бюджетные расходы в сфере поддержки коренных малочисленных народов Севера в разы, и подорвет статус округа, как передового оленеводческого центра России и мира.

Молодёжь, работая в отрасли оленеводства должна иметь возможность жить в преуспевающем и благополучном оленеводческом сообществе без страха потерять право продолжать дело своих предков [20], но при этом должно быть понимание самих оленеводов и политической элиты коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа, что многие неблагоприятные процессы в сфере оленеводства являются результатом халатности, пренебрежительного отношения к природе, отсутствия консенсуса внутри этнического сообщества.

Список литературы

Нормативно-правовые акты

1. Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 02 ноября 1998 №46-ЗАО (ред. от 27 июня 2006) «Об оленеводстве» Ст.7.;
2. Концепция «Социально-экономическое развитие сельских территорий и агропромышленного комплекса ЯНАО до 2020 года» / ОАО «Сибирский научно-аналитический центр». Тюмень—Салехард: – 2009.;

3. Презентация концепции «Социально-экономическое развитие сельских территорий и агропромышленного комплекса ЯНАО до 2020 года» / ОАО «Сибирский научно-аналитический центр». Тюмень-Салехард: – 2009.;

4. Проект стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечение национальной безопасности на период до 2020 года. М: 2010.;

5. Проект концепции инвестиционной стратегии Ямало-Ненецкого автономного округа 2011 [Электронный ресурс]// Режим доступа: http://de.gov.yanao.ru/doc/invest/invest_yanao_2011.pdf. (дата обращения: 11.03.2013);

6. Доклад о социально-экономической ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе за январь-сентябрь 2012 года. [Электронный ресурс]// Сайт Департамента экономики ЯНАО. Режим доступа: http://de.gov.yanao.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=69&Itemid=25 (дата посещения: 25.02.2013);

Научная и учебная литература

7. Барсегов Ю.Г., Корзун В.А., Могилевкин И.М. и др. Арктика: Интересы России и международные условия их реализации. М.: Наука, 2002.;

8. Богданов В.Д., Магомедов М.А. Биологические ресурсы Ямало-Ненецкого автономного округа – состояние, использование и охрана. //Путь на север: вехи истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Историческое краеведение Ямала – 2006». Салехард – Екатеринбург, 2006. 244 с.;

Большая советская энциклопедия: В 30 т. – М.: «Советская энциклопедия», 1969-1978. Режим доступа <http://slovari.yandex.ru> (дата посещения: 26.02.2013).;

Добрынин Д.В. Анализ динамических процессов в Арктике на основе данных дистанционного зондирования//Земля из космоса Выпуск 10. Лето 2011.;

Ненцы Ямала: кочевники и хранители традиций: к 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа / [авт.: С. Н. Харючи, Г. П. Харючи, А.А. Южаков (отв. ред.), Н. Г. Хайруллина ; рец.: В. В. Гаврилюк, Т. Г. Харамзин]; Ямало-Ненецкий автономный округ, Департамент по делам коренных малочисленных народов Севера. – Тюмень – Салехард: Феликс, 2005. – 248 с.;

Рябченко Н.П. О народной идее и предназначении народов //Россия и АТР. 2011 №.1.;

Югай В.К. Экстерьерные особенности северных оленей в условиях Ямала// Аграрный вестник Урала №10 (64), 2009 г.;

Источники на электронных носителях удаленного доступа

9. Глава из отчета по проекту Арктического Совета «Устойчивое оленеводство». Йонни-Лео л. Йернслеттен, руководитель проекта, Университет Тромсё; Константин Клоков, российский координатор проекта, Санкт-Петербургский университет. Арктический совет, 2000—2002. Таежный тип оленеводства [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2005-1/18.htm> (дата посещения 13.03.2013).

10. В тундре исчезает ягель. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/01/19/reg-urfo/ekologia.html> (дата обращения 11.03.13).

11. Западная Сибирь – национальные округа западной Сибири [Электронный ресурс]// Режим доступа: <http://russia.yaхu.ru/rus/base/team/562.html> (дата обращения: 04.04.2013);

Оленеводство [Электронный ресурс]//Сайт Ямало-Ненецкого автономного округа. Режим доступа: http://www.yamal.ru/eksx_t2.htm (дата посещения: 25.02.2013).;

Оленеводство ведет Ямал к социальному взрыву. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.uralpolit.ru/89/econom/tek/id_145552.html (дата посещения: 12.03.2013.);

Современное состояние циркумполярного оленеводства. Клоков К.Б. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.jurant.ru/ru/publications/reindeer_disc/olen/klokov.html(дата обращения: 05.04.2013);

I Конгресс молодых оленеводов Инари, 22 июня 2001 года. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2005-1/07.htm> (дата обращения: 05.04.2013);

12. Агропромышленный комплекс. Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа до 2020. [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://de.gov.yanao.ru/doc/YANAO2020/strateg_new (дата обращения: 05.04.2013)

Информанты

13. Информация предоставлена специалистами Управлением агропромышленного комплекса муниципального образования Приуральский район. с.Аксарка. Февраль 2013;

14. Информант: оленевод – Атаман Р.А., с. Аксарка, Приуральский район. Февраль 2013

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
РОЛЬ И МЕСТО В ФОРМИРОВАНИИ
СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНА**

Кибенко В.А.

*Государственное казённое учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»
младший научный сотрудник,
г. Салехард.*

Важный этап в формировании региона — это возникновение региональной идентичности, регионального самосознания. Региональная идентичность не просто фиксируется как научная данность, ее изучение даёт материал для анализа территориальных общностей по локальной, национальной, религиозной, политической, профессиональной и иной самоидентификации населения. Устойчивая территориальная общность объединена общими системами ценностей для её членов, сходной реакцией на социальные процессы и единой волей к социальному действию.

Понятие «*регион*» применительно к нашей стране представляет собой разновидность регионального уровня территориального устройства государства. Впервые в современном российском праве оно было закреплено в «*Основных положениях региональной политики в Российской Федерации*», утвержденных Указом Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803, где регион определен как «часть территории Российской Федерации, обладающая общностью природных, социально-экономических, национально-культурных и иных условий. Регион может совпадать с границами территории субъекта Российской Федерации либо объединять территории нескольких субъектов Российской Федерации». Практика, реальная правовая жизнь внесла в сложившуюся ситуацию свои коррективы, по сути, закрепив употребление понятия «*регион*» за первым из указанных выше вариантов. В силу этого под регионами в данной работе понимаются *базовые* территориальные единицы, на которые непосредственно подразделяется их государственная территория¹.

Базовые территориальные единицы — регионы, с социологической точки зрения, представленные региональными социумами как достаточно крупными социально — тер-

риториальными сообществами людей, имеющими внутреннюю дифференциацию (по социальным статусам, включающим в себя политические, экономические, культурные, этнические и др. характеристики) и определенную социально-региональную идентификацию (идентичность). В общесоциетальном плане они являются субсоциумами, входящими в общероссийский социум с той или иной степенью интеграции.

Внутри базовых регионов находятся микрорегионы (субрегионы), которые могут выделяться как по различным гомогенным, так и по функциональным признакам, чаще всего оформляемым в виде административно-территориальных образований и (или) социально-экономических зон, образуемых субъектом РФ и (или) муниципальными образованиями (по современному законодательству — городскими округами, муниципальными районами, поселениями), органы местного самоуправления².

Важный этап в формировании региона — это возникновение региональной идентичности, регионального самосознания.

Понятие «идентичность» имеет несколько значений, важнейшие из которых — взаимосвязанные категории «специфика» и «самосознание». Соответственно, *региональная идентичность* — это местные специфика и

¹ О соответствующей трактовке понятия «регион» см., к примеру: Медведев Н.П. Политическая регионалистика. // М.: Гардарика, 2002. С. 86; Чертков А.Н. Территориальное устройство Российской Федерации. // Правовые проблемы. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2009. С. 46 – 49, 340; Шишкин С.И. Государственно-правовые проблемы регионализации в Российской Федерации. // Иркутск, 1996. С. 139.

² Региональная социология: проблемы социальной идентификации и моделирования российских регионов // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. Ред. М.К. Горшков. – Вып.7. – М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 231-232.

самосознание, образующие сложный механизм взаимодействия личности с самой собой (самоидентификации) и включенности индивида в региональный социум. Региональная идентичность — одна из составляющих конструирования региона как особого социально-экономического, политического и этнокультурного пространства. Она является основой для восприятия общих проблем и векторов развития региона на основе: географического единства территории, природно-климатических условий, преобладающего типа экономики, системы региональных ценностей и самореализации индивида на данной территории. Взгляд субъекта на себя в определенном месте пространства есть отношение образа Я к структуре интегрированных образов территориальных общностей. В этом плане территориальная идентичность является идеальной представленностью социального отождествления «Я — член территориальной общности»³. Присутствие двух основных компонентов в структуре региональной идентификации — *когнитивный* (знания, представления об особенностях собственной группы и осознания себя её членом) и *аффективный* (оценка качеств собственной группы, значимость членства в ней: представления об особенностях собственной «территориальной» группы, осознания себя её членом, оценка качеств собственной территории, значимость ее в мировой и локальной системе координат). Таким образом, совокупность населения региона, объединенная как минимум, общим местом проживания создает условия для возникновения региональной общности. Важным моментом является «масштаб» или границы той территориальной общности, к которой индивид чувствует причастность: это может быть ограниченная территория — конкретное место (город, село, область), или значительно более широкие пространства — Россия, СНГ³. В иерархии территориальной идентичности региональная идентичность занимает один из

3 Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // СоцИс. 1998. №4. С. 94 – 98.

уровней, наряду с национальной и этнической идентичностями. Национальная идентичность в упрощенном понимании обычно ассоциируется с этнической идентичностью. Однако, при пристальном рассмотрении научной категории «национальная идентичность» будет правильным расположить ее в одной плоскости с понятием «региональная идентичность», отождествляя ее не с этнической, а с государственной идентичностью. С появлением в европейской науке XIX в. концепции «нация-государство» зародилась ставшая теперь уже классической политико-географическая триада «государство — нация — территория»⁴, не только связавшая национальную и политическую идентичности, но и поставившая национальную идентичность на «верхний этаж» в иерархии территориальных идентичностей (таблица 1)⁵.

Таблица 1.

<i>Иерархия территориальной, политической и этнической идентичностей</i>			
Уровень идентичности	Территориальная идентичность	Политическая идентичность	Этническая идентичность
Верхний	Наднациональная (цивилизационная)		Метаэтническая
	Национальная	Государственная	Собственно этническая
Средний	Региональная		Субэтническая
Нижний	Локальная		Этнографическая

В условиях ослабления или кризиса *национальной идентичности региональная идентичность* может составить ей конкуренцию, тем самым, нарушая единство в государственном смысле. В стабильном обществе региональная идентичность не выходит на первый план. Однако в условиях отдаленности от центра и ощущения провинциальности, локальная и региональная идентичности начинают доминировать⁶.

4 Колосов В.А. Геополитическое положение России: представления и реальность. // М.: Арт-Курьер, 2000.

5 Манаков А. Г., Евдокимов С. И., Григорьева Н. В. Западное порубежье России: географические аспекты становления и развития Псковского региона. // Псков: Издательство АНО «Логос», 2010. С 50-51.

6 Орачева О.И. Региональная идентичность: миф или

Каждый регион имеет свой неповторимый набор проявлений региональной идентичности обусловленных различиями в культурной, социально-экономической, политической жизни. Опыт формирования и становления регионов показывает, что в одних регионах активно осуществляется политика по конструированию региональной идентичности, а где-то региональная самость развивается стихийно. Свое влияние на процесс формирования региональной идентичности оказывают дискурсивно активные агенты конструирования региональной идентичности (региональной элиты, интеллигенции, СМИ и других участвующих в производстве и конкуренции социально-политических значимых смыслов и тем самым оказывающих косвенное влияние на принятие решений), по средствам координация их действий и используемых ими стратегий ⁷.

реальность? // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М.: МОНФ, 1999. С. 36–43.

⁷ Назукина М.В. Структурные уровни региональной идентичности в современной России // Регионология. 2011. – №4.

Региональная идентичность может служить основой для мобилизации общественных сил. С одной стороны, региональная идентичность может стать источником дезинтеграции регионального сообщества, с другой стороны, региональная идентичность может стать значимым ресурсом социальной интеграции. Общество не может устойчиво существовать и развиваться без того, чтобы его граждане ощущали свою принадлежность к определенной культуре, к нации в ее современном понимании, к родине. Ощущение причастности только к определенному этносу или клану ведет к межэтническим и социальным конфликтам. Таким образом, идентичность в зависимости от ее преобладающих характеристик может стать как важным ресурсом развития, использование которого обеспечит модернизацию общества, так и ее серьезным тормозом ⁸.

---

⁸ Пантин В.И. Самоопределение как ресурс модернизации // Независимая газета. – М., 2010. – 30.03.2010.

ДЕРЕВЯННЫЕ ИДОЛЫ С Р. ПОЛУЙ
ИЗ ФОНДОВ МВК ИМ. И.С. ШЕМАНОВСКОГО

Концева Т.В.

*зам. директора МВК им. И.С. Шемановского, к.и.н.
г. Салехард.*

Идолы — деревянные антропоморфные фигуры (ненецк. — сядай) обычно располагались на священных местах северных ханты и ненцев. Они посвящались различным божествам пантеона или духам — защитникам. Священные места или святилища—места встреч и ритуального общения людей с богами и духами—играют важную роль в общественной и семейной жизни, они обладают особым статусом, связанным с представлениями о деятельности высших сил, почитаемых как покровители людей, животных, каких-либо территорий.

В процессе освоения газовых и нефтяных месторождений уже были разрушены и разрушаются ныне многие традиционные культовые места. Сове дело делают и непростые погодные условия, время: дерево, увы не камень, который может сохраняться в течение тысячелетий... Перед исследователями и музейными работниками зачастую стоит непростая дилемма — наблюдать за исчезновением святилища (это в том случае, когда оно заброшена и много лет не посещается) или спасать бесценные экспонаты, перевозить их в музей для изучения богатейшего историко-культурного наследия, содействуя сохранению уникальных памятников традиционной культуры народов Севера?!

Фонды музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского насчитывают более 65 тысяч музейных предметов, из них около 3,5 тысяч — это экспонаты этнографической коллекции. Самую мизерную часть богатейшего собрания составляет коллекция культовой деревянной скульптуры — **десять** единиц. Однако каждый из этих предметов уникален, представляет большую научную ценность, раскрывая огромный пласт культуры — дохристианские верования местного населения.

В процессе изучения коллекции идолов, хранящихся в музее, выявилось немало вопросов, в том числе по их поступлению в фонды.

Сложно установить историю и время поступления, к сожалению, отсутствует подробное научное описание. С другой стороны, это дает надежды, что в истории коллекций МВК будет написано еще немало интересных страниц.

Наиболее яркие антропоморфные скульптуры — четыре крупных идола, поступившие с р. Полуй. Помимо их явной уникальности, немаловажно и то, что они изучались специалистами из Института экологии растений и животных УрО РАН, которые определили породу деревьев, из которых они были вырезаны и предложили их датировку по дендрохронологическому методу. Эти работы были проведены в 1999 и 2000 годах профессором С. Г. Шиятовым. Им же было предоставлено фото группы идолов с реки Полуй, сделанное в 70-е годы прошлого столетия.

Три самые большие идола (ОФ 80) согласно книге поступлений, были доставлены в музей в 1949 году. К сожалению, из них остался только один, два других были отправлены в Воркуту. Кстати, в те годы вообще почему-то часто отправляли экспонаты из Салехарда в Воркуту. Зачем? Это пока остается загадкой.

Оставшийся в фондах идол достаточно колоритен и мощен. Антропоморфная фигура вырезана из цельного куска дерева, черты «лица» обозначены очень грубо. Для его изготовления была использована древесина лиственницы сибирской (рис. 1).

Из отчета С.Г.Шиятова от 1999 года: «Всего в древесине оказалось 82 годичных кольца, включая сердцевинное. Несколько периферийных колец сгнило, поэтому датировать этот идол с точностью до года не представляется возможным. Сопоставление рисунков колец с уже имеющейся древесно-кольцевой хронологией по лиственнице за 1994 год, полученной для р. Хадыга-Яха (Южный Ямал), позволило довольно легко датировать и эту древесину. Оказалось, что сердцевинное

кольцо сформировалось в 1829 году, а периферийное кольцо – в 1911 г.».

В этом же отчете за 1999 год есть и описание второго идола, поступившего к нам (на основании книги поступлений) в 1974 году (ОФ 314). Этот идол интересен тем, что представлен антропоморфной фигурой без рук и ног, но с двумя выступами на голове, напоминающими рожки (рис. 2). Кроме того, при внимательном изучении личины изображения становится заметно, что она состоит из двух лиц, расположенных друг над другом. Не менее интересная деталь – два гвоздя, которые вбиты с обеих сторон под подбородком и сзади на спине изображения.

Из отчета С.Г. Шиятова: «Для его (идола – Т.К.) изготовления была использована лиственница сибирская. На затылке и в задней части шеи сохранились остатки коры, что дает возможность определить не только календарный год, но и сезон рубки дерева.... Всего в древесине оказалось 74 годичных кольца, сердцевинное кольцо сформировалось в 1841 г., а периферийное – в 1914 г. При этом подкорковое кольцо у этого дерева полностью сформировалось. На этом основании сделано заключение, что дерево было срублено в промежутке времени с сентября 1914 г. по июнь 1915 г. По-видимому, идол был изготовлен сразу после рубки, т.е. зимой 1914–1915 гг.».

Вот, казалась бы и вся информация на сегодняшний день об этих идолах – известна дата поступления, несколько строк описания из дендрохронологического отчета. Но...

С.Г. Шиятов делает вывод, который рушит стройную систему описания формирования коллекции идолов: «Сопоставление древесно-кольцевой хронологии двух идолов показало их исключительно высокое сходство. Учитывая также то, что сердцевинное кольцо первого идола содержит сердцевинное кольцо, которое сформировалось на 13 лет раньше по сравнению с кольцом у второго идола, а также одинаковый диаметр и одинаковую сохранность древесины, было сделано заключение, что оба идола были сделаны из одного и того же дерева лиственницы (!). Притом, первый

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

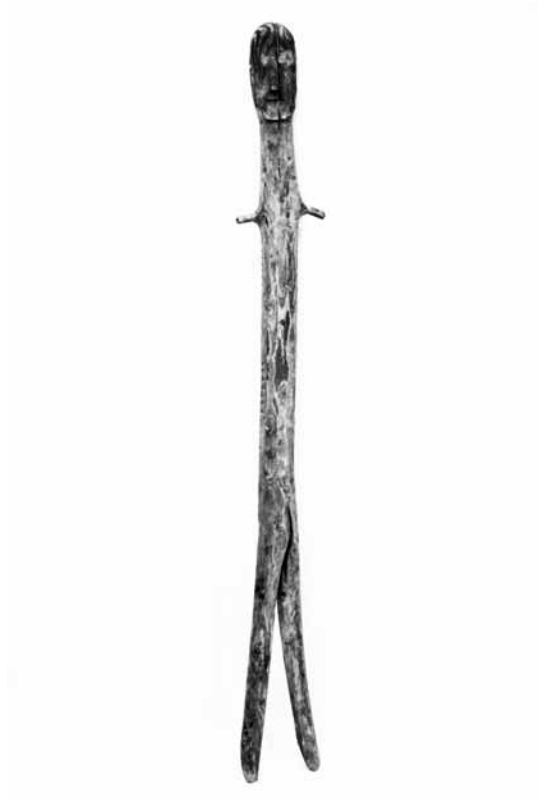

Рис. 4

идол был сделан из более низко расположенной части ствола, чем второй».

Итак, оба идола сделаны из одной лиственницы, срубленной зимой 1914–1915 гг. Это дерево росло на северном пределе произрастания древесной растительности (низовья Оби, Надыма, бассейны рек Щучьей, Лонгот-Югана и Харбея)».

Загадкой остается, какой же из идолов тогда поступил в 1949 г.?

Самый «маленький» (ОФ 391) в коллекции идолов (рис. 3). Для его изготовления также была использована древесина лиственницы сибирской. Из отчета С.Г. Шиятова от 2000 года: «На лицевой поверхности хорошо видны годовичные кольца прироста... Всего в древесине оказалось 65 годовичных колец, включая сердцевинное. Последнее сформировалось в 1895 году, а периферийное кольцо – в 1959 году. Учитывая, что подкорковое и ближайшие к нему около 10 годовичных колец не сохранились, можно сделать заключение, что эта лиственница была срублена для изготовления идола в 1960-х годах. Годичная изменчивость прироста древесины у этого дерева выражена сравнительно слабо. Поэтому очевидно, что это дерево росло или в южных районах ЯНАО, или в северных районах ХМАО».

Идол (ОФ 313), поступивший в 1974 году, достаточно редкий – изображение снабжено двумя «ногами», высота его 1 м (рис. 4). «Для изготовления этого идола была использована древесина лиственницы сибирской... Всего в ней оказалось 27 годовичных колец. Сопоставление графиков изменения ширины годовичных колец с имеющимися древесно-кольцевыми хронологиями по лиственнице, полученными для различных районов ЯНАО, показало, что наибольшее сходство в рисунках колец наблюдается с хронологиями, полученными для низовий р.Оби. Несмотря на сравнительно небольшое количество годовичных колец, которое содержалось в древесине этого идола, датировка произведена достаточно уверенно. Оказалось, что сердцевинное кольцо сформировалось в 1869 г., а периферийное (подкорковое) – в 1894 г.

На этом основании сделано заключение, что дерево срублено в промежутке времени с сентября 1894 г. по июнь 1895 г. По-видимому, идол был изготовлен сразу после рубки дерева, т.е. зимой 1894–1895 гг.». Интересная деталь идола – зарубки, расположенные по обоим бокам, причем их дважды по семь (рис. 5). Семантически и символично.

Итак, идолы для своих изготовителей – объект почитания/поклонения, для ученых и музейных работников – объект историко-этнологического, археологического, дендрохронологического, фольклорного и многих других исследований. Это также некий символ этнической общности народов Севера при множестве локальных культурных и языковых особенностей. Можно проводить параллели, выявлять сходства и различия – это и есть интересная исследовательская тема – деревянная монументальная культовая скульптура.

Но, а что касается наших идолов, то, переместившись в фонды музея, они не только не потеряли своей сакральности (все необходимые ритуалы многими поколениями музейщиков беспрекословно выполняются), но и обрели новую жизнь – стали ценнейшими экспонатами этнографической коллекции, «героями» монографических и каталожных

Рис. 5

изданий, экспозиционных проектов. Кроме того, их коллекционная история будет продолжена: есть что искать, есть с чем сравнивать, есть что атрибутировать. Великий Аристотель писал: «Начало есть половина пути».

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ
В ФОЛЬКЛОРЕ ТЕГИНСКИХ ХАНТОВ

Лапина М.А.

к.и.н., чл.-корр. РАН, г. Ханты-Мансийск

Тегинские ханты (самоназвание *тэк ёх* — тегинский народ), относятся к сообществу берёзовских хантов, они говорят на тегинском говоре казымского диалекта. В соответствии с современным административным делением, тегинские ханты являются жителями селения Теги Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры Тюменской области. Соседями на западе являются северные манси, на севере — ханты Шурышкарского района Ямало-Ненецкого автономного округа.

В культуре жителей этих двух районов имеется много общего: традиционное хозяйство, языковые, культово-ритуальные, фольклорно-мифологические традиции, семейно-бытовая обрядность и т.д.

У хантов Берёзовского и Шурышкарского районов давно установились брачно-родственные связи, поэтому они часто ездили друг к другу на праздники, священнодействия. Летом их объединяла водная магистраль, а зимой санная дорога, в настоящее время — зимник.

У тегинских хантов до сих пор сохранились личные песни о сватовстве, о выходе замуж убёгом. Одна из песен, женщины из юрт Машья-Лоры, называется «Песня Дарьи». В песне автор точно описывает, по каким водным просторам, скрываясь от своих братьев, добиралась она на Сынскую территорию к своему суженному. Песня заканчивается словами:

...Младший сын Илья Данилы-Мужчины,
Разве, в карман, положив, меня увез,
Разве, в рукавицу, положив, меня увез,
Я сама убежала.

Территория проживания тегинских и шурышкарских хантов являлась местом постоянных этнокультурных и языковых контактов, которые отложили свой отпечаток и на их фольклорные традиции.

Вышеназванные группы хантов объединяет жанровое разнообразие прозаического фольклора, к ним относятся: *мев омсантм моньцтм* ‘сказания о сотворении Земли’, *емтһ моньцтм* ‘священные сказки’, *йис нуптм* ‘древние рассказы’, *тарнаһ моньцтм* ‘героические (военные) сказания’, *fl нуптм* ‘простые рассказы’, *nalman нуптм* ‘страшные рассказы’, а также *fl моньцтм* ‘простые сказки’, к которым относятся волшебные, социально-бытовые и сказки о животных, топонимические предания [Лапина, 2011. С. 4].

К жанрам музыкально-песенного фольклора относятся: *емәһ арәт* ‘священные песни’, *йис арәт* ‘старинные песни’, *тарнаһ арәт* ‘героические (военные) песни’, *вой арәт* ‘звериные песни’, *кай совәт* ‘заклинательные мелодии’, *араһ моньцәт* ‘песни-сказки’, *юкан арәт* ‘личные песни’, *ак арәт* ‘простые песни’, *няврәм уктәпса арәт* ‘колыбельные песни’, *уцхукь арәт* ‘шуточные песни’, *юнтәпса арәт* ‘игровые песни’ и др. Кроме этого имелось множество инструментальных мелодий для игры на хантыйских музыкальных инструментах таких как: *нарәс-юх*, *тор-санк-юх*, *тумран*, *нин-юх* и др [Лапина, 2012. С. 3].

Фольклор хантов Ямала и Югры имеет много общего в мифах и священных мифологических сказаниях о происхождении земли, небесных светил и звезд, рождении общих божеств, появлении природных стихий и животных, появлении людей, культурных героев. В фольклорных произведениях действуют общие герои, такие как: *Ими-Хикы*, *Ратнар-Ху-Хишнар-Ху*, *Миш-Ёх*, *Мәһк-Ики*, *Ялань-Ики*, *Хон-Ики*, *Порнэ*, *Моцнэ* и др. Совершенно идентичны герои сказок о животных: медведь у всех групп хантов характеризуется сильным, могучим; лиса — хитрой; мышка — сообразительной; собака — умной; заяц — трусливым; тетерка — глупой; ворона — мудрой и т.д.

Поэтический язык данных групп хантов изобилует фольклорными формулами, постоянными эпитетами, метафорами, параллелизмами. Например: *Акань венши исэһ Турэм, акань венши нуптэһ Турэм...* (С кукольным лицом древний век, с кукольным лицом памятный век...), *Курт кэты вун поры вэрсэт, вош кэты вун поры вэрсэт* (Для всего селения пиршество организовали, для всего города пиршество организовали), *Ши щюнь, хулэн интам хатэк вунты вуккэт* (Этим счастьем, бытием до сегодняшнего дня живут) и т. д.

В героических сказаниях прослеживается богатый фонд «общих мест», которыми пользовались исполнители фольклора той и другой группы хантов. Это и описание местности, и рождение героя, и прилет птицы, поездка за невестой, военные действия героя, победа героя, возвращение героя. Например, в легенде о богатыре Тэк-Ики говорится, как из Тегинской протоки шириной в одну лодку отправляется в военный поход со своими воинами богатырь Тэк-Ики. В легенде описан эпизод проводов его на берегу реки. Далее идут сцены борьбы с врагами и победы над ними, после чего герой с невестой возвращается домой, и люди прославляют богатыря. Героические песни о военных походах Тэк-Ики исполнялись во время танцевальных церемоний, которые проводились в честь этого героя. Дух-покровитель Тэк-Ики для тегинских хантов был определен свыше верховным божеством *Торум-Ащи* 'отцом Торумом'. Среди северных духов-богатырей Тэк-Ики считался одним из самых сильных и ловких. Будучи наделен волшебной силой, он владел и волшебным словом, которого боялся даже сам *Торум –Ащи*.

Много общего встречается в фольклорных формулах, связанных с запретами, назиданием, очень схожи заключительные формулы сказок об огне, о появлении комаров и других насекомых. На территориях проживания тегинских хантов и хантов Ямала строго соблюдались правила поведения, связанные с сакральным фольклором, что является мериллом нравственного здоровья хантыйского сообщества. Для хранителей фольклора они имели большое значение. Они будили

мысль, очищали от скверны. Так, в мировоззрении всех групп хантов, в том числе и северных, к которым относятся тегинские и шурышкарские ханты, было выработано особое отношение к медведю, поэтому к исполнению медвежьих песен относились очень серьезно, женщинам и молодым мужчинам петь их запрещалось. В народе существовала табуированная лексика "медвежьего языка", которая насчитывала около 500 слов, из них 132 были подставными названиями самого медведя [Лукина, 1990. С. 44].

У всех групп хантов, в том числе и северных, с почтением относились к знатокам и исполнителям фольклора, их приглашали на общественные и семейные торжества, их угощали и одаривали лучшим, что имелось. В народе всегда высоко ценились люди, владеющие словом, сказительским мастерством. Особо признанных в народе сказителей и, владеющих техникой исполнения фольклора, называли *олакунами*. У них была прекрасная память, они владели даром эпического исполнительства и сказительского творчества, они обладали артистичностью и выразительностью речи. Других знатоков и исполнителей фольклора называли *арэһ, моньщэһ ёх* (люди с песней, сказкой). Техника исполнительства творчески обогащалась, развивалась благодаря наличию знатоков сказительского искусства, которые широко использовали и средства художественного самовыражения народа. На протяжении длительного времени хантыйские сказители перенимали от старшего поколения фольклорное наследие предков, их приемы и манеры исполнительского искусства, которые сохраняли в своей памяти и передавали их последующим поколениям. В большинстве своем исполнители фольклорных произведений одновременно были и практикующими шаманами. Они имели *пос* (знак). По их утверждениям, этот знак им был дан свыше [Лапина, 2010. С. 133].

С древних времен тегинские ханты проживают на р. Малая Обь и ее притоках, и их основным занятием является рыболовство. Река была основной кормилицей, поэтому этот вид промысла более всего отражен в их

фольклорной традиции. В сказках рыбы являются между собой родственниками, как и люди. Для налима осетр и стерлядь — зятья, нельма — племянник, муксун и щёкур — племянницы. Поэтому нельзя варить в одном котле осетра или стерлядь с налимом, так как налимом со стерлядью и осетром — тесть с зятем. Эти рыбы должны были соблюдать обычай избегания, как и у людей (хантов). Нельзя было варить любую рыбу с уткой, иначе утка унесет рыбу в южные края, и у хантов не будет рыбы.

Одной из главных промысловых рыб Оби был осетр, по отношению к нему у тегинских хантов имеется множество запретов. Эту рыбу нельзя есть в сыром виде, женщинам нельзя разделять во время регул и во время соблюдения обряда деторождения. Было предписано, если осетра поймал зять, то теще нельзя разделять его ни в каком виде, иначе зятю больше не будет удачи в рыбной ловле. Если в селении кто-то поймал осетра или нельму, то он обязан был угостить всех родственников этой рыбой. Наградой за это рыбаку будет удача на промысле.

У тегинских рыбаков сохранилась легенда, связанная с императрицей Екатериной II и остяцким князем Тайшиным. Как-то во время зимней рыбалки на Оби, к тегинским рыбакам подъехал князь Тайшин со своей свитой. Он по приказу Екатерины II направлялся из Обдорска в Екатеринбург, где в этот период находилась императрица. Тегинские рыбаки в это время добыли огромную щуку, и они отправили эту щуку с князем в качестве гостинца императрице. Там, во дворце, из щуки приготовили семьдесят семь блюд и накормили всех гостей императрицы. В благодарность за такой гостинец Екатерина II, наложив руку на карту, очертила границы рыболовных угодий рыбаков. В пределах этих границ и сейчас рыбачат тегинские рыбаки [Лапина, 2005. С. 349–351].

В фольклоре тегинских хантов нашли отражение исторические предания о священном наводнении (потопе), об истории заселения данной территории, имеется множество легенд о духе-покровителе тегинских хантов Тэк-Ики, среди них популярны священные мифы «О спуске с неба собаки».

В творчестве хантыйского писателя Романа Ругина также имеются предания и сказки, связанные с собакой, образу которой поклоняются ямальские ханты рода *Авватты ёх*. К ним относятся: «Залив священной собаки», «Лесная женщина», «Сон» др. [Ругин, 2008. С. 90-395]. Отражение в фольклорном творчестве обеих групп хантов одного и того же образа, которому они поклонялись и воспевали, говорит о глубоких исторических корнях, сохранившихся в архаической памяти народа.

В поэтическом творчестве Романа Ругина имеется также героическое сказание «Поездка за семиокой», где говорится о богатыре «Пребывающем в обличье собачем». В этом образе и тегинские ханты почитают своего покровителя богатыря Тэк-Ики. По данным фольклора, о героических странствиях богатыря Тэк-Ики известно достаточно на обширной территории проживания хантов и манси. Еще в 1899 г. венгерский исследователь Й. Папай записал героическую песню о Тэк-Ики в Березово от Григория Торикоптина из селения Ас-корт. Песня состояла из 1843 строк. Из финно-угорской транскрипции песню на хантыйский язык перевели хантыйский поэт Прокопий Салтыков и венгерская исследовательница Ева Шмидт. [Лапина, 2008. С. 60].

В легендах богатырь предстает высоким плотным мужчиной средних лет. Он одет в кольчугу, на поясе у него висит меч, кинжал, лук, колчан со стрелами. Отличительной особенностью Тэк-Ики являются длинные густые волосы, часть которых он стелет под себя, а частью волос укрывается сверху. Легенды о Тэк-Ики считались священными. Слушать их можно было определенному кругу людей и в определенное время, при этом учитывался возраст, пол, родственные связи. Не каждый имел право произносить его имя. При этом использовались эвфемизмы. Называли его *Куцаем* 'Мой хозяин', *Акем Ики* 'Дядя', *Унмтх ху* 'Мужчина с волосами'.

По сведениям В.Н. Черенцова, на Медвежьих игрищах танец богатыря Тэк-Ики исполнялся в «облике лебедя» [Чернецов, 2001. С. 41]. Эти сведения подтверждают, что дух божества Тэк-Ики относится к пантеону *Töxlth*

lunxtm 'Крылатых божеств' и является покровителем людей фратрии Мощь, в честь которой и устраивали фратриальные празднества.

В богатырских сказках о Тэк-Ики часто встречается сюжет о «раненном мече». Такая легенда сохранилась и у сынской группы хантов Шурышкарского района. В нем говорится о том, как к двум охотникам пришел лесной великан Мэнк, и как чудом спасся один из них. Охотник, очнувшись от страха, обнаружил, что Мэнк лежит бездыханным, а в спине у него торчит клинок меча. Меч оказался сломанным, что говорит, о силе и коварстве великана. Затем выяснилось, что меч принадлежал герою-богатырю Тэк-Ики. После этого ханты сынской территории сделали специальное жертвоприношение «раненному мечу» богатыря, заменив его на новый.

Вышесказанное еще раз подтверждает существование единых фольклорных традиций у обеих групп хантов, их сохранение и дальнейшее развитие.

Особенными же для каждой из групп хантов Ямала и Югры являются фольклорные произведения, посвященные духам-покровителям отдельного рода, локальным героям конкрет-

ной местности. Очень конкретны топонимические предания о водоемах, о территории земель, где живут эти люди. Большое отличие имеется в личных песнях исполнителей, в которых поётся о жизненном пути человека, о его горе, счастье, любви и т.д.

Фольклорные традиции тегинских хантов являются неотъемлемой частью их традиционного мировоззрения, тесно переплетаются с системой верований, входят в повседневную жизнь жителей селения. Знание своих фольклорных традиций отдельной группой хантов имело большое значение, так как через эти традиции познавалось все культурное пространство хантыйского этноса.

Итак, фольклорные традиции хантов Югры и Ямала имеют общее и особенное. Фольклор разных диалектных групп только дополняет общую картину всего разнообразия хантыйского фольклора. Язык фольклора является основной базой лексикографического материала для лингвистов и других исследователей языка и культуры народа. Являясь кладовой накопленного опыта предшествующих поколений, фольклор хантов и сейчас играет важную роль в духовной культуре народа.

Литература

1. Лапина М.А. Героическое сказание о Тэк-Ики в записи В. Штейница и его варианты // Мифология хантов. Материалы научн.-практ. семинара посв. 50-летию к.и.н. Т.А. Молданова, 21–25 мая 2007г. г. Ханты-Мансийск. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 60.
2. Лапина М.А. Сказительские традиции в хантыйском фольклоре // Этнокультурное наследие народов Севера России: к юбилею д. ист.н., З.П. Соколовой. – М.: Август Борг, 2010. – С. 133–140.
3. Лапина М.А. Тэк ёх арэт. Песни тегинских людей. – Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2012. – С. 3.
4. Лапина М.А. Тэк ёх моньщэт-путрэт. Сказки-рассказы тегинских людей. – Ханты-Мансийск: Принт-Класс, 2011. – С. 4.
5. Лапина М.А. Фольклорные традиции тегинских хантов // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Материалы XIII Западно-Сибирской археолого-географической конференции. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С. 349–351.
6. Лукина Н.В. Предисловие // Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост., пред. и прим. Н.В.Лукиной. – М.: Наука, 1990. – С. 44.
7. Ругин Р.П. Легенды и мифы народа ханты. – Салехард: Изд-во Красный Север, 2008. – С. 90–395.
8. Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров. Пер.с нем. и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 41.

**ОЛЕНЕВОДЫ-ЧАСТНИКИ НА ЯМАЛЕ:
СВОБОДНЫЙ ВЫБОР В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ
И НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ**

Мартынова Е.П.

*Тульский гос. пед. ун-т им. Л.Н. Толстого,
д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории России,
г. Тула*

Оленеводство по праву считается одним из главных символом ненецкой культуры, оно дает возможность оставаться *ненэй ненэця* («настоящим ненцем»). В этой отрасли хозяйства практически не было и нет представителей других народов. Сегодня ЯНАО лидирует в РФ и по числу оленей, и по численности населения, занятого в этой отрасли. Наряду с оленеводческими предприятиями, в округе более 1,3 тыс. семей являются владельцами стад, их называют «частниками» или «личниками». По мнению экспертов, «с 1991 г. ведущая роль в ямальском оленеводстве принадлежит хозяйствам населения» (Клоков, Хрущев 2004: с. 64). Начиная с 1990-х годов, более половины оленьего поголовья в ЯНАО приходится на личные хозяйства населения: 1996 г. — 60,5%; 2002 г. — 71,3% (Клоков, Хрущев 2004: 62, Таблица 15). Наибольший рост частного оленеводства отмечался в двух районах — Ямальском и Тазовском, где, по данным за 2008 г., сосредоточено три четверти (74,6%) личного поголовья оленей ЯНАО. Существенное увеличение поголовья оленей у частных произошло в ходе реформ 1990-х годов при реорганизации сельхозпредприятий (совхозов и колхозов), когда сотни тысяч животных были переданы семьям оленеводов. В итоге такой трансформации «совхозный рабочий» советского времени стал владельцем оленей.

В докладе на основе полевых материалов, собранных автором в 2008, 2011, 2012 гг. в Ямальском и Тазовском районах ЯНАО и статистических материалов, полученных в Департаменте по делам коренных малочисленных народов Севера, будут рассмотрены разные аспекты жизни оленеводов-частников.

Статистика

В начале XXI в. ЯНАО является крупнейшим оленеводческим регионом РФ.

Это хорошо видно в сравнении с другими оленеводческими ареалами страны по статистическим сведениям, имеющимся в работе К.Б. Клокова и С.А. Хрущева (Клоков, Хрущев 2004: 75–81; 99–105; 121–127; 146–154; 168–177). Данные о современном состоянии частного оленеводства во втором крупнейшем оленеводческом регионе России — Чукотке — свидетельствуют об угасании там оленеводческой традиции. Так, число личных оленей сократилось с 56,0 тыс. в 1996 г. (23,8% от общей численности поголовья в Чукотском округе) до 16,4 тыс. в 2003 г. (15,4% общего поголовья), а число хозяйств, имевших оленей, уменьшилась с 1407 до 939 (Клоков, Хрущев 2004: 162). В других регионах РФ и общее поголовье оленей, и их число в хозяйствах населения, еще ниже. В ЯНАО такие данные на порядок выше: 307,3 тыс. голов в 1996 г. и 394,8 тыс. в 2003 г. (Клоков, Хрущев 2004: 62). Безусловно, можно говорить о ненецком оленеводческом феномене. Приведенные ниже сведения показывают рост численности оленеводческого населения округа с 2003 по 2012 гг.

Данные Таблицы 2, наряду с общей численностью кочевого населения, позволяют судить о доле оленеводов-частников по районам ЯНАО. Они свидетельствуют о большом числе личных оленеводческих хозяйств в Тазовском (49% хозяйств и 50% от численности кочевого населения) и Ямальском (36% хозяйств и 38% от численности кочевого населения) районах. Велика доля частных в Приуральском районе (82% хозяйств и 85% от численности кочевого населения). В целом по округу доля частных среди оленеводов — 47% от числа кочевников (45% кочевых хозяйств).

Таблица 1

Численность кочующего населения ЯНАО в 2003-2012 гг.

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2012
Численность сельского населения ЯНАО	33621	33891	34373	34786	35024	35412	36066	36765	37125
В том числе кочующее	13283	13819	13985	14177	13848	14273	14488	14704	14667

Таблица 2

**Численность кочующего населения по районам ЯНАО
(по данным на 01.01.2008 г.)**

Районы	Число кочующих хозяйств КМНС	В них численность населения (чел.)	Из них заняты индивидуальной трудовой деятельностью (хозяйств)	В них численность населения (чел.)	Из них глава семьи – неработающий пенсионер (хозяйств)	В них численность населения (чел.)
Красноселькупский	111	327			40	103
Надымский	121	564	46	208	17	47
Приуральский	397	1677	323	1423	75	259
Пуровский	221	936	58	277	46	154
Шурышкарский	21	69			2	5
Тазовский	1092	5149	539	2601	212	978
Ямальский	1004	5496	363	2104	245	1230
Салехард	10	55	4	25	1	4
ВСЕГО по округу	2977	14273	1333	6638	638	2780

Чем можно объяснить сохранение и развитие частного оленеводства в регионе? Видимо, здесь сказалось влияние нескольких факторов. Прежде всего, как отметил А.В. Головнев, это «мощный частнохозяйственный потенциал, сохраненный в культуре тундровых кочевников» (Головнев 2004: 93). Нужно отметить, что так называемое «частное оленеводство» на Ямале никогда не исчезало, несмотря на все планы тотального огосударствления оленеводческой отрасли, предпринимавшимися на протяжении 1930–1980-гг. Ненцы сохраняли поголовье, прибегая к различным хитростям, чтобы скрыть истинное число животных в собственных стадах от социалистического учета: отгоняли дольше в тундру личных оленей во время компаний по их учету, называли чиновникам цифру, которая допускалась «законом» и т.п.

**Частное оленеводство
как ценность ненецкой культуры**

В культуре ненцев оленеводство имеет высокий ценностный статус. Среди сельского населения это занятие считается наиболее

престижным, по сравнению с трудом рыбака или охотника. Это мнение большей части информантов, с которыми доводилось беседовать. «Оленеводом почетнее быть, чем рыбаком». «Занятия оленеводством престижнее, чем рыболовство». К этому можно добавить и распространенное у хантов мнение о том, что выдать дочь замуж за ненца-оленевода – большая удача.

Среди ненцев широко распространено убеждение, что оленеводы богаче рыбаков. «У кого оленей больше, тот и богаче. Кто беднеет – переходит на оседлый образ жизни». Нужно отметить, что представления о богатстве варьируют в довольно широких пределах. Так, у оленеводов Тазовской тундры богатым считается хозяин, у которого 500 и более голов оленей, бедным – у кого меньше 100 голов. В Гыданской тундре богатым слывет владелец более 1000 голов. В сложные 1990 и 2000-е годы некоторые оленеводы «осели», т.е. перешли к занятию рыболовством. В их словах звучат сожаления: «У нас оленей стало мало, пришлось перейти в

рыбаки. Что делать-то? Без оленей каслать не будешь». «С оленями своими лучше было. Природа лучше. Ездишь по тундре всегда, кругом красиво!».

Оленеводы-личники сохраняют традиции семейного кочевания, передвигаясь из года в год по устоявшимся маршрутам, которые не такие протяженные как у «совхозных» бригад. *«Все места в тундре разделены. Каждый знает свое место. Каждый каслат по своему маршруту».* Личные стада варьируют по численности от нескольких сот до 2 тыс. голов, наиболее крупные стада выпасают в самых северных тундрах Ямальского и Гыданского полуостровов. Комфортно в тундре чувствуют себя большие семьи при наличии большого стада, при этом в более южных районах «нормальным» считается стадо в 200-300 голов, в северных — более 500 голов. Хозяева стремятся не только сохранить, но и нарастить поголовье оленей. Оленеводы указывают на большую уязвимость поголовья стада в современных условиях. По их мнению, падеж животных могут вызвать разные причины: гибель оленей из-за болезней, травм, отравлений; потери разбежавшихся оленей; падеж молодняка из-за неблагоприятных погодных условий.

Частники считают, что у них, по сравнению с совхозными пастухами, более развито чувство личной ответственности за сохранность оленей, финансовую обеспеченность себя и семьи. Они, в основном, рассчитывают на собственные силы, живут на деньги, выручаемые от продажи мяса и рыбы. *«Мы несколько раз в совхоз «вступали», потом снова уходили. Самим по себе — так лучше жить. Не хотим быть в бригаде, т.к. надо постоянно каслать, а у нас девять детей, тяжело с ними каслать. Своих оленей 250 голов. Нам хватает. Мясо сдаем, рыбу продаем, рога. Нам хватает».* «Я частник с 1993 г. Не хочу в совхоз. У меня оленей много, больше 400 голов. Зимой сдаю 20 голов».

Нередко информанты подчеркивают, что частники более свободны, по сравнению с оленеводами-пастухами, работающими в бригадах. *«Едешь со своими оленями — куда захочешь. Сам себе хозяин».* «Частники никому не подчиняются. Они свободные». «В бригаде по-

рядки строже. Там график работы, дежурить нужно часто». «Самим лучше, чем в совхозе. Я не хочу в совхоз идти. Я хочу, чтобы у меня оленей стало больше. Пастухом в совхозе надо кочевать, где попало. А так я сам место выбираю. Мне привычно в тундре жить». Известно, что в прошлом (в XVIII — XIX вв. и вплоть до 1940-х гг. XX в.) жители тундр неоднократно оказывали сопротивление всяким попыткам подчинения со стороны властей. Стремление к независимости было и осталось важной психологической чертой оленеводов.

Доходы оленеводов-частников

Оленеводы-частники получают денежные доходы от сдачи оленины, пантов, продажи рыбы, выпаса чужих оленей и социальных пособий. По словам информантов, для собственного потребления и на забой для продажи идет около десятой части стада. При числе оленей около 100, семья ежегодно сдает «на мясо» 5–6 животных, более состоятельные — до 20. Обычно существуют определенные «графики» забоя животных для потребления мяса и изготовления зимней одежды для членов семьи по очереди — одному человеку в год. Для приобретения дорогостоящей техники (снегоходов) забивается большее число оленей «на продажу». Мясо, панты сдаются на предприятия, фабрики, магазины и пр. Закупочные цены на оленину низкие, в 2011-2012 гг. мясо принималось по цене 140-150 руб. за 1 кг. Существенно повысить доходность частных хозяйств могла бы переработка продукции. Но существует трудноразрешимая проблема: чтобы повысить доход от оленеводства, необходимо перерабатывать продукцию, а для «частников» это сложно из-за отсутствия многих необходимых условий (капитала, рынка сбыта, соответствующей инфраструктуры и транспортных средств). Оленеводы-«личники» практически не защищены социально. Они обычно не трудоустроены, следовательно, не получают заработной платы, им не идет трудовой стаж, что не позволяет рассчитывать на пенсионные выплаты, они не имеют возможности получить кредиты, дотации.

В конце 1990-х гг. в ЯНАО появились общинные хозяйства КМНС. Большая часть их была создана при поддержке местных властей. Общинные стада существуют номинально, ибо выпас ведется силами отдельных семей как «частников». Через общину осуществляется только сдача мяса и пантов. Общинникам идет трудовой стаж, заработную плату они получают только за сданную продукцию. Сами ненцы нередко воспринимают членство в общине как формальность, обусловленную необходимостью облегчить сдачу оленины, т.к. общины получают дотации на поголовье оленей и кредиты. *«Если есть олени, мы должны хотя бы две головы оленей сдать в общину. Это для отчёта. А так сами продаем — кто как может».*

Существенной статьёй пополнения семейного бюджета частников служит вылов и продажа рыбы. В основном такая торговля ведется нелегально, рыбу продают так называемым «коммерсантам», заезжающим в тундру. Многие частники выпасают оленей своих родственников и знакомых, живущих в поселках или работающих рыбаками, за что получают выплаты деньгами или продуктами. Обычно рыболовы отдают оленеводам рыбу для пищи и на корм для собак. Если в стаде выпасаются олени родственников, оленеводы нередко получают фактическую (физическую) помощь в ходе осеннего разделения стада и зимнего забоя.

Проблема пастбищ

В ЯНАО только оленеводческие предприятия имеют юридически признанные права на олени пастбища. Семьи «личников» (а им в округе принадлежит в три раза больше оленей, чем предприятиям) никаких официальных прав на землю не имеют и ведут выпас, по сути, нелегально. *«У нас пастбищ нет. Они все у совхоза».* В современных условиях, когда поголовье оленей лимитировано наличием кормов и пастбищ, на Ямале существует избыток оленепоголовья, в связи с чем остро стоит проблема выпасов для оленеводов-частников. *«У нас поголовье стоит на месте.*

Нарастить его мы не можем, т.к. условия не позволяют. Пастбищ нет». Действующий в ЯНАО закон «Об оленеводстве» направлен, в первую очередь, на поддержку больших оленеводческих предприятий. Принятое в 2000 г. губернатором округа постановление «О приведении поголовья оленей в соответствие с кормовой емкостью пастбищ в Ямало-Ненецком автономном округе» отражает возникший в связи с дефицитом пастбищ конфликт между руководством оленеводческих предприятий и семьями, владеющими частными оленями. Оно ввело ограничение на поголовье оленей только для семей оленеводов, но не для предприятий. Многие частники жалуются на недостаток участков для выпаса, из-за чего они не могут наращивать поголовье в стадах.

Оленеводы высказывают обеспокоенность о состоянии пастбищ в связи с промышленным освоением региона. К сожалению, нередко случаи утечки разного рода химреагентов на буровых станциях. Такие ситуации вызывают тревогу, т.к. многие химикаты имеют соленый вкус, который нравится оленям. *«Олени бегут на соленое. Лижут ягель с химией, а потом болеют и умирают. Уваженок потом слабые олениата рождаются, а слабого теленка могут собаки или комары заесть, он погибнет».* Оленеводы вынуждены менять маршруты перекочевок, места стоянок. *«Мы стараемся подальше от буровых держаться... Мы не касаем туда, где буровые, т.к. олени туда побегут и наедятся всякой химии. Потом погибнут».* Помимо беды от химического загрязнения, из-за некачественной рекультивации почвы по тундре начинает распространяться песок, сокращаются ягельники. *«После газовиков остаются песчаные карьеры. Песок по тундре разлетается. Олени едят ягель с песком, у них от этого зубы портятся, а потом желудок. И олени гибнут».*

Проблема пастбищ остро стоит в Гыданской тундре — самой северной в Тазовском районе — пока еще незатронутой промышленным освоением. В Гыданском муниципальном образовании более трех четвертей оленеводов — частники. Рост

поголовья вынуждает их искать новые маршруты для калаша. Несколько лет назад они стали прикочевывать в более южные, Находкинскую и Тазовскую, тундры, что вызывает недовольство местных пастухов, которые склонны объяснять их миграцию нехваткой на Гыдане пастбищ из-за большой численности поголовья и отсутствием возможностей для сбыта оленины. «В Гыданской тундре приезжих нет, одни местные. У всех свое мясо. Кому можно продать? – Некому». К этому информанты добавляют: «На Гыдане продукты дорогие, дров нет, т.к. кругом голая тундра». Риторика мигрантофобии тазовцев основывается на боязни быть вытесненными с пастбищных угодий, которыми сами они пользуются без законных оснований. «Гыданские сюда приходят, где мы оленей пасем, где наша земля. А я им ничего сказать не могу, т.к. у нас официально пастбищ нет, они и наглеют». Открытых конфликтов в тундре между оленеводами из разных сельских администраций не было и нет. Однако информанты высказывают опасение, что, если гыданцы будут продолжать приходить на их земли, то ситуация может перерасти в конфликтогенную.

Тазовские оленеводы сетуют на бесхозяйственное отношение соседей к природе, которые допускают потравы ягельников: «Когда после гыданских приходишь на место – там все исковеркано. В этом году весной я хотел стать на речке на отел, а там гыданские зимой были, они все растоптали. Пришлось мне менять место. После них на стоянке остается черная земля». Сложность отношений с соседями усугубляется тем, что «пришлые» портят именно отельные – весенние – пастбища, которые особенно дефицитны в тундре. Оленеводы для отела обычно выбирают защищенные от ветра места с ранними проталинами. Такие пастбища в тундре всегда были ограничены, а в связи с интенсивным изъятием земель под промышленное освоение их стало еще меньше. Не случайно, во избежание конфликтов они распределяются под контролем руководства оленеводческих предприятий.

Образование и оленеводство

Сегодня семьи оленеводов стоят перед альтернативой: либо дать детям полноценное школьное образование и тем самым оторвать их от кочевого образа жизни, либо оставить их в тундре в подростковом возрасте, т.е. без завершения среднего, а подчас и основного образования, и приобщить к навыкам оленеводства, к ценностям традиционной ненецкой культуры. Ненцы убеждены, что стать хорошим оленеводом можно только находясь в тундре, обучаясь с малых лет, перенимая опыт взрослых. Из высказываний родителей оленеводов: «Мой старший сын хорошо учится, на олимпиады ездит, я согласен – пусть дальше идет, в тундре ему не место. А младший с нами живет в тундре, ему 14 лет, он 6 классов закончил, к оленеводству тягу имеет, ему нравится в тундре. Если и младший пойдет учиться, то кому я оставлю всех своих оленей? Игнат с нами живет, он не отвыкнет от оленей и научится всему».

Существующую ситуацию понимают педагоги. В школах-интернатах всячески стремятся не отрывать детей от родной культуры, языка, прививать навыки традиционной хозяйственной деятельности. Пока кочевые традиции сохраняются, а престиж оленеводов среди ненцев остается высоким, нельзя говорить, что интернаты разрушают традиционную систему ценностей. Тем не менее, есть неразрешимая на сегодняшний день проблема – как дать детям из оленеводческих семей образование без отрыва от тундровой жизни? Чтобы стать хорошим оленеводом, надо вырасти в оленеводческой семье. Большое значение имеет то, где ребенок проводит первые годы жизни. Традиционная система передачи детям практических навыков жизни в тундре состоит в том, что детям дается большая свобода, при воспитании ненцы редко используют принуждение. Дети повторяют то, что делают взрослые, если у них что-то получилось хорошо, взрослые их хвалят. Дети усваивают очень многие навыки в раннем возрасте. К 6-7 годам они уже могут ловить рыбу в небольшой речке, к 8-9 управлять оленьей упряжкой, к 14 годам – пасти стадо. Но если ребенок большую

часть времени с 6-летнего возраста проводит в поселке, обучаясь в школе, то он отходит от традиционного образа жизни и утрачивает полученный в ранние годы опыт.

Самые серьезные опасения вызывает то, что, привыкнув к поселковой жизни, проживая в интернатах на государственном обеспечении, где постоянно есть свет, тепло, вода, кормят, одевают и развлекают, подростки не хотят возвращаться к сложному и некомфортному кочевому быту. Нередко после интерната выпускники не могут адаптироваться, что приводит к маргинализации. Оленеводы считают школьное образование необходимым и важным, даже если оно неполное. Многие родители, с которыми нам довелось беседовать, положительно отзывались о системе интернатов. Во многом это объясняется тем, что все они сами прошли через нее и никогда не сталкивались с какой-либо иной системой образования и воспитания. Нужно отметить, что существующая в стране система школьного образования не приспособлена к нуждам кочующих семей, к их сезонному хозяйственному ритму, поэтому интернаты все еще остаются важным связующим звеном между традиционным и современным обще-

ством. Сколько бы ни говорили о недостатках интернатской системы, реальной альтернативы ей пока нет.

Оканчивая школу-интернат, детям приходится выбирать между традиционной жизнью в тундре и современной в поселке. Дети оленеводов, оставшиеся в поселке после окончания школы, не всегда легко и быстро приспособливаются к поселковой жизни, их интеграция в современное общество происходит непросто. Чтобы одинаково чувствовать себя и в поселке, и на стойбище, молодые люди должны быть включены в обе субкультуры (тундровую и поселковую) сразу. Пока это удается лишь немногим. Большая часть молодых аборигенов либо так и не смогли освоить навыки кочевой жизни, либо, наоборот, чувствуют себя чужаками в поселке.

В целом, можно говорить о том, что сегодня оленеводы-частники являются наиболее уязвимой группой коренного населения ЯНАО. В правовой сфере это связано, прежде всего, с незакрепленностью прав на пастбищные и другие виды угодий, а в экономическом плане — с отсутствием стабильных источников доходов, сложностей с реализацией продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головнев А.В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. — 344 с.
2. Клоков К.Б., Хрущев С.А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Севера России: информационно-аналитический обзор. Т. 1. СПб., 2004. — 182 с.

**ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА:
ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ, ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹**

Новикова Н.И.

*д.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН,
ООО «Этноконсалтинг»,
г. Москва.*

Правовую основу проведения этнологической экспертизы составляют международные договоры и соглашения, законодательство Российской Федерации, субъектов РФ, а также решения, принятые гражданами на общих референдумах и в результате осуществления иных форм непосредственной демократии. Понятие этнологическая экспертиза появилось в правовой системе Российской Федерации в 1999 г.: «Этнологическая экспертиза — научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса». При отмечаемых многими специалистами недостатках этого определения, в настоящее время этнологическая экспертиза стала уже элементом общественного правосознания на Севере, где она представляется как экспертное заключение о влиянии хозяйственных проектов на сохранение образа жизни коренных народов и их социально-экономическое и этнокультурное развитие. При выполнении этнологической экспертизы возможно уделить внимание традиционным знаниям и ценностям коренных народов и создать действенный механизм учета их мнения. В законе не определен механизм проведения такой экспертизы. В настоящее время в Комитете национальностей Государственной Думы разрабатывается законопроект ««Об оценке воздействия на исконную среду обитания и традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Российской Федерации»».¹

Правовые основания для выполнения этнологической экспертизы гарантированы Федеральным законом 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации», где содержится определение этнологической экспертизы и описаны права этих

народов на защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни. Отметим в первую очередь их следующие коллективные права: участвовать в осуществлении контроля за использованием земель различных категорий, необходимых для осуществления традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами малочисленных народов, и общераспространенных полезных ископаемых в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов; получать от органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, организаций всех форм собственности, международных организаций, общественных объединений и физических лиц материальные и финансовые средства, необходимые для социально-экономического и культурного развития малочисленных народов, защиты их исконной среды обитания, традиционных образа жизни, хозяйствования и промыслов; на возмещение убытков, причиненных им в результате нанесения ущерба исконной среде обитания малочисленных народов хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами. Последнее право предоставляется также лицам, принадлежащим к этим народам. Этнологическая экспертиза и этнологический мониторинг в данном случае проводятся для выработки механизма осуществления этих прав, гарантированных федеральным законодательством.

**Этнологическая экспертиза
и координационный механизм ООН**

Теоретическую и методологическую основу проведения этнологической экспертизы составляют международные документы и мате-

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 13-01-00043

риалы ООН, в первую очередь Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях Джона Ругги. В ООН разработаны «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся «защиты, соблюдения и средств правовой защиты». Этот документ строится на признании защиты прав человека со стороны государств, роли предприятий, которым предъявляется требование соблюдать все действующие законы и уважать права человека и необходимости обеспечивать соблюдение прав и обязанностей с помощью эффективных средств правовой защиты. Таким образом, за государствами признается их важнейшая роль в соблюдении законов. В отношении деятельности предприятий предполагается, что государства будут «поощрять и при необходимости требовать от предприятий предоставления информации о том, каким образом они устраняют оказанное ими воздействие на права человека» [4, с.9].

В докладе Джона Ругги 2011 года приводится краткая информация о работе, проведенной им в период 2005–2011 годов. В результате этого исследования была изучена практика многих корпораций и правительств по проблемам, возникающим в сфере прав человека в результате деятельности промышленных корпораций. В июне 2008 года Специальный представитель внес только одну рекомендацию, предложив Совету поддержать рамки, касающиеся «защиты, соблюдения и средств правовой защиты», которые были им разработаны по итогам проводившихся в течение трех лет исследований и консультаций. Совет единогласно поддержал эту рекомендацию, «приветствовал» рамки в своей резолюции 8/7, и тем самым учредил отсутствовавший ранее авторитетный координационный механизм.

В основу этих рамок положены три исходные предпосылки. Во-первых, государства обязаны обеспечивать защиту от нарушений прав человека третьими сторонами, включая предприятия, посредством надлежащей

политики, нормативного регулирования и судебного разрешения споров. Во-вторых, корпорации обязаны соблюдать права человека, а это означает, что предприятиям следует проявлять должную осмотрительность, с тем, чтобы избежать нарушения прав других сторон и устранять неблагоприятное воздействие на них, к которому они причастны. В-третьих, существует потребность в расширении доступа жертв нарушений к эффективным средствам судебной и внесудебной правовой защиты. Каждая исходная предпосылка представляет собой основополагающий элемент в рамках взаимосвязанной и динамичной системы профилактических мер и мер правовой защиты: обязанность государства обеспечивать защиту — поскольку это составляет самую суть международного режима прав человека; ответственность корпораций за соблюдение прав человека — поскольку именно этого общество в первую очередь ожидает от предпринимателей в сфере прав человека; и доступ к средствам правовой защиты — поскольку даже максимальное согласование усилий не может предотвратить все нарушения.

Помимо соображений целесообразности этих рамок как таковых, их широкому позитивному восприятию, безусловно, способствовало проведение большого числа всеохватных консультаций с заинтересованными сторонами, организованных в интересах осуществления мандата. Так, к январю 2011 года в его рамках проведено 47 международных консультаций на всех континентах, и Специальный представитель и члены его группы посетили производственные объекты, а также встречались с заинтересованными сторонами на местах в более чем 20 странах.

Таким образом, руководящие принципы подготовлены с учетом информации, полученной в ходе широких обсуждений со всеми группами заинтересованных сторон, включая правительства, предприятия и ассоциации, отдельных лиц и общины, которых непосредственно затрагивает деятельность предприятий в различных частях мира, гражданское общество и экспертов по многим областям права и политики, к которым имеют

отношение руководящие принципы. Следует отметить, что некоторые руководящие принципы уже прошли проверку практикой.

Руководящие принципы не создают новые нормы международного права, но могут служить основанием для разработки рекомендаций по организации деятельности промышленных компаний в местах проживания коренных малочисленных народов. Именно благодаря общему характеру, они могут быть применены для выработки политики в отношении специфических групп населения, к которым относятся коренные малочисленные народы Севера Российской Федерации. При этом в документах ООН указывается, что при определении ситуации с соблюдением прав коренных народов должны учитываться как общие документы, так и те документы, которые приняты специально в отношении этих народов. Среди специальных документов, посвященных коренным народам в первую очередь должна быть названа Декларация прав коренных народов ООН, но даже в этом документе столь актуальные для них вопросы взаимодействия с промышленными компаниями не могли быть подробно рассмотрены.

«Руководящие принципы» исходят из того, что именно государства признаны для соблюдения, защиты и осуществления прав человека, причем в них отмечается, что одна из функций государства «поощрять и, при необходимости, требовать от предприятий представления информации о том, каким образом они устраняют оказанное ими воздействие на права человека» [4, В 3 d].

Для осуществления корпоративной ответственности за соблюдением прав человека предприятия должны устранять неблагоприятное воздействие, предотвращать, смягчать его, и при необходимости возмещать ущерб — так достаточно однозначно указывается в комментариях к «Руководящим принципам». Для выполнения своих функций предприятия должны оценивать риски, опираясь на собственные экспертные знания или знания независимых внешних экспертов и консультации с потенциально затрагиваемыми группами. Причем в документе предлагается

отслеживать эффективность мер, которые предпринимают предприятия для ликвидации неблагоприятных последствий.

Для практического применения этого документа особенно важны его разделы о доступе к средствам правовой защиты, где наряду с государственными судебными и внесудебными механизмами рассматриваются негосударственные механизмы рассмотрения жалоб. В документе отмечается, «С целью оперативного рассмотрения жалоб и прямого возмещения ущерба предприятиям следует учредить в интересах отдельных лиц и общин, которые могут оказаться жертвами неблагоприятного воздействия, эффективные механизмы рассмотрения жалоб на оперативном уровне или принимать участие в их работе». Критериями эффективности внесудебных механизмов рассмотрения жалоб являются следующие: легитимность, доступность, предсказуемость, справедливость, транспарентность, соответствие нормам в области прав человека, источник непрерывного обучения. Эти механизмы должны быть основаны на взаимодействии и диалоге [4, 3В 31].

Рассмотрение механизмов рассмотрения жалоб представляет особый интерес, так как может создать благоприятный климат для раннего предотвращения конфликтов и создаст площадку для действенного диалога между промышленными компаниями и лицами и общинами коренных народов. Опыт изучения использования подобного механизма, например, в работающей в Сахалинской области компании Сахалин энерджи показывает, что он требует и от аборигенов, и от предприятий определенных и постоянных усилий и самоорганизации. На Сахалине в компании был даже разработан дополнительный механизм для работы с коренными народами в рамках Плана содействия коренным малочисленным народам. В результате выполнения этого плана складывается не только сотрудничество между компанией, правительством Сахалинской области и Советом уполномоченных представителей коренных малочисленных народов, но и происходит институализация коренных народов, они приобретают опыт

взаимодействия, установления диалога и разрешения конфликтов.

Опыт ЯНАО и других регионов показывает, что государственных правовых механизмов установления партнерства между промышленными компаниями и коренными народами явно недостаточно. Конечно, предстоит еще большая работа по совершенствованию законодательства, но наряду с этим нужно заниматься и выработкой механизмов осуществления корпоративной ответственности промышленных компаний. Если они будут следовать в своей деятельности международно-признанным принципам осуществления и защиты прав человека (и прав коренных народов) на основании добровольно взятых на себя обязательств, то их работа в районах Севера будет встречать большую поддержку населения и сможет стать основой для устойчивого развития коренных малочисленных народов и повышения благосостояния и качества жизни коренного и местного населения. А установление процедуры жалоб сможет обеспечить обратную связь между компаниями и коренными народами и послужит средством раннего предотвращения конфликтов. Поэтому столь важно включить Руководящие принципы в исследовательский и правозащитный контекст в Российской Федерации.

Этнологическая экспертиза в российской правовой системе

Необходимость проведения именно этнологической экспертизы для изучения изменений положения и состояния этнических общностей в современных условиях обсуждается сегодня в различных сферах, как на уровне государственной власти [9], так и в научном сообществе. Антрополог (этнолог) в своем исследовании учитывает, что «существует неизбежный зазор между достижением полезных с социальной точки зрения новых технических знаний и их использованием гражданским населением» [6, с. 210–215].

В 1993 году статус коренных малочисленных народов Российской Федерации был впервые закреплен на конституционном уровне, когда

государство гарантировало их права в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст.69), сферой совместного ведения органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов были признаны «защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей» (ст.72). В последние годы приняты три Федеральных закона, определяющие правовое положение этих народов: «О гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ» (1999 г.), «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2000 г.), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (2001 г.). Эти законы определили права коренных малочисленных народов и обязанности государства по их соблюдению. Наряду с законами этнологическая экспертиза может рассматриваться как средство правовой защиты этих народов, причем она учитывает локальные особенности их положения. Важность этнологической экспертизы определяется тем, что она может показать промышленным компаниям действенные механизмы осуществления их деятельности в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов.

Важнейшее значение при выработке подходов к проведению этнологической экспертизы имеет «Положение об оценке намечаемой хозяйственной и иной деятельности на окружающую среду в Российской Федерации», утвержденное Приказом от 16 мая 2000 г. № 372 Государственного комитета РФ по охране окружающей среды. В этом документе указывается, что «Материалы по оценке воздействия на окружающую среду должны быть научно обоснованы, достоверны и отражать результаты исследований, выполненных с учетом взаимосвязи различных экологических, а также социальных и экономических факторов (принцип научной

обоснованности, объективности и законности заключений экологической экспертизы» (п.2.6).

Основой проведения этнологической экспертизы является установление оснований, на которых будет строиться та или иная деятельность, затрагивающая права и законные интересы коренных народов. Но экспертиза это не только норма, но и процесс. Этнологическая экспертиза позволяет согласовать интересы сторон, минимизировать отрицательные последствия проектов развития, изменения природных и социально-экономических условий проживания коренных народов в современном мире, а в идеале и способствует их устойчивому гармоничному развитию.

Несмотря на то, что в законодательстве пока не разработаны механизмы проведения этнологической экспертизы, на практике она применяется. Она проводится чаще всего по заказу промышленных компаний при возникновении конфликтных ситуаций. В этом случае компании получают рекомендации от экспертов, которые помогают им выработать социально-экологическую политику, адекватную законным правам и интересам этих народов [9].

Важнейшими принципами этнологической экспертизы являются системный подход и принцип универсальности используемых методик сбора материала среди различных групп населения: работников органов государственной власти, политиков, работников промышленных компаний, активистов общественных движений, аборигенов, занятых как в сфере традиционного природопользования, так и административной, социальной или индустриальной областях.

Сегодня вопросами этнологической экспертизы начинают интересоваться и промышленные компании. Возникающий на общественных слушаниях вопрос о необходимости проведения этнологических экспертиз становится для промышленных компаний большой проблемой. Наш опыт выполнения таких работ в ЯНАО показывает, что необходимо создание более четкого, чем сегодня правового регулирования ее организации и

проведения. Но уже сегодня можно назвать наиболее типичные вопросы, возникающие при ее проведении:

1. Планирование этнологической экспертизы. Необходимость обеспечения свободного, предварительного и осознанного согласия коренных народов в связи с планируемой промышленной деятельностью [1].

2. Время осуществления экспертизы. Оно должно быть достаточным для полноценного полевого исследования и написания отчета.

3. Выявление наиболее уязвимых территорий, например, священных мест, и различных групп населения, попадающих в зону воздействия промышленной деятельности.

4. Результаты этнологической экспертизы являются сегодня самым сложным и актуальным вопросом ее проведения. Так как нет законодательного закрепления ее обязательности на федеральном уровне, то очень важно в ходе ее подготовки и проведения установить сотрудничество с компанией-заказчиком, чтобы создать общественную установку, «подталкивающую» компанию к необходимости выполнять рекомендации этнологов.

5. При проведении этнологической экспертизы в наибольшей степени проявляется диалогичность этнологии, необходимость установления партнерских отношений и с работниками промышленных компаний, и с коренными народами и их организациями. Таким образом, обеспечивается эффективность ее результатов, но и создаются дополнительные сложности при ее проведении.

В России опыт этнологических экспертиз в отношении коренных малочисленных народов Севера еще невелик. Такие экспертизы проводились в Ямало-Ненецком автономном округе [2,3,7] и Сахалинской области [8], где они были инициированы промышленными компаниями под давлением общественных организаций коренных малочисленных народов. Определенный опыт был получен и в ходе проведения экспертизы при заключении договора аренды общиной бикинских удэгейцев «Тигр» [5].

Наряду с федеральным законодательством в некоторых субъектах федерации существует

правовая база, гарантирующая защиту прав коренных малочисленных народов Севера. Законодательство, особенно в ЯНАО, ХМАО, Республике Саха и ряде других регионов имеет большое значение для решения вопросов взаимодействия промышленных компаний и коренных малочисленных народов Севера. Важнейшей задачей его является создание оснований для региональной политики, защита коренного и местного населения от непродуктивной деятельности компаний, когда каждая из них проводит «свою трубу», не учитывая общую нагрузку на территорию и людей.

Современные перспективы этнологической экспертизы в России определяются развитием международного права, федерального и регионального законодательства, активностью общественных организаций коренных малочисленных народов Севера и ученых этнологов. Организовывая этнологическую экспертизу необходимо также учитывать комплексный характер воздействия промышленного развития на коренные народы, что диктует необходимость обеспечения ее междисциплинарного характера.

Библиография

1. Анализ, подготовленный секретариатом Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов: экономическое и социальное развитие, окружающая среда и свободное, предварительное и осознанное согласие// Экономический и Социальный Совет, Постоянный форум по вопросам коренных народов, Нью-Йорк, 16–27 мая 2011 г. E/C.19/2011/13.
2. Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П., Мурашко О.А., Хмелева Е.Н., Якель Ю.Я., Яковлева О.А. Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М., 2002, 134 с.
3. Василькова Т.Н., Евай А.В., Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Коренные народы и промышленное развитие Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). Москва-Шадринск, 2011, 267 с.
4. Доклад Специального представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека и транснациональных корпорациях и других предприятиях Джона Ругги «Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека: осуществление рамок Организации Объединенных Наций, касающихся «защиты, соблюдения и средств правовой защиты» Генеральная Ассамблея ООН, 21 March 2011, A/HRC/17/31.
5. Звиденная О.О., Новикова Н.И. Удэгейцы: охотники и собиратели реки Бикин (Этнологическая экспертиза 2010 г.). М., 2010, 163 с.
6. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998, 351 с.
7. Мартынова Е.П., Новикова Н.И. Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения. М., 2012, 132 с.
8. Обзор документации проекта «Сахалин-2», касающейся коренных малочисленных народов Севера острова Сахалин // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М., 2008, с. 288–311.
9. Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий. Парламентские слушания. М., 2008, 107 с.

СОЧЕТАНИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАТОРСТВА
В ФОРМИРОВАНИИ ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ
ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Паришуков В. Г.

директор филиала НОУ ВПО «СФГА» в г. Салехарде, к.п.н.

XXI век ознаменован продолжающимися процессами глобализации, которые касаются всех сторон жизни и деятельности человека, в том числе и научной. Сама современная наука «является глобальным научным предприятием, но при этом остаётся порождением западноевропейской культуры, сложившейся в уникальных географических, экономических, религиозных» [4], этнических условиях. Современные этносы уже не могут жить в условиях совершенной изоляции, их напрямую касаются вопросы стабильности-изменчивости жизненных стратегий в быстро меняющемся мире. И тут стоит рассмотреть необходимость сочетания традиций и новаторства в формировании этнической самоидентичности подрастающего поколения.

Этничность – широко используемая в науке категория, обозначающая существование культурно отличительных (этнических) групп и форм идентичности. Общепринятой дефиниции *этноса* не существует, но многие исследователи используют такие его определения, как «*этносоциальный организм*» (Ю.В. Бромлей) или как «*биосоциальный организм*» (Л.Н. Гумилёв).

Интеллектуальная история термина *этничность* начинается с 1960-х годов, когда этот концепт стал ответом на изменения в постколониальной геополитике и на движения меньшинств во многих промышленно развитых странах. Появление интерпретаций этничности касаются таких разных явлений, как социальные и политические изменения, формирование идентичности, социальный конфликт, расовые отношения, нациестроительство, ассимиляция и прочих.

В связи с этим автор кандидатской диссертации «Этничность как свойство культуры» (на материале традиционной культуры восточных хантов) Величко Н.И. доказывает, что «сохранение традиционной культуры сегодня

означает не культурную реанимацию, не возврат к архаическим принципам жизнедеятельности и мировосприятия, а скорее, адаптацию к современной социокультурной ситуации, сохраняющую основные, базовые ценности этносоциальной общности, которые имеют не только локальную, но и российскую, и мировую значимость» [2].

Этничность, являясь универсальным и интегративным свойством культуры, при этом всегда конкретна, выражается в этнически определённом языке, специфической системе жизнеобеспечения, ритуально-обрядовой системе, этнической картине мира, духовной и художественно-эстетической культуре, стереотипе поведения, соционормативных принципах. Этничность культуры может быть также определена как одна из форм презентации этноса в современном обществе.

По мнению исследователя, традиционная культура является основным репрезентантом этничности культуры, так как представляет собой способ сохранения и межпоколенной трансляции константных признаков этничности культуры.

Традиционная культура этноса существует и взаимодействует с той частью культуры, которая воплощает новое, приобретённое этносом в ходе его развития, межэтнического и межкультурного взаимодействия. В процессе этого взаимодействия традиционная культура претерпевает видоизменения, трансформации, сохраняя или не сохраняя при этом своё константное ядро, свои этноспецифические признаки. «Традиционная культура является основным репрезентантом этничности культуры, так как представляет собой способ сохранения и межпоколенной трансляции константных признаков этничности культуры. Поэтому этничность как свойство традиционной культуры такого многосоставного

этнота как ханты должна рассматриваться на разных его таксономических уровнях в парадигме «общее — особенное—единичное» [2].

Идентификация в психологии и социологии означает процесс эмоционального и иного стремления к отождествлению индивида с другим человеком, группой, образцом. Как известно, термин был введён австрийским психоаналитиком З. Фрейдом. В социологической и социально-психологической литературе термин приобрёл более широкое значение, обозначая, с одной стороны, имитацию, приближение, подражательное поведение, а с другой, особенно в исследованиях личности, эмоциональное слияние с обществом.

Кроме того, понятие *идентификация* означает процесс узнавания личностью самой себя, формирования личностного самосознания, идентичности. В процессе формирования «идентичности индивид приспосабливается к окружающей его социальной действительности. Если человек при этом сохраняет свою индивидуальность, это означает, что он согласовывает свои мотивы поведения со своими идентификациями и гармонично взаимодействует с общественными реалиями» [6].

Личность с правильной самооценкой и самоидентификацией понимает, что её развитие — это и развитие родного народа, его образования и в широком смысле — культуры. При этом важнейшую составляющую здесь имеют не столько внешние проявления — одежда, танцы, песни, сколько глубинное постижение истории родного народа, многофункциональная языковая компетентность.

Выступая на Всероссийской научно-практической конференции «Педагогика Севера: партнёрство во имя ребёнка», профессор И.Л. Набок отмечал, что формирование этнической самоидентичности в современных условиях России — это основа формирования гражданственности, но не сепаратизма. С этим нельзя не согласиться, ибо самоидентифицирующаяся личность должна осознавать себя частью своего народа и России в целом.

Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание при рассмотрении

этнической идентичности, касается выделения типов этнической идентичности. Вслед за Ю.В. Арутюняном Ю.В. выделим 7 типов этнической идентичности.

Первый тип — нормальная этническая идентичность: позитивный образ своего народа при толерантном отношении к другим.

Второй тип — этноцентричная идентичность: не критичное предпочтение «своей» культуры по принципу «лучше, потому что моя»; этноизоляционизм.

Третий тип — этнодоминирующая идентичность: данный тип идентичности является главным среди других идентичностей, если не единственным, для индивида. Данный тип этнической идентичности, как и предыдущий, можно отнести к гиперидентичности.

Этнический фанатизм — это вариант агрессивной идентичности, готовность индивида идти на любые жертвы ради реализации этнических идей.

Пятый тип — этническая индифферентность: полное равнодушие к проблемам этничности, межэтнических отношений.

Шестой тип — этнонигилизм в форме космополитизма: отрицание этничности как таковой. Главное отличие этнонигилизма от этнической индифферентности заключается в том, что если этническая индифферентность признаёт существование этничности и настаивает лишь на несущественности данной идентичности, то этнонигилизм полностью отрицает такую форму идентификации индивида и группы.

Седьмой тип — амбивалентная идентичность: «сдвоенная», «строенная» и т.д.; индивид идентифицирует себя с несколькими этническими группами. Такой тип идентичности распространён в этнически смешанной среде [1].

Названные типы могут быть реализованы как в своём чистом (нормальном) виде, так и как вариант «этноущемлённой идентичности: индивид, осознавая низкий статус своей этнической группы, старается не демонстрировать свою этничность, «прячась» за этнографизм, полностью отрицает такую форму идентификации индивида и группы [7]. Актуальность подобного

применения данной типологии подтверждает тот факт, что в ситуации этнической напряжённости даже самые этнически индифферентные индивиды оказываются вовлечёнными в конфликт, соответственно, пусть даже в результате внешней типизации, они вынуждены придавать этнической идентичности большее значение, чем им, может быть, хотелось бы.

Этническая идентичность имеет свою структуру, которая включает: этническую компетентность (осведомлённость), этническое самоопределение, этническое постоянство, этнические аттитюды (от фр. *attitude* – поза. Готовность к выполнению какого-либо действия) и взгляды, этнические модели поведения. Отсюда мы можем утверждать о возможности формирования, развития и адаптации этнической идентичности у подрастающего поколения. В ходе этнической адаптации и социализации дети приобретают модели поведения, способы восприятия окружающей действительности, ценности и аттитюды определённой этнической группы. Они получают этнические установки как личностную готовность воспринимать те или иные явления национальной жизни и межэтнических отношений, а также действовать определённым образом в конкретной ситуации.

Психологи и педагоги выделяют следующие этапы формирования этнической идентичности: дошкольный период и ранний школьный возраст (закладываются основы); 1 стадия подросткового возраста (нераскрытая этническая идентичность); 2 стадия (поиск этнической идентичности); 3 стадия (достижение этнической идентичности). Подробнее остановимся на двух первых: если ребёнок с первых дней жизни оторван от национальных корней, то существуют малая вероятность проявления его этнической идентичности в последующие периоды жизни.

На второй стадии – в период поиска этнической идентичности – у подростка могут проявляться крайности в виде неприятия своей национальности или, наоборот, приписывания ей исключительных по сравнению с другими народами качеств. Данное обстоятельство может привести к разного рода кон-

фликтам (внутриличностному, этническому).

На разных этапах формирования этнической идентичности проявляется в различных моделях поведения: ориентация на присоединение к группе (взаимозависимость, соперничество). При этом может проявляться активный (ориентированный на достижения), пассивный и смиряющийся стиль. С понятием *этническая идентичность* связано понятие *этнический стереотип*, который выражается в относительно устойчивых представлениях о моральных, умственных, физических качествах, присущих представителям различных этнических общностей. Этнологи нередко употребляют понятия *этническое меньшинство* и *этническое большинство* относительно конкретного этноса.

Отношения между этими этническими группами не всегда бывают мирными. Поскольку одни (меньшинство) проживают в отрыве от основной части своего этноса, нередко в инонациональной среде, сохраняя язык, внешнюю культуру своего народа, всё же отличаются от основного этноса, составляющего большинство. Эти отличия могут касаться языка, некоторых традиций, в том числе религиозных верований, влияния инокультур ряд проживающих этносов. В процессе формирования и развития этнической идентичности личность устанавливает степень сходства или различий между культурами. Устанавливается культурная дистанция или близость с родным по крови этносом.

Если определённый этнос находится под постоянным влиянием инокультур (как, допустим, это было в условиях СССР), происходит этническая аккультурация (приобретение одним народом элементов культуры другого народа). В данном случае скорее следует говорить о деэтнизации (потере этнических черт, начиная с языка, затем – этнического самосознания).

Психологическая идентичность является одним из важных аспектов языковой личности в межкультурном общении. В основе понимания психологической идентичности лежит национальный характер. В формировании национального самосознания участвуют многие факторы: идеологические, социокуль-

турные, национально-исторические и др.

Существует тройное определение понятия национальный характер. «С точки зрения социопсихологического подхода, национальный характер – совокупность устойчивых психических особенностей этнической общности, преломляющихся в этнических стереотипах, личностных самоопределениях свойств и качеств характера, своде представлений о высших добродетелях и пороках и проявляющихся в типичных способах поведения и общения. Как биосоциальное явление национальный характер – особое, устойчивое энерго-информационное в психосоциальной форме образование, замещающее в этносе функции инстинктивного поведения и направленное на минимизацию энергоёмкости способа этнического воспроизводства.

С этнологической точки зрения, национальный характер – есть форма концентрации социальной энергии, заложенной в способах поведения и общения в конкретной историко-культурной среде. «В последнее время на смену понятия «национальный характер» приходит понятие «менталитет», Ментальность, как научно признанная категория, начала интенсивно рассматриваться с конца 90-х годов. Это связано с ростом антропологических исследований, смещением акцентов

с объекта познания на субъект познания» [5].

Ментальность определяется и как сущностная характеристика общественного сознания, это его направленность, интенция, которая позволяет показать отличие общественного сознания одного народа от другого. Главными ключевыми словами, определяющими сущность категории «менталитет», являются «умонастроение», «неявные установки мысли», «ценностные ориентации», «автоматизмы и навыки сознания», «внеличностные аспекты сознания», «текучесть» и, вместе с тем, «устойчивость», «спонтанность», «мировидение», «образ мира» [3].

Нам представляется, что формирование этнической самоидентичности подрастающего поколения в условиях глобализации и информационно-технической революции не может замыкаться на традиционном хозяйствовании этносов или, наоборот, в отрыве от него. Разумнее будет дать право выбора: будучи со своим народом, т.е., осознавая свою этническую принадлежность, вести традиционный для данного народа образ жизни или входить в полиэтничное информационно-техническое сообщество. Однако, чтобы подрастающее поколение смогло сделать такой выбор, необходимо пройти названные ранее стадии этнической самоидентичности.

Литература

1. Арутюнян Ю.В. Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: учебное пособие для вузов. М.; Аспект Пресс, 1998. С.177–179.
2. Величко Н.И. Этничность как свойство культуры. Автореферат на соиск. уч. ст. кандидата наук. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И.Герцена, 2011. – С. 7–12.
3. Гуревич А.Я. Избранные труды, М., 1999. – С.45.
4. Коннов В.И. Характеристика российской научно-исследовательской культуры: возможности социально-психологического подхода/Вопросы психологии, № 4, 2012. – С. 3–12.
5. Петрова А.П., Лукина М.Н., Данилова М.Г. Психологическая идентичность Саха в межкультурном общении. Образование и гуманитарные технологии интеграции этнической этнорегиональной и гражданской идентичности. СПб, т. 2, 2008. – С.669–670.
6. Пышнова С.Л. Идея идентичности и идентификации личности и её применение для изучения проблем межнациональных отношений в молодежной среде современной России. Реальность этноса. Образование и гуманитарные технологии интеграции этнической этнорегиональной и гражданской идентичности. СПб, 2008. С.314–315.
7. Рахманов Ю.В. Этносоциологический аспект рассмотрения этнической идентичности. Реальность этноса. Образование и гуманитарные технологии интеграции этнической этнорегиональной и гражданской идентичности. СПб, 2008. – С.314–315.

**ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА
КАК ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

Петрова В.П.

*д.и.н., Тюменский государственный университет,
г. Тюмень.*

Этнографы и историки В.И.Васильев, А.В.Головнев, Г.П.Харючи, Л.В.Хомич, А.А.Южак и другие в многочисленных работах показали, что оленеводство всегда было основой традиционного хозяйства и этнической культуры ненцев, ханты, селькупов. С 1930-х годов и до современного периода оленеводство ЯНАО подвергалось существенной трансформации, на его развитие влияли идеологические, политические, экономические факторы, приведшие в результате к выделению производственно-коммерческих и традиционных форм оленеводства. Тем не менее, пережив многочисленные реформы, ненецкое оленеводство доказало свою устойчивость и жизнеспособность, хотя в отдельные периоды российской истории сохранялась угроза распада этой отрасли хозяйства. Одним из таких сложных периодов стала Великая Отечественная война. Представляется важным выявление факторов, способствующих сохранению оленеводства в жестких условиях военной экономики.

Война тяжело отразилась на состоянии всех отраслей хозяйства в округе, но так как аграрный сектор был представлен в основном оленеводством, то на его долю и пришлось почти все военные заготовки. Для колхозов и совхозов устанавливались большие задания по сдаче оленеводческой продукции, которые выполнялись часто за счет личного поголовья. Такая же ситуация была во всех аграрных районах Сибири, только задания были по сдаче зерна и мяса. И все задания в условиях военного времени нужно было выполнить любой ценой. Чтобы выжить в тяжелых условиях войны ненцы, селькупы, ханты были вынуждены забивать больше оленей, часть оленей сдавали в колхоз или

в фонд обороны, поэтому к концу войны увеличилось число безоленных и малооленных хозяйств. Так в колхозе «Наша жизнь» Ямальского района из 37 хозяйств 17 остались без оленей, а 13 хозяйств имели по 20 и меньше оленей, что было недостаточно для выживания [1].

В январе 1941 г. в Приуральском районе насчитывалось в колхозах, единоличном пользовании и в организациях 84277 оленей, в 1942 г. — 85766, в 1943 г. — 50396, в 1944 г. — 38714, в 1945 г. — 35238. За годы войны поголовье оленей сократилось в районе на 58,2%, особенно уменьшилось число оленей в единоличном пользовании: из 42,6 тыс. голов осталось только 17,3 тыс. [2]. Только за 1943 г. население района сдало по плану заготовок 5 тыс. оленей в Омский трест столовых, Ивдельлаг, Тюменский воентоорг, рыбокооп. Подобным же образом складывалась ситуация и в других районах округа. В Приуральском и Ямальском районах, где находилась большая часть поголовья оленей округа в 1943 г., поголовье сократилось более чем наполовину, а в некоторых колхозах оленеводство было полностью ликвидировано.

Оценка оленеводства с позиций экономической эффективности приводила центральные и местные органы власти к выводу о низкой товарности, об экономической нецелесообразности ведения оленеводства в единоличных хозяйствах, что вызвало в годы войны усиления процесса коллективизации и огосударствления оленеводства путем сосредоточения поголовья оленей в совхозах. Представляется, что такая политика, рентабельная с позиций государства, игнорировала значимость жизненной необходимости сохранения единоличного оленеводства как основы

выживаемости коренных народов севера. Разрушение традиционных отраслей северных народов резко меняло не только привычный уклад, но и сами условия проживания ненцев, ханты, селькупов.

Областные и окружные органы власти обвиняли местные Советы и земельные органы в том, что они не уделяют оленеводству должного внимания, не препятствуют убою оленей в личных хозяйствах, считали, что это результат «кулацко-шаманской агитации». Реальные же причины заключались в том, что задания были выше возможностей хозяйств, жители тундры не могли прокормить себя, и вынуждены были сокращать стада.

Ситуация в округе особенно обострилась в 1942–1943 гг. Некоторые советские, торговые работники проявляли безобразное отношение к коренному населению, стремясь любой ценой выполнить планы по сбору налогов, нарушая существующие правила. Такие факты имелись повсеместно и естественно вызвали недовольство населения. Так, в Приуральском районе исполнители пытались принудительно изъять оленей у председателя колхоза Г.Худи, взыскивали налоги, которые ненцы не обязаны были платить, подделывали квитанции, прибавляя к сумме тысячу рублей. В Приуральском и Ямальском районах финансовые работники нарушили сроки сбора налогов и взыскивали все сборы сразу за весь год, у тех, кто не мог сдать налог, конфисковали оленей, пушнину, одежду [3]. В Надымском районе работники сельсовета и военторга незаконно отобрали у ненцев в верховьях р. Полуй 176 оленей, нарту, шкуры и старинную малопульку [4].

Окружные партийные и государственные органы власти пытались навести порядок. Окрисполком в апреле 1943 г. обязал руководителей районов с привлечением прокуратуры пересчитать налоговые выплаты, вернуть оленеводам неправильно взысканные суммы, изъятых оленей, привлечь виновных к ответственности, но выполнить эти требования не удалось.

Еще более усугубилось положение северных народов и состояние оленеводства после решения о переводе сельскохозяйственных

артелей на устав рыболовецких артелей. Результатом такой вынужденной политики для решения проблем рыбной отрасли стало почти полное обобществление оленей. Для жителей тундры остаться без оленей означало фактическую смерть от голода, либо переезд в поселки и прекращение оленеводства. В колхозах и стойбищах начался массовый забой оленей.

Действительно, ориентация колхозов округа на добычу рыбы в 1942 г. многими историками оценивается как фактор, отрицательно сказавшийся на развитии оленеводства. В то же время стоит учитывать, что решение центральной власти об увеличении добычи рыбы в Сибири в 2–3 раза было принято в январе 1942 г. в условиях тяжелейшего положения страны с продовольствием. Обеспечить фронт и тыл в кратчайшие сроки продуктами питания было невозможно, нужно было время, чтобы вырастить зерно и скот, но этого времени не было, а основные сельскохозяйственные районы были захвачены врагом. И в этих условиях спасение страны зависело от рыбных запасов Сибири. Использование природных ресурсов сибирских рек и озер стало решающим фактором победы. Реализации этой стратегической задачи была подчинена вся деятельность местных партийных и государственных органов в 1942–1943 гг. Для достижения этой цели пришлось пожертвовать многим: перебросить на север спецпереселенцев и депортированных, мобилизовать на рыбоучастки почти все население, приостановить развитие других отраслей хозяйства. В такой ситуации оленеводству Ямала и оленеводам пришлось пожертвовать многим ради Победы. Усиленная эксплуатация богатств округа (рыба, оленина, пушнина) в годы войны четко выявили приоритет общегосударственных интересов перед региональными проблемами. Ресурсный фактор в сочетании с трудовым энтузиазмом жителей и эксплуатацией принудительного труда позволили округу выстоять в суровых условиях войны, выполнить задания и обеспечить фронт и тыл продовольствием.

Следует признать, что как только в 1944 г. ситуация на фронте и в тылу улучшилась, руководство страны сразу же обратило вни-

мание на состояние традиционных отраслей северных народов. Определенное влияние на эту позицию оказали события в Ямальской тундре 1943 г., свидетельствующие о серьезных проблемах оленеводов Ямало-Ненецкого национального округа.

Согласны с имеющимся в литературе мнением, что события 1943 г., более известные как «Мандала 1943», нельзя считать восстанием, как оценили его партийные органы и сотрудники НКГБ СССР в 1944 году. Анализ событий на Ямале, проведенный А.А.Петрушиным и А.С.Пимановым, показал, что здесь имели место проявления недовольства части оленеводов Ямальского, Приуральского районов тяжелым положением [5]. Однако, никаких антигосударственных действий они не предпринимали, да их и не могло быть в условиях военного времени. Коренные жители тундры в годы войны добросовестно трудились, и старались сделать все возможное для приближения Победы. События в Ямальской тундре были использованы местными работниками НКГБ, чтобы показать свою значимость в борьбе с врагами в тылу, а партийные и советские руководители округа не смогли, или не сумели, правильно оценить суть происходящих событий, объяснить населению ситуацию и предотвратить действия оперативной группы по расправе над оленеводами.

Вопрос о событиях в Ямальском и Приуральском районах был рассмотрен на 7-й сессии Ямало-Ненецкого окружного Совета. Анализ причин создавшейся ситуации свелся к тому, что окрисполком и райисполкомы допустили «серьезные политические ошибки в деле руководства национальными колхозами отдаленной тундры. Эти ошибки заключались в том, что советские органы не занимались выдвижением и выращиванием национальных кадров, слабо занимались вопросами оленеводства, особенно находящегося в личном пользовании, в колхозах отдаленной тундры советские работники бывали редко, не вникали в жизнь колхозов, не учитывали нужд колхозников» [6]. Все это создавало, по мнению депутатов, почву для «враждебной работы, проводимой кулаками

и шаманами», то есть органы власти возлагали вину не столько на местных чиновников, сколько на агитацию шаманов и кулаков.

В 1944 г. центральные и местные органы власти попытались несколько облегчить положение коренных народов: были запрещены заготовки оленьего мяса, выделены кредиты, нужно было возратить налоги и платежи за 1944 год. Это несколько снизило напряженность, но изменить тяжелое положение в полной мере не смогли. В ноябре 1944 г. окружной исполком проверил, как идет возврат налогов населению округа, согласно распоряжению СНК СССР от 13 мая 1944 г. На 10 ноября 1944 г. было возвращено 1 млн. 26 тыс. рублей, при этом жителям Тазовского и Приуральского районов возвратили менее половины средств.

Решением Ямало-Ненецкого окружного исполкома 6 октября 1944 г. для колхозников округа выделили 700 тыс. рублей на приобретение оленей в личное пользование (7). Поддержка была оказана и совхозам округа. Зимой 1944/45 г. Мужевский оленеводческий совхоз перевели в Пуровский район, центром совхоза был определен пос. Новый Уренгой. В колхозах округа создавались оленеводческие фермы, на которых собирали оленей, закупленных в совхозах и конфискованных из личных хозяйств колхозников. Каждому колхознику давали письменное задание увеличить до конца года поголовье, находящееся в личном пользовании. Безоленным колхозникам передавали оленей, изъятых у владельцев стад, имеющих оленей сверх установленной нормы.

За годы Великой Отечественной войны оленеводству на Ямале был нанесен ощутимый урон. С 1941 по 1945 гг. общее поголовье оленей сократилось с 358 тыс. до 225,8 тыс. голов [8]. В совхозах округа в 1941 г. было 21,6 тыс., в 1944 г. — 25,9, а в 1945 г. — 20,7 тыс. голов, 11,5 тыс. оленей находилось в различных организациях. Сокращение личных стад колхозников за годы войны произошло более чем в 2 раза, но самые сильные потери понесли единоличники: численность оленей у них сократилась в 19 раз, с 58,8 тыс. голов до 3,6 тыс., при этом количество оленей в

колхозах выросло, но незначительно: с 72,8 тыс. до 92,1 тыс. голов.

7 апреля 1945 г. ЦК ВКП(б) принял специальное постановление о развитии колхозов и оленеводства в Ямало-Ненецком национальном округе, окружком и райкомы партии, местные органы государственной власти должны были устранить имеющиеся проблемы в развитии оленеводства, а важнейшей задачей на последующие годы для них должно было стать развитие оленеводства, являющегося жизненной основой для коренных народов округа. В округе были созданы специальные комиссии, которые должны были определить, какие рыболовецкие артели перевести на устав сельскохозяйственных артелей, но процесс этот шел очень медленно.

Для восстановления оленеводства намечалось создать в колхозах округа 19 оленеводческих ферм, для которых совхозы обязаны были продать 1500 племенных оленей. В бригадах были увеличены штаты пастухов, с 19 до 37 возросло число ветеринаров в колхозах и совхозах округа. 165 опытных бригадиров и пастухов были сняты с рыбной ловли и отправлены на весенне-летнее каление. Улучшилось обеспечение оленеводов продуктами питания, пастухам выдали оружие и боеприпасы, но самых необходимых товаров

по-прежнему не хватало. Чтобы обеспечить оленеводов личными оленями, необходимыми для выживания в тундре, в округе стали практиковать выдачу оленей в качестве дополнительной платы за сохранение поголовья колхозных стад. В 1945 г. было выдано около 600 оленей для личного пользования.

Территория проживания коренных народов севера, занимающихся оленеводством, приобрела в годы Великой Отечественной войны общегосударственное значение и обеспечила существенную часть продовольственного потенциала страны. Обобществление сельскохозяйственного производства, необходимость перевода жителей тундры в поселки и рыбоучастки, рост заготовок и налогов военное время значительно снизили уровень развития традиционной отрасли округа — оленеводства. Особенно серьезный урон был нанесен развитию оленеводства в личном пользовании, что поставило под угрозу сохранение традиционного этнического оленеводства, вынуждал северян, не имеющих оленей, покидать тундру и приспосабливаться к жизни в поселках. В то же время следует отметить, что, несмотря на все трудности военного времени, оленеводство как необходимую для северян отрасль удалось сохранить, не допустить ее исчезновения.

Примечания

1. Петрова В.П., Харючи Г.П. Ненцы в истории Ямало-Ненецкого автономного округа. Томск, 1999. С.103.
2. Бакулина Т.И., Петрова В.П. Земля и люди Приуралья. Екатеринбург, 2005. С.101,247.
3. ГАТО (Государственный архив Тюменской области). Ф.814. Оп.1. Д.237. Л.147.
4. Там же. Д.211. Л.46-47.
5. Пиманов А.С. Мандала-43//Ямальский меридиан, 1997. №2-4; Петрушин А.А. Мандала-43//Тюменские известия. 1990. 23 сентября.
6. ГАТО. Ф.814. Оп.1. Д.237. Л.147.
7. ГАТО. Ф.814. Оп.1. Д.237. Л.72.
8. ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тюменской области). Ф.315. Оп.1. Д.331. Л.31.

ПУТИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ
ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЮГРЫ¹

Пивнева Е.А.

*Ученый секретарь Института этнологии и антропологии РАН, к.и.н.,
г. Москва.*

Современные социокультурные процессы на российском Севере (рост экономической и политической самостоятельности округов, подъем этнического самосознания и активизация коренных народов в решении вопросов сохранения своего традиционного уклада жизни и уникально-самобытной культуры и пр.) вызвали новую волну интереса к судьбам аборигенных народов и культур – вопросу, который занимает умы исследователей уже не одно десятилетие и даже столетие.

В отечественной историографии сложилась мощная традиция воспринимать и интерпретировать положение северных аборигенов как трагическое, что отражает объективный процесс разрушения самобытных культур под воздействием модернизационных и глобализационных процессов. В многочисленных исследованиях на примере разных северных народов показано, что взрывное ускорение перемен вызывает в их среде шок столкновения с новыми реалиями, ценностями и моделями поведения, служит источником пессимистических настроений и асоциального поведения. В то же время в современной действительности мы видим не только новые проблемы, но и новые возможности, входящие в жизнь коренных народов вместе с модернизационными вызовами начала нового тысячелетия.

Рассуждая в одном из интервью о будущем языка и культуры финно-угров, **бывший директор** Института России и Восточной Европы (Финляндия) С. Лаллукка заметил: «Несомненно, есть много тревожных процессов. Интерес молодежи к корням ослабевает, сокращается количество носителей языка. Мы

знаем, что во многом это диктуется общемировыми экономическими и финансовыми проблемами. Также на сохранение культуры неблагоприятно сказываются оптимизация школьной сети и угасание деревень. Конечно, сохранять язык гораздо сложнее в городских условиях. Передача традиций происходит в семье, а не в школе, а уклад жизни городских жителей таков, что это становится трудно-существимым. Но я уповаю на возможности, которые открывают перед городскими представителями этноса современные технологии. <В отношении глобализации> я считаю, что <это> – одновременно и угроза, и шанс. Выживает сильнейший. Кстати, именно благодаря глобализации возникают новые инструменты, позволяющие преодолевать препятствия. Например, кто думал, что можно будет с легкостью создавать Википедию на национальном языке, как это делают сейчас марийские энтузиасты, заниматься современной аранжировкой этнической музыки, создавать интерактивные проекты? Интернет позволит развить язык и самобытность наших народов»².

Существует мнение, что позиции финно-угорских языков и культур можно укрепить за счет роста этнического самосознания молодежи. Для решения этой задачи необходимо повышать этническую компетентность молодого поколения путем пропаганды языка и культуры³. Вот, например, позиция заместителя министра национальной политики Республика

² Лаллукка С. Сохранение национальной культуры – за энтузиастами // Финноугория. Этнический комфорт. – 2009. Вып. 2(7).

³ См.: Зайц Г. Актуальные вопросы развития мордовских литературных языков // Uralistics from Hungary. Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum (Piliscsaba, 9-14. VIII. 2010). Piliscsaba, 2010. P. 172-182.

¹ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Удмуртия Л. Н. Бурановой: «Городское пространство для финно-угорских народов не является традиционно родной территорией. Это известно всем. Но весь мир сегодня урбанизирован, он развивается, к счастью или к несчастью, не по законам традиционного общества. Именно поэтому необходимо сегодня выстроить систему отношений, внешних маркеров, прежде всего, в городской среде, для того, чтобы молодым людям, нашему будущему, было комфортно одновременно быть и современным человеком, и удмуртом. Это наша стратегия, большую часть деятельности мы выстраиваем сегодня в этом направлении»⁴.

Понять сильные и слабые стороны реально действующих «этносохранительных» моделей, их достоинства и недостатки, успехи и просчеты, — крайне важно и с точки зрения социальной практики, и с сугубо академической точки зрения. В этом отношении представляет интерес опыт региональной политики Ханты-Мансийского округа—Югры (ХМАО), направленной на поддержку и сохранение этнокультурного наследия проживающих в там коренных малочисленных народов.

Сегодняшний Ханты-Мансийский автономный округ — Югра отличается полиэтничным составом населения — там проживают представители более 120 народов. Обские угры (ханты и манси), будучи «титულными» народами округа, занимают в этнической структуре ХМАО всего около 2%. На такой огромной территории, которую занимает ХМАО, и при абсолютной малочисленности аборигенных народов Севера, их этнокультурный потенциал не может служить заметным фактором социально-экономического развития округа. В то же время статус округа определяется именно проживанием на данной территории коренных малочисленных народов, и это подчеркнуто в его основном законе — Уставе. Поэтому сохранение численности и этнической идентичности этих народов — важнейшая политическая задача окружных властей.

В ХМАО уже сделаны заметные шаги в этом направлении. Создан и действует ин-

ститут представительства интересов народов Севера в органах государственной власти автономного округа (Ассамблея представителей коренных малочисленных народов Севера Думы ХМАО); разработан механизм взаимоотношений субъектов, осуществляющих хозяйственную деятельность на территориях традиционного проживания и ведения традиционного хозяйствования, и коренных малочисленных народов Севера; определена и закреплена форма осуществления местного самоуправления коренными малочисленными народами Севера в местах компактного проживания (закон автономного округа «Об общих принципах организации местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе»). В целях поддержки жизнедеятельности КМНС приняты также законы: «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа», «Об общинах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре», «О традиционных видах деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ханты-Мансийском автономном округе», «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре», «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», «О факториях в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре», «О поддержке средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре», «О святынях коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре».

С 2008 г. в округе действует Постановление Правительства ХМАО—Югры № 228-п «О грантах ХМАО—Югры для поддержки проектов, способствующих сохранению, развитию, популяризации фольклора, традиций, языка, промыслов коренных малочисленных народов Севера». За счет грантов, например,

⁴ Финноугория. Этнический комфорт. — 2008. Вып. 2.

были изданы, диски с песнями на родных языках обских угров в авторском исполнении Народных мастеров России М.К. Волдиной, З.Н. Лозямовой, создан мультипликационный фильм на русском и хантыйском языках «Щащи па хилы» («Бабушка и внук»), восстановлена и зафиксирована технология изготовления берестяного чума северных манси, обустроены мастерские для мастеров традиционных промыслов (резьба по дереву) и пр. По мнению экспертов из числа коренных малочисленных народов Севера, «непосредственное участие в таких проектах – это хорошая школа самостоятельности. Появилось достаточное количество людей – организаторов, которые, задумывая проект, берут на себя весь этот путь от замысла до реализации. В целом это улучшает ситуацию по сохранению культуры».⁵ Впрочем, существует и точка зрения, что подобная практика порождает «деятели с проектным сознанием» и «имеет профессиональный крен, в сторону освоения бюджета». «Это дискредитация культуры. Нужно более тонкое погружение в культуру».

В деле сохранения этнокультурного наследия аборигенных народов большая роль принадлежит общественному движению, оформившемуся в 1989 г. в окружную ассоциацию «Спасение Югры» (в настоящее время является ассоциированным членом Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации). Сегодня эта региональная организация имеет 22 районных и городских отделения. По ее инициативе проведено множество мероприятий в защиту языка и культуры хантов и манси: дни национальной культуры в местах непосредственного проживания коренных народов, медвежьи игрища и другие традиционные обряды, семинары мастеров ДПИ, этнографические экспедиции, фольклорные школы, дни родственных финно-угорских народов и др.

В округе проводятся учебные курсы по подготовке руководителей национальных общин и предприятий, проходят конференции и

съезды руководителей общин и национальных предприятий. Развитие традиционных отраслей хозяйствования призваны поддерживать «Союз общин коренных малочисленных народов Севера» и «Союз оленеводов-частников». Задача сохранения и развития традиционного декоративно-прикладного искусства северных аборигенов стоит перед «Союзом мастеров традиционных народных промыслов коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа», одной из организационных форм деятельности которого стали регулярные съезды мастеров по декоративно-прикладному искусству.

На общественных началах в округе действует «Совет старейшин коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» – совещательный орган, который участвует в обсуждении вопросов, касающихся социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов ХМАО, дает рекомендации, высказывает предложения по проблемам жизнеобеспечения, сохранения языка, культуры, обрядов, развития промыслов обских угров. С целью обеспечения преемственности культурных традиций и защиты интересов молодежи коренных народов в 1995 г. в ХМАО образована «Молодежная организация обско-угорских народов Ханты-Мансийского автономного округа» (МООУН). С 1999 года она реализует программу «Через прошлое – к будущему», в рамках которой при поддержке Комитета по молодежной политике организованы семинары молодых художников, молодых поэтов, писателей и фольклористов, семинар по декоративно-прикладному искусству, окружная смена детского этнографического лагеря «Аран-тур», первый окружной форум финно-угорской молодежи.

Значительная роль в деле защиты интересов малочисленных народов округа принадлежит инициативным начинаниям политических лидеров из числа этих народов. Примером может служить история принятия в 2011 г. региональной Концепции устойчивого развития КМНС, целевые ориентиры которой

⁵ Из интервью автора с Т.С. Гоголевой. ПМА, г. Ханты-Мансийск, 2010 г.

распространяются на период до 2025 года. План мероприятий по ее реализации на среднесрочную перспективу до 2014 г. включает такие направления, как обеспечение представителей коренных малочисленных народов Севера автономного округа жильем, образовательными и медицинскими услугами, развитие культуры, народных промыслов и ремесел, традиционных видов хозяйства и этнотуризма. В рамках реализации Концепции предлагается, в частности, создание единого электронного реестра (социальной карты) малочисленных народов, в целях проведения качественного мониторинга малочисленных народов. Планируется применить новый системный подход в оказании мер государственной поддержки, учитывая категорию и виды осуществляемой деятельности граждан из числа малочисленных народов, а именно разграничить государственные меры по социальным группам.

Для координации деятельности по вопросам сохранения родного языка и традиционной культуры КМНС исполнительных органов государственной власти, образовательных учреждений, общественных организаций и объединений ХМАО создан коллегиальный совещательный орган – Научно-координационный совет по вопросам сохранения родного языка и традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, под председательством первого заместителя Губернатора ХМАО Г.Ф. Бухтина. Утвержден синхронизированный с Концепцией устойчивого развития План комплексных мер по сохранению родного языка, традиционной культуры и этнической самобытности коренных малочисленных народов Севера Югры, включающий более 80 мероприятий. Среди новых направлений деятельности Правительства автономного округа ставка делается на развитие этнотуризма, вовлечение коренного населения в создание и развитие рекреационной деятельности. Стратегической задачей провозглашается «более активное вовлечение традиционных форм хозяйствования коренных народов в экономику современной Югры, не нарушая при этом

самобытности народов Севера». Насколько совместимы эти задачи, покажет время.

Что касается «этнической специфики», как справедливо заметил В.В. Карлов, в наши дни ее в разных сферах бытия современных народов становится все меньше, «но приемы и методика выявления этой специфики (и особенно ее новых, рождающихся сейчас и вызванных к жизни современной действительностью форм) в науке еще не отработаны»⁶. Сегодня мы можем наблюдать, что вытесняемая из повседневного быта традиционная материальная культура северных народов «оживляется» в основном во время праздников, фестивалей, превращающихся в зрелищные и развлекательные мероприятия – в том числе и для туристов. В последнее время в ХМАО возрос интерес к календарным (сезонным) праздникам и обрядам, в округе отмечают Вороний день, Праздник обласа, День оленевода. Однако новая среда меняет само содержание обрядности. Календарные праздники, связанные изначально преимущественно с промысловыми культурами, для современного городского населения выполняют совсем иные функции. Как правило, они инициируются «сверху» и привлекают широкие массы зрителей.

Поскольку многое в сфере самобытной этнической культуры уже утрачено, большое значение придается реконструкции традиционных элементов на основе имеющихся этнографических публикаций и материалов новых исследований в среде «носителей традиций». Забытые или деформированные компоненты традиционной культуры «восстанавливаются», благодаря музейным коллекциям, этнографическим работам авторов XIX – начала XX в. На фиксацию и сохранение собственного этнокультурного наследия направлена деятельность специалистов созданных в округе научных и образовательных центров и различных учреждений культуры. Следует заметить, что образованию в настоящее время придается исключительно большое значение. Оно выполняет не только обучающую функцию, но и задачу передачи традиции из поколения в поколение.

⁶ Карлов В.В. Народы северо-восточной Евразии в XIX и XX вв. М.: КДУ, 2010. С. 195.

Вопросы воспитания и образования детей с учетом этнических особенностей особо значимы для округа, как и для России в целом, поэтому на этом вопросе стоит остановиться подробнее. В 2010 г. в ХМАО из более 350 общеобразовательных школ округа только 32 содержали этнокультурный компонент. По данным Департамента образования и молодежной политики ХМАО,⁷ изучение основ традиционной культуры и родного языка обских угров осуществляется в 26 дошкольных образовательных учреждениях, расположенных на территории традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера. В учебные планы данных учреждений включены предметы, отражающие этнокультурную специфику региона (родной язык, родная литература), предметы, интегрирующие этнокультурную составляющую (технология, изобразительное искусство, физическая культура), интегрированные курсы МХК, а также курсы декоративно-прикладного искусства, охотоведения и оленеводства, народных промыслов. Вместе с тем, обучение в округе ведется по общегосударственным школьным программам, слабо адаптированным к этническим запросам северян.

Дети и молодежь приобщаются к культурному наследию своих предков в рамках этноориентированных учреждений и различных программ, в ходе конкурсов и фестивалей по родному языку, культуре и фольклору. Проводятся творческие лаборатории, мастер-классы по декоративно-прикладному, музыкально-танцевальному искусству коренных малочисленных народов Севера. Так, в Березовском, Кондинском, Нефтеюганском, Сургутском районах работают «Школа ремесел» и «Фольклорная школа»; в Березовском районе – творческая лаборатория «Шешкинские чтения». Новым способом получения этноинформации стали детские и молодежные экспедиции: этнографические, диалектологические,

фольклорные, а также языковые курсы в этнической среде.

Дипломированных специалистов в области хантыйского и мансийского языков готовят в Югорском государственном университете (г. Ханты-Мансийск). До сентября 2010 года в ЮГУ в качестве структурного подразделения существовал «Институт языка, истории и культуры народов Югры», в котором были кафедры «Мансийской филологии», «Хантыйской филологии», «Финно-угроведения и общего языкознания», лаборатория по изучению и сохранению языков, лаборатория – творческая мастерская Ю. Шесталова. В 2008 г. кафедры «Хантыйской филологии», «Финно-угроведения и общего языкознания» были реорганизованы путем объединения в кафедру «Общего языкознания и уралистики». В результате дальнейшей реорганизации с сентября 2010 г. все кафедры, на которых осуществлялась подготовка студентов по финно-угорским языкам, литературе и культуре, объединены в одну кафедру филологии с кафедрой русского языка.

Преподавание хантыйского и мансийского языков осуществляется также в Ханты-Мансийском технологическо-педагогическом колледже, который стал преемником традиций Ханты-Мансийского педагогического колледжа (последний был объединен с техническим колледжем в 2010 г.). Руководство вновь созданного учебного заведения сохранило традицию преподавания родных языков не только на «национальном» отделении, но и ввело дисциплины этнокультурного цикла на другие специальности. Там преподаются хантыйский и мансийский языки (по 14 часов в неделю на каждый) в рамках следующих образовательных программ: «Дошкольное образование» (обучение 5 лет); «Преподавание в начальных классах» (обучение 5 лет); «Родной язык и литература» (обучение 4 года). Однако в связи с тем, что этнические языки почти не востребованы в современной социальной среде, они все больше рассматриваются сегодня лишь «как средство фиксации и хранения накопленных народом достижений традиционной культуры».

⁷ Источник приведенных ниже сведений – данные Департамента образовательной и молодежной политики ХМАО, предоставленные по запросу ИЭА РАН // Текущий архив ИЭА РАН.

Большой и спорной проблемой остается интернатская система обучения коренных малочисленных народов Севера. На стадии обсуждения находится вопрос о принятии закона по организации стойбищных школ. Эту идею поддерживают депутаты окружной думы А.В. Андреев и Т.С. Гоголева, а также инициатор первой подобной школы в Югре – известный ненецкий поэт и общественный деятель Юрий Вэлла. Мнение нынешнего президента окружной ассоциации «Спасение Югры» В.А. Новьюхова: «Люди коренных национальностей должны быть максимально адаптированы к современным условиям, но не должны быть изгоями и в традиционной среде. А именно к этому приводит обучение в интернатах <...> Школа-интернат – это не настоящая жизнь. Это так же страшно, как если бы детей из города увозили, изолировали от семьи, и раз в год привозили к родителям и говорили – вот ваш ребенок. Поэтому мы считаем, что здесь необходимо создание комплексной программы развития стойбищных школ. На стойбищах, в национальных поселениях, независимо от того, сколько там – пять, десять детей, но они должны учиться в традиционной среде».⁸ Сотрудники Департамента образования и молодежной политики Югры⁹ принятие такого документа считают нецелесообразным, поскольку существующая законодательная база и так позволяет организовывать обучение детей из числа коренных малочисленных народов непосредственно на родовых угодьях. Еще один довод: «Родители стали современными, они хотят, чтобы дети получали качественное и профессиональное образование».¹⁰

В настоящее время в учреждениях профессионального образования, подведомственных Правительству автономного округа, из числа коренных малочисленных народов Севера в очной форме обучается 741 человек, в том числе 48 человек по программам высшего про-

фессионального образования, 393 человека по программам среднего профессионального образования и 364 человека по программам начального профессионального образования. В Югорском государственном университете учатся 353 студента из числа коренных народов. Наиболее востребованными среди абитуриентов из числа КМНС являются специальности, связанные с охраной окружающей среды и рациональным использованием природных ресурсов, туризмом, растениеводством, сельскохозяйственным производством, судовождением, отделочными и строительными работами, автомобильным транспортом, автоматизированными системами обработки информации и управления, здравоохранением и образованием. В рамках целевой программы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Социально-экономическое развитие коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» в 2011–2013 годах» малообеспеченным студентам из числа коренных малочисленных народов Севера оказываются следующие виды государственной поддержки: компенсация стоимости обучения (до 100 тысяч в вузах и 50 тысяч в СПО) и стоимости проезда на каникулы и обратно; ежемесячные выплаты дополнительных пособий и пособий на питание; ежегодные выплаты пособий на приобретение учебной литературы и письменных принадлежностей, на приобретение одежды и обуви студентам первого и выпускного курсов¹¹.

Несмотря на существование многих проблем и сложностей, в целом можно сказать, что в Ханты-Мансийском округе – Югре предпринимаются заметные усилия со стороны государственных и общественных структур, а также отдельных этнических активистов, направленные на поддержку и сохранение этнокультурного наследия народов Севера. Практические задачи, связанные с сохранением этнических традиций, сопряжены с необходимостью научного осмысления происходящих процессов. Очевидно,

¹¹ Отчет о результатах и эффективности реализации бюджетных ведомственных и целевых программ автономного округа (Материалы к Докладу Губернатора ХМАО).

⁸ Противоречивая задача «Спасения Югры» // Регион-86. Журнал государственного муниципального управления Югры. № 3(13). Октябрь, 2010.

⁹ Ранее – департамент образования и науки.

¹⁰ Там же.

что сопротивляться и пытаться сохранять в неизменном виде традиции в век Интернета бессмысленно. Важно совмещать сохранение и новации. Что сохранять — понятно. А что и как создавать? Научная общественность в северных регионах ищет ответы на вопрос: «в какой мере следует сохранить традиционный образ жизни и какова должна быть степень приобщения к современной цивилизации»¹².

Однако уже само понятие «традиция» / «традиционный» с научной точки зрения является далеко не бесспорным. Под «традицией» в приложении к «культуре» понимают широкий класс вещей, и во многих случаях невозможно использовать четкие критерии времени, места и специфики явления, определяемого как традиция. В большинстве работ этот термин используется априорно, как нечто само собой разумеющееся и понятное. Так, этнографы привыкли к пониманию того, что традиционная культура сибирских аборигенов — это самобытные черты в хозяйственно-бытовом укладе, материальной культуре, мировоззрении и обрядовой практике, которые сложились на основе традиционных форм хозяйства (у обских угров это — рыболовство, охота, оленеводство). С этой точки зрения, с угасанием традиционных отраслей хозяйства, на фоне всеобщей глобализации, процессы трансформации либо утраты самобытной этнической культуры неизбежны, несмотря на предпринимаемые попытки ее сохранения.

Сторонники другого подхода убеждены в необходимости пересмотра взглядов на концепт «традиционная культура»: «Этнографы, а вслед за ними и публицисты, журналисты и пр. привыкли подразумевать под этим термином нечто исконное, настоящее, стабильное, ценное в противовес современным культурным новациям. Это автоматически создает несколько негативное отношение к последним, вызывает иллюзорное желание что-то возродить, вернуться к истокам. Это методологически неверно, поскольку нетрадиционных культур не бывает. Все этнические культуры — традиционные. Они производят и

впитывают новации, которые со временем становятся традициями, в то время как прежние традиции, утратив свою функциональность, исчезают или продолжают существовать в качестве сценических этнографизмов¹³.

Если же попытаться иначе изложить те же самые позиции, то окажется, что мы имеем дело с двумя фундаментальными пониманиями традиции. Причем они не только различаются, но в них отчетливо просматривается общая основа. Это — представление о традиции как связующей прошлого и настоящего. Отношение же к традиции может отличаться в зависимости от того, как трактуется связь между прошлым и настоящим. В первом случае традиция воспринимается как некие реликты, как специфические «сгустки», «уплотнения» прошлого в настоящем. В другом — прошлое осознается как всегда присутствующее в настоящем, как постоянно в нем воспроизводящееся. И в этом случае традиция понимается как неотъемлемая сторона существования социума, как нечто универсальное и независимое от времени¹⁴.

Традиционные формы культуры в прошлом воплощали некие базовые жизненные ценности, определяющие основы социального бытия сообщества. Теперь картина мира современного человека в значительной мере строится на иных представлениях и способах ориентации в социальном и природном пространстве. Они во многом выработаны уже профессиональной традицией, в которой элементы народного мирозерцания присутствуют лишь фрагментарно. Обращение к народной культуре — это часто сфера специальных интересов отдельных групп, приверженность к ритуалам, обычаям, связанным с определенными обстоятельствами жизни, тяготение к историческим культурным формам. В таком случае речь может идти не столько о социальном нормировании жизнедеятельности людей, сколько об украшении, декорировании, внесении дополнительных

13 Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты / Отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М., 2005. С. 5-6.

14 См.: Народная культура в современных условиях / Отв. ред. Н.Г. Михайлова. М., 2000. 219 с.

12 См.: Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск, 2001. С. 181.

смысловых нюансов и форм в ту общую ценностно-нормативную базу, на основе которых так или иначе устраивает свою жизнь современный человек¹⁵.

Особое значение для понимания проявлений культурной традиции (действия механизма культурной традиции в современную эпоху) имеет следующий вывод: «Динамизм современной эпохи у многих создает впечатление, того, что культурные традиции перестали играть в ней сколько-нибудь существенную роль. Это впечатление иллюзорно. Культурная традиция и сегодня продолжает оставаться универсальным механизмом, который благодаря селекции жизненного опыта, его аккумуляции и пространственно-временной трансмиссии позволяет достигать необходимых для существования социальных организмов стабильности и устойчивости.

---

¹⁵ Там же.

Без действия этого механизма общественная жизнь людей просто немыслима. Правда, временная длительность социально стереотипизированных форм опыта стала, как правило, значительно короче, чем было в прошлые эпохи истории человечества. Для многих из них признак межпоколенной передачи опыта, который обычно связывается с понятием традиции, уже не является характерным, ибо они могут заменяться (порой неоднократно) в рамках одного поколения. С другой стороны, выраженные в этих формах типовые варианты неизмеримо усложнились и увеличились»¹⁶. Рассмотрение культурной традиции под этим углом зрения позволяет взглянуть на данное явление в современной перспективе, создающей качественно новые возможности исследования его природы и свойств.

---

¹⁶ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 78.

АРХЕОЛОГИЗАЦИЯ СВАТИЛИЩ
НА ТЕРРИТОРИИ ЯНАО

Плеханов А.В.

*старший научный сотрудник
отдела историко-социальных исследований
сектора гуманитарных исследований
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»,
г. Салехард*

Являясь исторической дисциплиной, археологическая наука направлена, прежде всего, на реконструкцию прошлой исторической действительности. Но особенность археологических источников заключается в том, что они зачастую имеют пробелы, коими, к слову сказать, не являются не символы, слова или концепции, и посему зачастую не представляется возможным воспроизвести реалии прошлого. И для заполнения образующихся лакун археологи зачастую обращаются за помощью к этнографии. Но до сих пор так и не выработаны механизмы применения этнографических моделей к археологическим реконструкциям. Прежде всего, они слабо подходят к специфике археологических исследований, потому как являются практически не адаптированными к археологическим источникам. Для понимания смысла вещественных останков, надо знать как вещи стали археологическим источником: что повлияло на изменение, как получились специфические приметы, которые мы видим теперь.

Для реконструкции хозяйственно-бытовой и социально-экономической составляющей древнего уклада обществ, археологами используется несколько признаков:

- месторасположения памятника: приуроченность к водоему, геоморфология, открытость местности;
- мощность культурного слоя;
- характерные признаки конструкций археологических объектов и т.д. (Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., 1979, с. 122–125).

Моя задача состоит в некоем этноархеологическом эксперименте, заключающемся в попытке обнаружить специфические признаки святилищ, отражающиеся в археологическом контексте. Другими словами, определить от-

личительные черты святилищ путем анализа процессов накопления и образования культурного слоя.

Исследования процессов археологизации на функционирующих или недавно оставленных святилищах является важным источником информации для создания археологической реконструкции. Установление определенных закономерностей в накоплении и образовании культурного слоя, связанных с определенной деятельностью, дает возможность археологам более объективно интерпретировать свои материалы.

Археологизация вещественных комплексов связана, прежде всего, с особенностями формирования культурного слоя, на который действует самые различные факторы:

- периодичность посещаемости святилищ;
- время их эксплуатации;
- количество людей посещающих святилища;
- значение святилищ: родовое, семейное и т.д.;
- конструктивные особенности святилищ.

Разумеется, проанализировать все факторы в рамках одной работы невозможно. Поэтому в настоящем докладе рассматриваются лишь некоторые процессы, связанные с археологизацией «живой» культуры.

Различия образования культурного слоя на святилищах, кроме всего прочего, выражается в периодичной посещаемости. Так, например, некоторые святилища посещаются с разной периодичностью. На некоторых жертвенниках бывают с достаточно большими разрывами по времени от 3 и более лет. Вот что говорил Сэу Яптик: — *Шайтан, которого получил начальник, очень хочет с ним поехать. Через семь лет нужно его привезти обратно и*

принести здесь в жертву оленя (Евладов В.П., 1992, с. 82). «*Со мною летел сядай, которому через три года предстоит вернуться к своей хозяйке, в далекий ямальский Чум*» (Головнев А.В., 1998, с. 235).

Посещение зависит от нужд и потребностей посетителя. В случае острой необходимости, на святилище могут побывать в «экстренном порядке», не смотря на ранее установленные периоды посещения. Все посещения, в свою очередь отражаются в «потревоженности» дневной поверхности. Ярким примером этого могут служить археологические исследования культового места Халято I датированного концом XVI – началом XVII вв. По планиграфии и стратиграфическому срезу было можно наблюдать три этапа в существовании культового места. Подвергнувшись процессу задерновывания, причём самая древняя поверхность, подвергшаяся сильному разрушению не использовалась человеком (Соколкин А.В., 1992).

«Потревоженность» поверхности в свою очередь может зависеть и от того времени года в который его посетили. При посещении святилища в зимний период, наличие мощного снежного покрова препятствует процессу изменению дернового слоя. Верхний слой практически полностью сохраняется.

При посещении святилищ в летний период существуют прямо противоположные процессы. Интенсивная деятельность приводит к значительному изменению дернового слоя, его «потревоженность» может быть связана, с установкой сядаяев, кенатафов и т.д., углубленных на различную глубину в дневную поверхность (Соколкин А.В., 1992). Присутствие оленей усугубляет этот процесс по всей площади святилища. В результате площадь самого святилища постепенно освобождается от древесной растительности.

Вместе с этим, формирование культурного слоя зависит от такого фактора, как уборка территории, в результате которой вещественные остатки концентрируются в определенных местах. Чаще всего для мусорных отходов специальных ям не выкапывается, а используются естественные впадины, либо

он оставляется непосредственно на площадке святилища. В процессе эксплуатации на святилище могут появляться небольшие углубления, в которых скапливаются мусорные остатки (банки, бутылки, кости и пр.). В археологическом контексте они могут быть интерпретированы как «хозяйственные ямки». Однако, в действительности, процесс накопления вещественных остатков в них носит случайный характер. Сосредоточенный в таких местах неорганический мусор с течением времени затягивается дерновым слоем, землей.

Особого внимания заслуживает формирование культурного слоя, связанного с костром. Именно для разведения костра в непогоду чаще всего выкапываются небольшие углубления неподалеку от жертвенников. В них и на дневной поверхности, образуются прокалённый песок с углистыми прослойками. В кострах никогда не сжигается мусор или пищевые отходы, их проще обнаружить рядом с ним. Так же рядом с кострищем зачастую можно встретить остатки приготовленной щепы для разведения костра и обгоревшие поленья непосредственно в самом кострище. Древесные остатки, будучи не потревоженными в течение некоторого времени так же со временем задерновываются, как и конструктивные детали святилищ.

Жертвенники на всех без исключения святилищах располагаются на небольших округлых кочках. Сказать с уверенностью рукотворные они или же образуются естественным путем пока сложно. Но по периметру жертвенников зачастую достаточно четко прослеживаются ровики. Возможно, это говорит о том, что всхолмления под жертвенникам изначально были насыпными. Это не отменяет в свою очередь и того что под жертвенники использовались и естественные кочки доминирующие над окружающим пространством. Всхолмления в своем большинстве имеют отличный от окружающего пространства дерновое покрытие. Как правило, представляющий из себя обильный, густой травостой.

Посещение особо значимых святилищ разрешено далеко не каждому человеку,

что так же накладывает свой отпечаток на мощность формирования культурного слоя. Казалось бы, на таких святилищах формирование культурного слоя должно происходить гораздо медленнее и менее интенсивно. Но специфика таких жертвенников заключается в том, как правило, в их статусности, в их общеродовой и, как правило, большей сакральной наполненности по функционалу. Отсюда более продолжительное существование таких святилищ, в сравнении к примеру с семейными жертвенниками.

Уже сейчас у нас есть возможность проследить динамику процесса археологизации святилищ на примере «Семи Чумов». За семьдесят с лишним лет главный жертвенник уменьшился вдвое. Находящиеся жертвенники на этом же святилище посвященные другим родам, на сегодняшний день представляют собой совсем небольшие скопления идолов, изделий из дерева и черепов животных.

Таким образом, формирования культурного слоя на святилищах наиболее интенсивно происходит в летний период времени. Наиболее мощный и разнообразный слой представлен на святилищах, функционирующих на протяжении нескольких поколений и имеющих статус общеродовых. Для святилищ характерно вытаптывание и различные переотложения, связанные с деятельностью человека. Образование слоя связано в основном с редкими включениями переотложенного грунта из кострищ, возможной подсыпкой и возведением основания жертвенников. Этот факт, с известной долей вероятности, вполне можно использовать при определении сезонности того или иного археологического объекта. Кроме того, этноархеологические модели формирования культурного слоя, в ряде случаев, отличаются от стереотипов, принятых в археологии. Как то возникновение «хозяйственных» ям.

Литература

1. Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928-1929 гг. — Тюмень, 1992.
2. Головнев А.В. Путь к Семи Чумам // Древности Ямала. Вып. 1. — Екатеринбург, 1998.
3. Кениг А.В. Этноархеологическая модель сезонности селькупских стойбищ // Интеграция археологических и этнографических исследований. — Омск, 2001.
4. Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. — Томск, 1979.
5. Соколов А.В. Отчет об археологических раскопках в Ямальском районе, ЯНАО Тюменской области в 1991 г. — Тобольск, 1992 г.

**ОПЫТ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА
ПО СОХРАНЕНИЮ И РАЗВИТИЮ ДУХОВНОЙ
И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ
НАРОДОВ СЕВЕРА**

Пушкарева Е.Т.

заместитель председателя Комитета

Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа,

доктор исторических наук,

г. Салехард

Со времени создания Ямало-Ненецкого автономного округа как самостоятельной административно-территориальной единицы с 10 декабря 1930 года и по настоящее время материальная и духовная культура северных народов находится в поле зрения органов государственной власти и органов местного самоуправления. За прошедший период в разные годы в зависимости от общегосударственных целей ставились различные задачи по отношению к названным народам, иногда диаметрально противоположные: от преодоления многовековой «отсталости», перевода на оседлость в целях «выравнивания» и создания «одинаковых» условий для решения общегосударственных задач до сохранения и развития их традиционного образа жизни в последние двадцать лет.

В нашем округе создана достаточно серьезная нормативно-правовая база по означенной проблеме в соответствии с федеральным законодательством. В Уставе (Основном Законе) автономного округа в преамбуле подчеркнуты стремление «обеспечить права и законные интересы проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа коренных малочисленных народов Севера, иных народов, объединений названных народов и лиц, к ним относящихся», в статье 55 особенности осуществления местного самоуправления, в том числе в местах их традиционного проживания и хозяйственной деятельности, в статье 74 условия для культурного развития, в статье 77 осуществление мер государственной поддержки сельскохозяйственного производства, традиционного для экономики округа.

Закон ЯНАО от 2 ноября 1998 года № 46-ЗАО «Об оленеводстве» устанавливает

правовые, экономические, природоохранные и социальные основы оленеводства как одного из видов традиционной хозяйственной деятельности в местах проживания коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей и направлен на создание условий для эффективной хозяйственной деятельности и сохранении традиционного уклада жизни и культуры коренных малочисленных народов Севера и этнических общностей.

Закон ЯНАО от 23 декабря 1996 года № 51 «О пользовании недрами в целях геологического изучения, разведки и добычи общераспространенных полезных ископаемых и строительства подземных сооружений местного значения на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» предусматривают соблюдение интересов названных народов, особенности проведения работ и возможные ограничения пользования недрами и на особо охраняемых природных территориях, территориях традиционного природопользования народов Севера, а также на территориях иных сельскохозяйственных и охотничьих угодий, в том числе оленьих пастбищ.

Законом ЯНАО от 10 февраля 1997 года №5 «О недрах и недропользовании в Ямало-Ненецком автономном округе» пользование недрами должно осуществляться в интересах населения автономного округа с учетом обеспечения экологической безопасности, сохранения окружающей природной среды и традиционного уклада жизни коренных малочисленных народов Севера, этнических общностей, народов Российской Федерации.

Закон ЯНАО от 25 июня 2001 года №45-ЗАО «О перечне труднодоступных, отдаленных

местностей и территорий компактного проживания коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» устанавливает перечень этих местностей и территорий для предоставления гарантий избирательных прав и права на участие в референдуме.

Закон ЯНАО от 28 декабря 2005 года «113-ЗАО «О факториях Ямало-Ненецкого автономного округа» предусматривает меры государственной поддержки факторий.

Закон ЯНАО от 28 декабря 2005 года № 114-ЗАО «О государственной поддержке общин коренных малочисленных народов и организаций, осуществляющих традиционные виды хозяйственной деятельности на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» устанавливает правовые основы и виды государственной поддержки названным субъектам хозяйственной деятельности.

Закон ЯНАО от 6 октября 2006 года № 49-ЗАО «О защите исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» предусматривает создание условий для сохранения исконной среды обитания и традиционного образа жизни народов Севера, в том числе охрана от необоснованного пространственного сокращения и охрана окружающей природной среды.

Закон ЯНАО от 5 мая 2010 года № 52-ЗАО «О территориях традиционного природопользования регионального значения в Ямало-Ненецком автономном округе» устанавливает порядок образования, использования и охраны территорий традиционного природопользования регионального значения в Ямало-Ненецком автономном округе.

Закон ЯНАО № 148-ЗАО «О Программе социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012 – 2016 годы». Целью Программы является обеспечение устойчивого повышения уровня и качества жизни населения на основе формирования развития конкурентной экономики при соблюдении соответствующих экологических требований. В этой оптимистичной про-

грамме предусматривается наряду с многочисленными мероприятиями заключение соглашений о сотрудничестве с крупными предприятиями топливно-энергетического комплекса, работающими на территории округа, который позволит продолжить работу по регулированию взаимоотношений в вопросах восстановления экологического ущерба, обеспечения сохранения исконной среды обитания коренных малочисленных народов Севера, реализации различных социальных проектов для нужд жителей округа.

Все перечисленные законы и программы обеспечиваются финансовыми и материальными ресурсами в соответствии с ежегодно принимаемыми законами об окружном бюджете, законами об изменениях окружного бюджета, о льготном налогообложении предприятий, об инвестировании приоритетных проектов.

Общие организационно-правовые нормы в области государственной поддержки сельскохозяйственного производства в Ямало-Ненецком автономном округе определены законом Ямало-Ненецкого автономного округа от 20 декабря 2004 года № 116-ЗАО «О государственной поддержке сельскохозяйственного производства в Ямало-Ненецком автономном округе» В настоящее время, в целях реализации вышеназванного закона Правительством Ямало-Ненецкого автономного округа утверждены порядок предоставления субсидий из окружного бюджета на государственную поддержку сельскохозяйственного производства Ямало-Ненецкого автономного округа и порядок предоставления субсидий из окружного бюджета на государственную поддержку рыболовного хозяйства Ямало-Ненецкого автономного округа (постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 18 января 2012 года № 37-П «О государственной поддержке агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа»).

Государственная поддержка развития факторий из окружного бюджета Ямало-Ненецкого автономного округа «О государственной поддержке агропромышленного

комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа» по направлениям: 1. Поддержка на обслуживание факторий, 2. Доставка товаров на фактории и в труднодоступные и отдаленные местности, 3. Обеспечение дровами тундрового населения из числа коренных малочисленных народов Севера.

На 01 октября 2012 года в Реестр общин и малых форм хозяйствования коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа внесено 178 форм – это 90 общин коренных малочисленных народов Севера, 71 индивидуальный предприниматель, 4 крестьянско-фермерских хозяйства, 2 социально-предпринимательские корпорации, 2 СПССК, 4 общества с ограниченной ответственностью, 5 открытых акционерных обществ.

Сегодня осуществляется поддержка северного оленеводства, выделяется субсидия на звероводство и промысловую пушнину, заготовку дикоросов (ягод), предоставление грантов сельскохозяйственным организациям, осуществляется поддержка продукции рыболовства, предоставление грантов рыболовственным организациям.

Производственные показатели реализации мяса и молока в округе по оценке за 2012 год составляет 2100 тонн мяса и 2000 тонн молока. По прогнозам на 2013 год наблюдается увеличение продукции – мяса 2230 тонн и молока 2100 тонн.

Поголовье оленей по категориям хозяйств в автономном округе по оценке на 2012 год составляет всего по округу 696 тысяч голов, в том числе в сельскохозяйственных организациях 330 тысяч голов, в личных хозяйствах 336 тысяч. По прогнозам на 2013 год в данной сфере также наблюдается увеличение всего по округу до 716 тысяч голов, в том числе в сельскохозяйственных организациях 350 тысяч голов и в личных хозяйствах 336 тысяч голов.

Наряду с государственной поддержкой агропромышленного комплекса Ямало-Ненецкого автономного округа в округе успешно реализуются законы и программы, направленные на сохранение духовной культуры коренных малочисленных народов Севера.

Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 3 декабря 2007 года № 110– ЗАО «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа», который устанавливает правовые основы гарантий защиты и сохранения фольклора коренных малочисленных народов в Ямало-Ненецком автономном округе и регулирует отношения, связанные с сохранением, изучением, использованием и популяризацией фольклора коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе, в целях защиты культурного разнообразия, реализации прав коренных малочисленных народов Севера на сохранение культурной самобытности, защиты их исконной среды обитания, развития фольклорных традиций.

В целях реализации этого закона издано постановление Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа от 12 сентября 2008 г. № 489-А «О создании Экспертного совета в области фольклора коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа». В соответствии с данным нормативным актом в Ямало-Ненецком автономном округе создан Экспертный совет в области фольклора коренных малочисленных народов Севера. Основные функции Экспертного совета: выработка предложений и рекомендаций по вопросам сохранения, изучения, использования и популяризации фольклора коренных народов Ямала.

В соответствии с постановлением Администрации Ямало-Ненецкого автономного округа от 6 августа 2009 года № 443-А «О государственной поддержке фольклорной деятельности коренных малочисленных народов Севера в Ямало-Ненецком автономном округе» в целях поддержки мастеров носителей материальных и духовных традиций, культуры коренных малочисленных народов Севера, а также в целях сохранения и развития живых фольклорных традиций северных народов в Ямало-Ненецком автономном округе на конкурсной основе ежегодно осуществляется государственная поддержка и присуждение премий в области фольклорной деятельности.

Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 5 апреля 2010 года № 48– ЗАО «О родных языках коренных малочисленных народов Севера на территории Ямало-Ненецкого автономного округа» регулирует такие важные отношения, как сотрудничество автономного округа в сфере развития и защиты родных языков, порядок их использования в средствах массовой информации. Более того, Закон гарантирует возможность получения информации от официальных источников государственной и муниципальной власти автономного округа на родных языках, включая обеспечение перевода законов автономного округа и иных нормативных правовых актов автономного округа в области гарантий прав коренных малочисленных народов Севера на родные языки, а также ведение официального делопроизводства на родных языках в местах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера.

Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 25 июля 2011 г. № 476-П «О правовом режиме объектов нематериального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа» способствует сохранению культурных ценностей коренных малочисленных народов Севера, защите культурного разнообразия, реализации прав коренных народов Ямала на сохранение материальной самобытности, правовому опосредованию общественных отношений, возникающих в связи с ввозом и вывозом культурных ценностей коренных малочисленных народов Севера автономного округа.

С 2003 года по линии Департамента по делам коренных малочисленных народов Севера были реализованы окружные целевые программы:

– «Культура, язык, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2003–2007 годы»,

– «Культура, язык, традиционный образ жизни коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2008–2011 годы».

С 2012 года в Ямало-Ненецком автономном округе реализуется окружная долгосрочная целевая программа «Сохранение традиционного образа жизни, культуры и языка коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа на 2012–2015 годы» (далее – Программа на 2012–2015 годы), которая утверждена постановлением Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 23.12.2011 года № 1007-П.

Отличие Программы на 2012–2015 годы от ранее действовавших окружных долгосрочных целевых программ в сфере сохранения и развития духовной культуры коренных малочисленных народов Севера автономного округа прежде всего состоит в том, что в ней на первое место вынесено именно «сохранение традиционного образа жизни» а также предусмотрены мероприятия, направленные на:

– внедрение новых информационных технологий для сохранения и развития традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, накопленного культурного и духовного потенциала автономного округа: создание Интернет– портала о коренных малочисленных народах Севера с размещением на нем информации на языках коренных малочисленных народов Севера (ненецком, ханты, селькупском); создание научной, учебной и художественно– публицистической литературы на электронных носителях;

– проведение научных исследований в области этнических традиций, культуры, языка коренных малочисленных народов Севера.

В 2012 году департаментом по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа была продолжена работа по сохранению культурного наследия и пропаганды культурных ценностей, расширение культурных и партнерских связей коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа.

В рамках раздела Программы «Участие талантливых детей и молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера в региональных, всероссийских и международных мероприятиях» солист Центра эстрадной творчества Хороль Снежана Юрьевна

приняла участие в XIV и XV Международном фестивале-конкурсе детского и юношеского творчества «Надежды Европы» (в 2011 и 2012 годах) в г. Сочи. По итогам участия фестиваля молодая певица заняла 1 место в номинации «Эстрадный вокал, ансамбли» в возрастной группе 13–15 лет и 1 место в номинации «Эстрадный вокал, соло» в возрастной группе 16–18 лет.

Решением Экспертного совета подведены итоги окружного конкурса государственной поддержки в области фольклорной деятельности коренных народов Севера в 2012 году. Оказана государственная поддержка фольклорной деятельности коренных малочисленных народов Севера в автономном округе на сумму 350 тысяч рублей.

По данным департамента образования Ямало-Ненецкого автономного округа, в системе образования автономного округа на данный момент функционирует 24 школы-интерната, 5 пришкольных интернатов и 1 санаторно-лесная школа, в которых проживают, обучаются и находятся на полном государственном обеспечении 6811 воспитанников, что составляет более 73,6 % от общего числа детей коренных малочисленных народов Севера (9247 чел.).

В соответствии с Законом автономного округа от 31.01.2000 № 6-ЗАО «Об образовании в Ямало-Ненецком автономном округе» образовательные учреждения самостоятельно определяют изучение предметов этнокультурной направленности за счет компонента образовательного учреждения базисного учебного плана, порядок комплектования классов, групп, потоков и порядок организации родным языкам коренных малочисленных народов Севера.

В 2012–2013 учебном году в 39 общеобразовательных учреждениях автономного округа продолжено обучение детей из числа коренных малочисленных народов Севера родным языкам. Общее количество школьников, изучающих родные языки, составляет 4064 человека. Из них ненецкий язык изучают 3119 чел., хантыйский язык – 868 чел., селькупский язык – 77 чел. На факультативах, кружках,

элективных курсах изучают родные языки 244 человека.

Общеобразовательные учреждения, в которых организовано изучение родных языков, полностью укомплектованы педагогическими кадрами. Преподавание ведут учителя родного языка, функционируют кабинеты родного языка, которые обеспечены всем необходимым оборудованием. В кабинетах имеются, аудио– и видеоматериалы, справочные пособия по родному языку, материалы периодической печати, методические разработки учителей родного языка и др.; установлены интерактивные доски, компьютеры и мультимедийные проекторы, обеспечен выход в Интернет.

Во всех общеобразовательных учреждениях в учебные планы включены предметы национально-регионального компонента (литературное краеведение, география Ямала, культура народов Ямала). В качестве компонента образовательного учреждения введены такие факультативы и элективные курсы, как литература Ямала, экология и история Ямала, оленеводство, звероводство, основы ветеринарии, рыболовство, национальные виды спорта, бисероплетение, резьба по кости и дереву, этнотехнология, малая техника Севера и др.

Преподаватели школ-интернатов при разработке программ учебных курсов, предметов, дисциплин (модулей) учитывают этнопедagogические традиции социума, национально-региональную специфику. Так, в рамках учебного предмета «Физическая культура» изучаются национальные виды спорта (прыжки через нарты, борьба, национальные игры). На уроках технологии изучаются, в том числе, традиционные промыслы коренных малочисленных народов Севера, декоративно-прикладное искусство.

В г. Салехарде ежегодно проводится региональная олимпиада по краеведению и родным языкам. В 2011 году олимпиада получила статус межрегиональной. Победители олимпиады становятся кандидатами на получение премии Президента Российской Федерации и Губернатора Ямало– Ненецкого автономного

округа для поддержки талантливой молодежи в рамках реализации приоритетного национального проекта «Образование».

Департамент образования автономного округа оказывает содействие развитию языковых контактов и связей коренных малочисленных народов с родственноязычными народами. Так, в рамках международного сотрудничества совместно с департаментом по международным и внешнеэкономическим связям автономного округа были организованы международные профильные смены этнографического лагеря «Древнее родство» в 2008, 2012 годах в Шурышкарском районе (с. Питляр, с. Мужы), в 2010 году в г. Надьигманд (Венгрия).

С 16 по 18 ноября 2011 года по инициативе департамента образования автономного округа в г. Салехард был проведен Арктический образовательный форум «Арктика – регион инновационного образования», в котором участвовали представители большинства регионов России, зарубежные партнеры из Нидерландов, Великобритании, Венгрии, Канады, Финляндии (более 300 человек).

На форуме рассмотрены вопросы модернизации освоения и развития северных территорий; создания условий получения образования высокого качества; подготовки специалистов, способных удовлетворить потребности северных территорий в реализации масштабных и высокотехнологичных проектов и, в то же время, сохранения культуры, традиций коренных народов; воспитания нового поколения жителей Арктики.

Кафедрами гуманитарного образования и национально-регионального образования Регионального института развития образования разработаны программы спецкурсов и проблемных курсов по теории и методике преподавания родных языков, литературного краеведения, литературы народов Ямала, культуры народов Ямала, географии ЯНАО, подготовлен сборник методических рекомендаций по оформлению учебно-планирующей документации специальности «Преподавание в начальных классах в условиях кочевого образования».

Разработаны программы учебных дисциплин с включением национального, регионального компонента: «Краеведение» (Макеев А.Ф.), «Методика изучения краеведения» (Макеев А.Ф.), «Этнология края» (Паршуков В.Н., Цымбалистенко Н.В.), «Культура народов Ямала» (Цымбалистенко Н.В.), «Этнопедагогика» и «Этнопсихология» (Горбунова Н.Д.).

Для апробации инновационных программ по подготовке специалистов для работы в кочевом детском саду и кочевой школе на базе государственного образовательного учреждения среднего профессионального образования Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямальский многопрофильный колледж» (г. Салехард) открыта региональная инновационная площадка «Модель подготовки педагогических кадров для работы в системе кочевого образования детей коренных малочисленных народов Севера».

Региональным институтом развития образования разработана «Рабочая учебная программа» учебной дисциплины Этнология региона (ЯНАО) для специальности 050704 Дошкольное образование.

Методистами кафедры развития этнокультурного образования регионального института развития образования за последние годы было разработано, издано и используется в образовательном процессе более 25 наименований учебно-методических пособий по родным языкам и предметам этнокультурной направленности.

Кафедра развития этнокультурного образования работает над созданием учебно-методического комплекса для кочевых школ Ямала.

Для организации самостоятельной работы по изучению родных языков, культуры народов Севера сотрудники института разрабатывают электронные образовательные пособия (видеофильмы, тематические аудиословари, самоучители, аудиохрестоматия).

Образовательные учреждения округа оснащаются современным учебно-лабораторным оборудованием для реализации образовательных программ этнокультурной направлен-

ности. В 2011 году для окружной экспериментальной площадки по отработке модели кочевой школы-сада «Модель кочевого образования в условиях сетевого взаимодействия» (д. Лаборовая, Приуральский район) были приобретены наглядные пособия, школьные принадлежности, закуплено оборудование на сумму 3 млн. руб.

В школы-интернаты сёл Ныда и Кутопьюган (Надымский район) закуплены учебники по традиционным видам хозяйствования: А.Д. Мухачёв, В.Г. Салаткин «Основы оленеводства, звероводства и охотоведения» (часть 1, 8–9 кл.) – 150 шт., А.Д. Мухачёв, В.Г. Салаткин «Основы оленеводства, звероводства и охотоведения» (часть 2, 10–11 кл.) – 150 шт., на сумму 61 992 руб.

Для организации кружковых занятий по национальному шитью, бисероплетению, резьбе по кости и дереву в течение года в Ямальском, Надымском, Тазовском, Шурышкарском, Приуральском, Красноселькупском районах приобретались расходные материалы (сукно, мех, бисер и т.д.).

В Пуровском районе кружковые занятия обеспечиваются оленьими шкурами, камусом и мехами.

В Тазовском районе в течение 2011 года осуществлялось обеспечение кочевых групп кратковременного пребывания детей дошкольного возраста из числа малочисленных народов Севера учебно-методической литературой, передвижной библиотечкой, канцелярскими принадлежностями, спортивным инвентарем.

В 2011 году на укрепление материально-технической базы школы– интерната с. Самбург (Пуровский район) для преподавания предметов по традиционным видам хозяйствования выделено 3 млн. руб.

В перспективе на 2013 год запланирована реализация преподавания курса «Малая техника Севера» детям коренных малочисленных народов Севера, обучающимся в школах – интернатах Ямало-Ненецкого автономного округа, в связи с чем, в 2013–2015 годах будет выделено 3 млн. руб. на приобретение снегоходов для школ-интернатов автономного округа.

В 2011 году организована стажировка 2-х педагогов муниципального казённого образовательного учреждения «Школа-интернат среднего (полного) общего образования» с. Самбург Пуровского района для изучения опыта работы кочевой школы и детского сада на базе муниципального образовательного учреждения «Лаборовская начальная школа» Приуральского района.

В настоящее время в системе образования Ямало-Ненецкого автономного округа ведётся работа по отработке модели системы кочевого образования коренных малочисленных народов Севера с дифференцированным обучением на родном языке, позволяющим сохранить культуру, национальные традиции, язык народа.

С 2011 года были открыты экспериментальные площадки в г. Салехарде, Приуральском, Пуровском, Ямальском, Тазовском районах на базе детских садов, школ, учреждений профессионального образования в которых ведётся разработка вариативных моделей организации образовательного процесса для детей из числа коренных малочисленных народов Севера. В 2012 году 50 дошкольников занимаются в кочевых группах детских садов (Приуральский, Пуровский, Шурышкарский, Тазовский районы), 19 школьников – в кочевой школе (Приуральский район).

В 2011 году был реализован 2-й этап проекта муниципальной экспериментальной площадки «Кадры для аграрно-промышленного комплекса» базе школы-интерната с. Самбург Пуровского района (20 педагогов, 300 воспитанников), где преподавались предметы, направленные на сохранение традиционных видов хозяйствования и организацию производственной практики воспитанников интерната на базе предприятий агропромышленного комплекса (совхозы Верхне-Пуровский, Пуровский). Реализованы программы: малая механизация Севера, резьба по дереву и кости, выделка шкур, пошив меховых изделий, изготовление нарт, глиняная игрушка (гончарное дел), национальная кухня и национальная одежда, «хозяйка чума» и др., а также элективный курс «Воспитатель кочевого детского сада».

2 выпускника 9 класса 2012 года проходят целевую подготовку в Ямальском многопрофильном колледже по специальности «Преподавание в начальных классах» для последующей работы в кочевых школах Пуровского района.

Департамент культуры Ямало-Ненецкого автономного округа (далее – автономный округ), а также государственные и муниципальные учреждения культуры автономного округа осуществляют на территории региона деятельность, направленную на сохранение, развитие и пропаганду культурного наследия коренных малочисленных народов Севера.

В целях сохранения, создания и распространения нематериальных культурных ценностей, а также предоставления культурных благ населению в автономном округе создана и в настоящее время функционирует сеть государственных и муниципальных учреждений культуры, которая включает учреждения культурно-досугового типа, музеи (этнографические и краеведческие музеи), библиотеки, центры и дома ремесел, мастерские и т.д.

Особая роль в структуре культурно-досуговых учреждений принадлежит сложившемуся за последние годы институту Центров национальных культур (далее – ЦНК) поскольку их объединяет многофункциональность деятельности.

Ведущим в деятельности ЦНК округа является структурное подразделение ГАУК ЯНАО «Окружной Центр национальных культур» – **Центр культуры народов Севера** (далее – Центр), который разработал комплекс разнообразных по форме мероприятий, которые с успехом реализуются в регионе в течение многих лет, из них: встречи родственных народов финно-угорской языковой группы, концертная деятельность культурной кочующей бригады по округу, гастрольные поездки фольклорных коллективов и сольных исполнителей, а также театрализованные концерты и тематические встречи.

Кроме традиционных направлений работы Центры апробируют и внедряют инновационные формы. К ним можно отнести проекты, направленные на приобщение подрастающего

поколения к культуре коренных малочисленных народов Севера, например: обучающий проект Уроки фольклора «Живые мотивы Северной земли» и познавательный проект «Будь в плюсе!», имеющие интерактивный характер.

К мероприятиям, направленным на возрождение и сохранение родного языка коренных малочисленных народов Севера, относятся Лапцувские чтения» и праздничные программы, посвященные календарному ханты празднику «Вороний день».

Издательская деятельность ГАУК ЯНАО «Окружной Центр национальных культур» является также действенным способом распространения информации.

Учреждением издаются информационно – методические материалы, имеющие этнический формат, из них: календарь «Народное творчество Ямала», сборник фольклорных материалов народов Севера «Мудрое слово», сборник фольклорных ненецких песен Татьяны Лар «Давайте любить свою землю», а также каталоги материалов по фольклору ненцев и селькупов.

Также ЦНК осуществляют сбор и фиксацию элементов духовной культуры малых этносов. В фондах Центра имеются записи былин, сказаний, старинных песен в исполнении старожилков, описание обрядов. В 2011 году был издан сборник песен народов Севера «Старинные и современные песни народа ханты», а также выпущен сборник песен ямальского композитора С. Няруя «Солнце над тундрой» (в 3 частях). В 2012 году вышел в свет сборник песен автора и исполнителя ненецких песен Т. Лар «Неги сё» («Песни Нети»).

Одним из главных инструментов, обеспечивающих объединение усилий органов исполнительной власти автономного округа, а также органов местного самоуправления в достижении общей цели – улучшения качества жизни, удовлетворения национально-культурных запросов коренного населения является **программно-целевой метод**.

С этой целью создана и успешно реализуется с 2002 года **окружная долгосрочная целевая**

программа «Культура Ямала». Нынешний срок реализации программы 2011–2015 годы.

В её рамках реализуются мероприятия и проекты, целью проведения которых является популяризация традиций декоративно-прикладного искусства и ремесленничества народов Севера. Спектр этих мероприятий довольно разнообразен и носит комплексный характер, от проведения крупномасштабных выставочных проектов для разновозрастной целевой аудитории, до мероприятий, направленных на повышение профессионального уровня мастерства субъектов данной деятельности.

Особое место в программе уделяется традиционным проектам, организуемым государственными учреждениями культуры, к которым можно отнести реализуемую один раз в два выставку-конкурс детского декоративно-прикладного творчества «Ямальчик», которая впервые состоялась в 2001 году.

Также посредством культуры коренных малочисленных народов Севера автономного округа осуществляется расширение межрегиональных и международных контактов. Примером этому является организация и проведение один раз в два года таких проектов как: международный фестиваль парковой скульптуры «Легенды Севера» (2004–2012 годы), межрегиональная выставка косторезного искусства «Душа Севера» (2002–2012 годы), окружная выставка «Мир дерева» (2004–2012 годы), а также участие наших мастеров в международном фестивале ремесел финно-угорских народов «Югра», Ханты-Мансийский автономный округ (2000–2012 годы).

Еще одним немаловажным направлением программы, призванным стимулировать развитие самобытной национальной культуры коренных малочисленных народов Севера автономного округа, является издание методических пособий и создание электронных каталогов о мастерах и художниках округа.

Так, в целях сохранения стилевых особенностей, восстановления утраченных ремесленных навыков, описания технологических процессов изготовления декоративно-

прикладных изделий ГБУ ЯНАО «Окружной Дом ремесел» издает серию методических пособий «Уроки мастерства». В пособии предлагаются теоретические и иллюстративные материалы.

С 2003 года по 2012 год издано 8 методических пособий данной серии. В каждом пособии описание поэтапного изготовления того или иного изделия представлена в виде мастер – классов, авторами которых являются знатоки и носители традиционной культуры коренных народов Ямала. Текстовая информация сопровождается приложением соответствующих иллюстративных и фотоматериалов.

Кроме того, департаментом культуры автономного округа, в целях сохранения и изучения объектов нематериального культурного наследия народов Ямала, за счет средств ОДЦП «Культура Ямала (2011–2015 годы)» реализуется долгосрочный проект «Золотой фонд народной культуры Ямала», который включает организацию и проведение фольклорных экспедиций.

Так, в 2011 году в рамках проекта была организована первая экспедиция на территорию Шурышкарского района, во время проведения которой специалистами ГАУК ЯНАО «Окружной Центр национальных культур» было собрано и записано 57 единиц фольклорного материала: сказки, песни, обряды, обычаи, легенды, загадки. Кроме этого собрана информация о населенных пунктах Куноватской земли, о терминологии родственных отношений народа ханты, о старых традициях табакокурения, о традиционном лечении.

В 2012 году состоялась аналогичная экспедиция на территории Красноселькупского района. Был собран обширный материал по следующим темам: этнография в биографии, погребальный обряд, народные приметы и запреты, фольклорные тексты, рыболовство, оленеводство, охота, современное положение коренных народов Севера, традиционная одежда (в том числе орнамент), традиционные жилые и хозяйственные постройки, а также записано 15 единиц в рукописной фиксации

и **5 единиц** в аудиоформате малых фольклорных жанров (приметы, запреты), мифов, легенд, преданий, сказок, форм празднично-обрядовой культуры (обряды очищения, гадания, народные обычаи).

Серьезную роль в сохранении и популяризации духовной культуры и быта коренных малочисленных народов Севера играют музеи и библиотеки автономного округа, используя в своей деятельности современные информационные технологии.

За период действия окружной долгосрочной целевой программы «Культура Ямала» на территории автономного округа удалось реализовать ряд крупных инновационных музейных и выставочных проектов. В первую очередь это: передвижные обменные выставки «Сквозь века» (Музей изобразительных искусств г. Новый Уренгой) и «Ожерелье Ямала» (Музей истории и археологии г.Надым), антропологические проекты «Технология самодокументирования малого этноса» и «Соседи. Межкультурный диалог» (Музей освоения Севера г. Губкинский), эколого-краеведческие проекты «Древности Сугмута», «Экологическая тропа» (эколого-краеведческий музей г. Муравленко), интерактивные образовательные проекты «Детский игровой календарь» (Музейный ресурсный центр г, Ноябрьск).

В целях привлечения посетителей и внедрения современных форм представления музейных коллекций созданы компьютерные образовательные программы и игры: «Компьютерная игра и мультипликационный фильм «Тайку – путешественник» (Музей освоения Севера г. Губкинский), «Игра-стратегия: по следам первопроходцев» (Музейный ресурсный центр г. Ноябрьск), «Мир ненецкого детства» (районный краеведческий музей г. Тарко-Сале), образовательная программа «Рисуем карту Ямала», посвященная 100-летию экспедиции Б.М.Житкова на п-ов Ямал» (ГБУ ЯНАО «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им.И.С.Шемановского»), программа для сенсорных киосков «Живой мир Ямала» (Эколого-краеведческий музей г. Муравленко).

Обновлены экспозиции в районных краеведческих музеях Приуральского, Тазовского и Шурышкарского районов, созданы экспозиции «Каменная радуга», «Этнография. Народная экология ненцев» и гостевой чум «Мядонтия», (Дом природы, г. Надым), «Край девочки Саване» (Музей истории и археологии, г. Надым), к юбилею Победы открыта стационарная экспозиция «От Москвы до Берлина» (Музей воинской славы г.Ноябрьск).

Организовано 5 передвижных интерактивных выставок по территории автономного округа: «Центр Обдорского края» «Музей сказок», (ГУ «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им.И.С.Шемановского»), «Праздник оленевода» (Музей освоения Севера г.Губкинский), «Притяжение Севера» (Эколого-краеведческий музей г.Муравленко).

Неотъемлемой деятельностью учреждений культуры автономного округа является формирование единого документального фонда информации о жизни региона, о его политической истории его народов и этносов, истории культуры.

Вопрос взаимодействия библиотек по формированию единого краеведческого информационного ресурса Ямало-Ненецкого автономного округа, в том числе и на языках коренных народов Севера, успешно решает ГБУ ЯНАО «Национальная библиотека Ямало-Ненецкого автономного округа». Для этих целей в местах локального проживания коренных жителей Ямала на базе центральных библиотек п.п. Тазовский, Мужы, Красноселькуп, г. Тарко-Сале созданы Центры краеведческой информации, которые занимаются сбором, систематизацией, хранением и популяризацией информации о локальных культурах коренных этносов.

Еще одним важным направлением деятельности библиотек региона является перевод редких краеведческих изданий, в том числе на родных языках народов Севера, на микрофильмы и электронные носители.

На корпоративном информационном библиотечном портале Ямало-Ненецкого автономного округа:

www.libraries-yanao.ru в разделе «Электронная библиотека» размещены оцифрованные материалы периодических изданий «Лух авт», «Нярьяна Нгэрм», а также труды Ямальских краеведов.

Еще одной окружной целевой программой, соисполнителем которой стал департамент культуры автономного округа, является **окружная долгосрочная целевая программа «Дети Ямала»**. В её рамках, сотрудниками ГБУК ЯНАО «Окружной Дом ремесел» с 2008 года реализуется социокультурный проект «Искусство Ямала – детям». Хотелось бы отметить, что проект уже был успешно реализован на территории муниципальных образований Шурышкарский, Приуральский, Ямальский, Пуровский и Надымский и Тазовского районы автономного округа.

Центральными мероприятиями данного проекта являются мастер-классы для детей, включающие изготовление изделий традиционных видов ремесел и декоративно-прикладного искусства (бисероплетение, работа с сукном и мехом, резьба по кости, дереву), а также художественную роспись ткани, линогравюру, шитьё из сукна и ситца. Возраст целевой аудитории проекта составляет 7–14 лет.

Таким образом, ситуация в сфере сохранения духовного культурного наследия народов Ямала достаточно стабильная, и меры, принимаемые для её поддержки, позволяют обеспечивать не только поддержку традиционной народной культуры, но и ее поступательное планомерное развитие, что в свою очередь служит формированию межнациональной толерантности, взаимообогащению культур народов России, проживающих на территории автономного округа.

Департамент по науке и инновациям Ямало-Ненецкого автономного округа создан в 2008 году, а до этого времени научные исследования по обозначенной тематике проводились в разных структурных подразделениях.

Департаментом ведется Реестр научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, которые направлены на сохранение духовной культуры коренных малочисленных

народов Севера, проводившиеся с 2000 по 2012 годы.

Администрацией Ямало-Ненецкого автономного округа в 2000 году проводилась научно-исследовательская работа «Традиционное природопользование коренного населения полуострова Ямал: истоки и современность».

Департаментом информации и социально-политических исследований ЯНАО в 2002 году проводилась научно-исследовательская работа на тему «Проблемы взаимосвязи материальной и духовной культуры в культуре генезиса ненцев», в 2003 году проводились научно-исследовательские работы по другим темам: «Социально-бытовые условия жизни коренных народов ЯНАО 18–19 веков», «Традиционная культура старожильческого населения ЯНАО (Шурышкарский и Приуральский районы)», «Традиционная культура, язык и фольклор коренного населения ЯНАО», в 2004 году проводилась научно-исследовательская работа на темы: «Разработка проекта закона автономного округа «О священных, культовых местах коренных малочисленных народов Севера на территории ЯНАО», «Традиционная культура старожильческого населения ЯНАО: материальная культура», «Историко-культурное обследование трассы проектируемой автодороги «Харасавэй-Бованенково» в Ямальском районе ЯНАО».

Департаментом информации и общественных связей ЯНАО в 2005 году проводилась научно-исследовательская работа «Изучение традиций речевого и музыкального интонирования на основе исследования фольклора северных хантов».

Департаментом по науке и инновациям ЯНАО в 2008 году проводились научно-исследовательские работы по следующим намеченным темам «Лексические и грамматические особенности языков коренных народов Ямала», «Традиционная культура старожильческого населения ЯНАО: опыт природопользования, природоведческие знания и экологические представления».

Государственное казенное учреждение (далее – ГКУ) Ямало-Ненецкого автоном-

ного округа «Научный центр изучения Арктики» в 20012 году проводил ряд научно-исследовательских работ на темы: «Грамматические особенности хантыйских говоров», «Создание словаря гидронимов ЯНАО», «Оленеводство в ЯНАО: исторический опыт культурно-хозяйственного развития, исследование истории и современного состояния этнического оленеводства в ЯНАО», «Изучение антропологических материалов святилища Усть-Полуй», «Способы адаптации и сохранения традиционной культуры коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа в условиях глобализации», «Грамматические особенности ненецких говоров».

Государственной Думой ЯНАО в 2008 году проводилась научно-исследовательская работа на такие темы, как «Правовые аспекты сохранения самобытного уклада жизни и культуры коренных малочисленных народов Севера России», «Статус коренных малочисленных народов Севера России».

Служба по охране и использованию объектов культурного наследия ЯНАО в 2008 году проводила научно-исследовательскую работу на тему «Обследование состояния объекта этнической культуры «Святилище «Святой Мыс».

Таким образом, сегодня в Ямало-Ненецком автономном округе проведена масштабная

работа по формированию законодательства по защите прав и интересов коренных малочисленных народов Севера. Реализуются окружные целевые программы по развитию агропромышленного комплекса (оленеводства и рыболовства), где в основном заняты представители аборигенных народов. В последние годы Правительство округа прилагает много усилий для выхода продукции традиционных видов хозяйствования на рынке других субъектов Российской Федерации и других стран. Успехи округа в области образования, культуры и науки подтверждены на многих форумах и конференциях.

Вместе с тем, многие вопросы решены законодательно, но не практически, т.е. де-факто, но не де-юре. У многих хозяйствующих оленеводческих субъектов нет утвержденных правовых титулов. Автору неизвестны оформленные территории традиционного природопользования, многие исторически сформировавшиеся рыбацкие пески (рыболовецкие станы), стойбища, охотничьи и рыбацкие избышки не институированы в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации и Ямало-Ненецкого автономного округа.

Автор надеется, что правоприменительная практика по обозначенным проблемам будет шириться.

Список использованной литературы

1. Первый Ямальский (Ненецкий) национальный окружной съезд Советов. 27 февраля – 4 марта 1932 года: сборник материалов Харючи С.Н. – «Издательство Баско», 2011 г.
2. Представительная власть в судьбе Ямала\ Морозов Ю.А., Харючи С.Н. – «Русская кол-лекция СПб», 2004.
3. Письмо директора департамента по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа И.В. Сотруевой от 29.11.2012 г. № 1001-14\46.
4. Письмо директора департамента по науке и инновациям Ямало-Ненецкого автономного округа А.А. Денисюка от 03.12.2012 г. № 2101-14\ 21.
5. Письмо Первого заместителя директора департамента образования Ямало-Ненецкого автономного округа С.А. Бойченко от 07.12.2012 г. № 801-14\90.
6. Письмо Первого заместителя директора департамента культуры Ямало-Ненецкого автономного округа С.А. Чернавских от 30.11.2012 г. № 2301-14\34.
7. Материалы расширенного заседания Комитета Законодательного Собрания Ямало-Ненецкого автономного округа по бюджету, налогам и финансам «Об основных направлениях расходования средств окружного бюджета в 2013 году, закрепленных за департаментом по делам коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа»

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ
ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ ЯНАО

Сухова Е.А.

*Государственное казённое учреждение Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»,
младший научный сотрудник,
г. Салехард.*

В статье все население коренных малочисленных народов севера, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, рассматривается как трудовые ресурсы традиционных отраслей деятельности. На основании данных переписи 2010 года определяются некоторые характеристики трудовых ресурсов и рынка труда традиционных отраслей деятельности и сравниваются с аналогичными в целом по региону.

Традиционные отрасли хозяйствования коренных малочисленных народов севера представляют собой отдельные виды экономических отраслей производства региона, приносящие не только экономический, но и социальный эффект. Цель их развития и поддержки на региональном уровне состоит не столько в получении экономических результатов, сколько в обеспечении занятости представителей коренных малочисленных народов севера и в обеспечении благоприятных условий для сохранения традиций, культуры и быта этих народов.

Одним из основных факторов развития любой экономической отрасли является обеспечение этой отрасли трудовыми ресурсами. В случае же с традиционными отраслями первичной является задача обеспечения занятости представителей коренных малочисленных народов севера.

Что же представляют из себя трудовые ресурсы традиционных отраслей деятельности коренных малочисленных народов севера?

По одному из определений «трудовые ресурсы это потенциальный показатель, характеризующий часть населения, способного работать» [с.72, 1]. По другому определению – «Трудовые ресурсы – экономически активное, трудоспособное население, часть населения, обладающая физическими и духовными способностями для участия в трудовой деятельности.» [2].

Трудовые ресурсы некоторой экономической отрасли представляют собой совокуп-

ность людей занятых в этой отрасли и людей не занятых в ней, но потенциально обладающие всеми необходимыми свойствами для этого (образование, опыт, здоровье, место жительства и др.).

Таким образом, можно дать следующее определение трудовых ресурсов традиционных отраслей деятельности – это все занятые в этой отрасли люди и люди способные заниматься традиционными видами деятельности. А так как традиционными они являются для коренных малочисленных народов севера, то в самом большом приближении ими является все трудоспособное население коренных малочисленных народов севера.

Наиболее полную и подробную информацию о численности, составе и размещении трудовых ресурсов можно получить только в рамках переписи населения. Последний раз она проводилась в Российской Федерации в 2010 году. Изучение ее результатов лежит в основе настоящего исследования.

Основными задачами при исследовании рынка труда являются

- изучение состава, структуры и динамики трудовых ресурсов;
- изучение состава, структуры и динамики экономически активного и неактивного населения;
- анализ динамики занятости населения, изучение структуры занятости по формам собственности, отраслям экономики.

Рассмотрим некоторые данные переписи 2010 года о проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа лицах коренных малочисленных народов севера в возрасте 15–72 лет на момент проведения переписи для определения некоторых характеристик рынка труда и трудовых ресурсов и сравним их с теми же характеристиками по Ямало-Ненецкому автономному округу в целом.

1. Численность населения

Национальность	Численность населения	Городское население	Сельское население	Мужчины	Женщины
Ненцы	19021	3625	15396	8586	10435
Селькупы	1349	234	1115	613	736
Ханты	6291	1391	4900	2703	3588
Итого	26661	5250	21411	11902	14759
Всего регион	406802	349510	57292	199288	207514

Всего отнесено к данной категории 26661 человек (что составляет 6,55% от численности населения данной категории в целом по региону), из них 20% городское население и 80% сельское население, или 45% мужчины и 55% женщины.

2. Численность

экономически активного населения

Одной из важнейших категорий рынка труда является экономически активное население.

К экономически активному населению отнесены лица, которые за неделю до начала переписи занимались экономической деятельностью или искали работу и готовы были приступить к ней:

Национальность	Экономически активные	Городское население	Сельское население	Мужчины	Женщины
Ненцы	8865	2190	6675	4021	4844
Селькупы	862	154	708	398	464
Ханты	4008	895	3113	1791	2217
Итого	13735	3239	10496	6210	7525
Всего регион	310905	271727	39178	160872	150033

К экономически активному населению в указанной категории лиц отнесено всего 13735 человек (что составляет 4,41% от экономически активного населения региона), из них 24% городское население и 76 % сельское население, или 45% мужчины и 55% женщины.

Обобщающим показателем оценки экономической активности населения является уровень экономической активности:

Уровень экономической активности = (Численность экономически активного населения / Численность населения) * 100%.

Рассчитаем уровни экономической активности в целом и по категориям.

Национальность	Уровень ЭА	Уровень ЭА городского населения	Уровень ЭА сельского населения	Уровень ЭА для Мужчин	Уровень ЭА для Женщин
Ненцы	46,61	60,41	43,36	46,83	46,42
Селькупы	63,90	65,81	63,50	64,93	63,04
Ханты	63,71	64,34	63,53	66,26	61,79
Итого	51,52	61,70	49,02	52,18	50,99
По региону	76,43	77,75	68,38	80,72	72,30

Наименее экономически активными оказались ненцы 46,61%, селькупы 63,9% и ханты 63,71 примерно одинаково экономически активны. Однако, при рассмотрении экономической активности внутри категорий по местности проживания и в половых группах выявлена следующая картина. Городское население ненцев значительно активнее сельского населения, разница 17,05 %, что значительно меньше разницы экономической активности городского и сельского населения селькупов 2,3% и хантов 0,81%. При сравнении экономической активности мужчин и женщин определено, что экономическая активность выше у мужчин: у ненцев на 0,41 %, у селькупов на 1,89%, у хантов на 4,47%. В среднем, уровень экономической активности городского населения выше уровня экономической активности сельского населения на 12,68%, и уровень активности мужчин выше уровня активности женщин на 1,19%.

Заметим, что средний уровень экономической активности коренных малочисленных

народов севера, проживающих на территории Ямало-ненецкого автономного округа (51,52%) заметно ниже данного показателя в целом по региону (76,43%). Хотя тенденции внутри данной категории совпадают с тенденциями в целом по региону – уровень экономической активности городского населения выше уровня экономической активности сельского населения, уровень экономической активности мужчин выше уровня экономической активности женщин.

3. Число занятых в экономике

К занятым в экономике относятся лица, которые в течение проведения переписи выполняли независимо от сроков получения оплаты или дохода за свою деятельность какую либо работу:

Национальность	Занятые в экономике	Городское население	Сельское население	Мужчины	Женщины
Ненцы	7549	1858	5691	3314	4235
Селькупы	721	134	587	315	406
Ханты	3412	792	2620	1451	1961
Итого	11682	2784	8898	5080	6602
Всего регион	291320	255435	35885	150438	140882

К занятым в экономике в указанной категории лиц отнесены 11682 человека (что составляет 4% от общего количества занятых в экономике по региону), из них 24% городское население и 76 % сельское население, или 43% мужчины и 57 % женщины.

Рассчитаем уровни занятости в целом, по проживанию и полу.

Уровень занятости = (Численность занятых / Численность экономически активного населения) * 100%

Национальность	Уровень занятости	УЗ городского населения	УЗ сельского населения	УЗ для Мужчин	УЗ для Женщин
Ненцы	85,16	84,84	85,26	82,42	87,43
Селькупы	83,64	87,01	82,91	79,15	87,50
Ханты	85,13	88,49	84,16	81,02	88,45
Итого	85,05	85,95	84,78	81,80	87,73
По региону	93,70	94,00	91,59	93,51	93,90

Наименьший уровень занятости у селькупов – 83,64%, у ненцев и хантов этот показатель примерно одинаков 85,16% и 85,13%. Очень интересная картина проявилась при сравнении уровня занятости городского населения и сельского населения в разрезе национальностей. Если в среднем уровень занятости городского населения выше на 1,17%, то у ненцев наоборот, уровень занятости сельского населения выше уровня занятости городского населения на 0,42 %, у селькупов уровень занятости городского населения выше уровня занятости сельского населения на 4,1%, у хантов на 1,17%. В целом уровень занятости у мужчин меньше на 5,93%, у ненцев на 5,01%, у селькупов на 8,35%, у хантов на 7,43%.

Уровень занятости коренных малочисленных народов севера по указанной категории составляет 85,05%, что ниже среднего уровня занятости по региону 93,70%.

4. Число безработных

К безработным отнесены лица, которые во время проведения переписи не имели доходного занятия, но вели активные действия для его получения:

Национальность	Безработные	Городское население	Сельское население	Мужчины	Женщины
Ненцы	1316	332	984	707	609
Селькупы	141	20	121	83	58
Ханты	596	103	493	340	256
Итого	2053	455	1598	1130	923
По региону	19585	16292	3293	10434	9151

Всего в указанной категории определено безработных 2053 человека (что составляет 10,48% от общего количества безработных по региону), из них 22% городского населения и 78% сельского населения, или 55% мужчин и 45% женщин.

Общим показателем, характеризующим безработицу, является уровень безработицы.

Уровень безработицы = (Численность безработных / Численность экономически активного населения) * 100%

На-циональ-ность	Уро-вень безра-ботицы	УБ город-ского насе-ления	УБ сель-ского насе-ления	УБ для Муж-чин	УБ для Жен-щин
Ненцы	14,84	15,16	14,74	17,58	12,57
Селькупы	16,36	12,99	17,09	20,85	12,50
Ханты	14,87	11,51	15,84	18,98	11,55
Итого	14,95	14,05	15,22	18,20	12,27
По региону	6,30	6,00	8,41	6,49	6,10

Уровень безработицы в целом для указанной категории равен 14,95%, что заметно выше, чем уровень безработицы в целом по региону 6,3%.

Среди городского населения уровень безработицы ниже на 1,17%, чем у сельского. Уровень безработицы среди мужчин выше на 5,93%, чем у женщин. В разрезе национальностей уровень безработицы максимальный у селькупов – 16,36%, у ненцев и хантов примерно одинаковый по 14,84% и 14,87% соответственно. Уровень безработицы сельского населения селькупов выше уровня безработицы городского населения на 4,1%, у ненцев на 4,33%, а вот среди ненцев уровень безработицы городского населения выше на 0,42%.

5. Число

экономически неактивного населения

Экономически неактивное население – лица в возрасте 15–72 лет, которые не являлись занятыми в экономике или безработными в течение проведения переписи.

На-циональ-ность	Эконо-миче-ски не актив-ные	Город-ское насе-ление	Сель-ское насе-ление	Муж-чины	Жен-щины
Ненцы	9914	1389	8525	4454	5460
Селькупы	467	73	394	202	265
Ханты	2199	468	1731	883	1316
Итого	12580	1930	10650	5539	7041
По региону	81488	64604	16882	31403	50085

Всего к экономически неактивному населению отнесены 12580 человек (что составляет

15,43% экономически неактивного населения региона), из них 15% городское население и 85% сельское население, или 45% мужчины и 55 % женщины.

Можно, по аналогии с экономической активностью, произвести расчет уровня экономической неактивности.

Уровень экономической неактивности = (Численность экономически неактивного населения / Численность населения) * 100%.

На-циональ-ность	Уро-вень ЭНА	Уро-вень ЭНА город-ского насе-ления	Уро-вень ЭНА сель-ского насе-ления	Уро-вень ЭНА для Муж-чин	Уро-вень ЭНА для Жен-щин
Ненцы	52,12	38,32	55,37	51,88	52,32
Селькупы	34,62	31,20	35,34	32,95	36,01
Ханты	34,95	33,64	35,33	32,67	36,68
Итого	47,19	36,76	49,74	46,54	47,71
По региону	20,03	18,48	29,47	15,76	24,14

Среди ненцев наблюдается максимальный уровень неактивности 52,12%, причем у сельского населения ненцев он превышает этот показатель городского населения на 17,05 %, женщины ненки незначительно превысили уровень экономической неактивности мужчин на 0,44%. У селькупов и хантов примерно одинаковый общий уровень неактивности населения 34,62% и 34,95% соответственно. Уровень неактивности сельского населения превышает данный показатель для городского населения у селькупов на 4,14%, а у хантов на 1,69%. Женщины у селькупов и хантов превышают значение данного показателя мужчин на 3,06% и 4,01% соответственно.

Уровень экономической неактивности в указанной категории населения практически в 2,5 раза превышает данный показатель для региона в целом, а для мужчин он меньше в три раза.

Приведенные выше исследования говорят об отличительных особенностях поведения на рынке труда исследуемой категории населения.

Литература

1. Практикум по социальной статистике. М.Р. Ефимова, С.Г. Бычкова, 2005 год.
2. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.. Современный экономический словарь. — 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М. 479 с.. 1999.
3. Результаты Всероссийской переписи населения 2012 года, «33.Население частных домохозяйств коренных малочисленных народов Российской Федерации в возрасте 15–72 лет по территориям преимущественного проживания и экономической активности.», «2.Население частных домохозяйств по возрастным группам, полу и экономической активности по субъектам Российской Федерации».
4. Методологические пояснения к результатам Всероссийской переписи населения 2010 года.

ПРОЦЕССЫ ИЗМЕНЕНИЯ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РОЛИ
НЕНЕЦКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Сэрпиво С.Е.

м.н.с. сектора этнологии

*ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»,
г.Салехард.*

В традиционном обществе женщина выполняет важные функции по созиданию и сохранению семьи, передаче социального и культурного опыта¹.

Но социокультурные трансформации как неизбежный процесс исторического развития общества приводят к кардинальным изменениям традиционной культуры и различных её аспектов: духовной составляющей, ценностных основ и т.д. С изменением культуры меняется женское пространство и само понятие женского пространства в традиционной культуре. Ломаются стереотипы, традиционные взгляды, меняется поведение и мировоззрение ненецкой женщины, меняется отношение самих женщин к традициям и религиозным нормам.

Поэтому сегодня актуально исследование положения женщины в историческом развитии. Это позволяет проанализировать положительные и отрицательные стороны статуса женщины в прошлом, что способствует более объективно оценивать роль женщины в современном обществе. А учет исторического, этнокультурного факторов будет способствовать улучшению положения женщины в современном российском обществе.

Традиционное общество рассматривалось исследователями как патриархальное.

Если говорить о женском и мужском пространствах, то второе всегда совпадает с культурным пространством социума, когда как первое всегда остаётся в тени, иными словами в культурном пространстве традиционного общества «мужское» всегда ставилось в центр, тогда как «женское» оставалось на периферии². При этом положение женщины

характеризовалось как приниженное, бесправное. К подобным выводам исследователи приходили, основываясь на таких моментах, как система выкупа «не мир», многоженство, система запретов «табу». На деле положение женщины в традиционной культуре было далеко неоднозначным. Формально главой семьи считался мужчина, но каждый из супругов при этом выполнял свои функции, благодаря чему регулировались межличностные отношения. Если женщины и не допускались на общественные советы, где обсуждались вопросы, касающиеся рода в целом, тем не менее, это не служило препятствием мужчине обращаться за советом к супруге, к матери. В рамках отдельного чума статус женщины был довольно высоким, это отражалось в первую очередь в её экономической независимости от супруга.

Ещё одним моментом, влияющим на статус женщины в рамках данного общества было, наличие детей или их отсутствие. Уважением среди сородичей пользовались многодетные матери, и те женщины у кого были сыновья. А наоборот бездетность считалась дурным признаком. У любых народов она приписывалась только женщинам. Например у народов Кавказа «родственники могли сочувствовать или обвинять женщину, то для неё самой поиск путей становления матерью является борьбой за достойную, по меркам конкретной среды, жизнь»³. У народов Севера, как отмечает Л.В. Хомич «положение у бездетной женщины было тягостным. Таковую жену муж мог прогнать или в лучшем случае, оставить у себя, взяв другую»⁴. В старину бездетность служила предпосылкой к многоженству.

1 Харючи Г. П. Ненецкая женщина в науке: к вопросу об особенностях исследования сакральной сферы. ЭО, № 3. 2010. С. 45

2 Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Спб., 2001. С. 4

3 Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Спб., 2001. С. 156

4 Хомич Л. В. Ненцы. М., 1966. С. 188

Жизнь бездетной женщины при второй жене мужа, как правило, любимой, сводилась к роли прислуги. Ненецкий писатель Юрий Вэлла утверждает обратное, что по ненецким законам «...ненец обязательно должен иметь две жены, для остальных он идеал мудрости – сумели ужиться в семье две женщины. Воспитание шло с самого детства, из сказок. У героя старшая жена появлялась, потом младшая. Мальчики и девочки через свой мозг это пропускали, и любая девочка всегда могла себя представить и в роли старшей, и в роли младшей».

Г. П. Харючи отмечает, велико значение женщины в ненецкой семье... вся жизнь семьи вращается вокруг женщины. Предназначение любой женщины изначально – это стать матерью, хозяйкой жилища⁵. К выполнению подобных гендерных ролей девочек готовят с детства через систему традиционного воспитания.

Границы функционирования женщины в традиционной культуре намного шире, чем у мужчин. Согласно ненецкой мифологии, «женщина выступает праматерью-прародительницей мира..., в отличие от мужчин женщина деятельна в разных мирах. Женщина связывает «этот мир» с «иным миром», с миром духов. Именно детородная функция женщины и обуславливала её особое положение в традиционном обществе. Она выступает как представительница сакрального мира, и от её поведения зависят судьбы людей и всего «порождённого» ею мира. Она была наделена огромными разрушительными и созидательными функциями. То есть женщина давала новую жизнь, но она могла и уничтожить человека. Она приносит в сообщество людей новые жизни, а по завершению жизненного цикла сопровождает его «в другой мир». Именно женщина является исполнителем большинства обрядовых практик в обыденной жизни (родильный, свадебный, погребальный обряды). Более того в родильном обряде выполняемые ею функции приравнивают её к шаману, так как только женщине посредством обряда очищения свойственно нейтрализовать сакральную «нечистоту».

В процессе развития современного общества границы деятельности женщины были значительно расширены. В отличие от мужчины женщин наблюдается более высокая способность адаптироваться в изменяющихся социальных условиях, данное качество женская половина общества выработала годами, так как, выходя замуж, женщина полностью меняла свой образ жизни, вынуждена была приспособливаться к новому окружению. Если говорить о женском гендерном пространстве, то женщине в течение жизни свойственно изменять его, тогда как мужское остаётся неизменным. Главным толчком трансформации женского пространства, по моему мнению, выступает образование. Сегодня женщина в традиционной культуре это – женщина грамотная, со средним, иногда со средним специальным образованием. Включение в хозяйственно-экономическую жизнь региона как следствие повышения образовательного уровня позволяет быть женщине экономической независимости от мужа, что в дальнейшем приводит к более демократичным отношениям внутри семьи. Но с другой стороны, с духовной, границы её деятельности сократились. Например, рассмотрим родильный обряд: женщины уже давно рожают в роддомах, повивальная бабка сменилась врачом-акушером, вместе с ней исчезли из традиционной культуры, выполняемые ею сакральные функции.

Поменялись и особенности реализации наследственных прав. Исследователи раннего периода отмечали у северных народов не только о полном отсутствии у вдовы прав на наследство покойного мужа, но и сама при этом передавалась по наследству, о чем свидетельствует институт левирата. «На основании преемственности родовых прав и имущества младшим из сыновей и наследования в нисходящих степенях родства, ..., вдова с детьми принадлежит по праву младшему брату умершего. За малолетством вдову может взять старший, но с тем, что, прямой наследник подрастет, она будет передана ему»⁶. «Обычное право» быто-

5 Харючи Г. П. Ненецкая женщина ... 2010. С. 45

6 Костиков Л. В. Законы тундры. К вопросу о положении женщин у самоедов // Труды полярной комиссии – 3., 1930. С. 46

вавшее у многих северных народов постепенно оттесняется правами юридическими. Сегодня вдова с детьми это основной наследник состояния умершего мужа.

Процессы, происходящие в современном обществе благотворно сказываются на социально-экономическом положении ненецкой женщины. Наблюдается поддержка материнства и детства в рамках государственных программ. А самое главное, сегодня у ненецкой девушки есть право выбора: остаться после учебы в традиционной среде и реализовать себя как продолжательница рода, хозяйка «очага» или реализовать себя в какой-то другой сфере: здравоохранении, образовании, в сфере науки и т.д.

Мне кажется, здесь наблюдается двусторонний процесс: изменение положения женщины напрямую приводит к изменению традиционной культуры. Например: мы рассуждаем, почему молодые девушки не хотят возвращаться после учёбы к традиционному

образу жизни, к этому вопросу надо подойти с другой стороны. В ходе работы с информантами я выяснила, что многие матери не хотят своим дочерям такой же жизни как у них, связанной с тяжелым физическим трудом, холодом, отсутствием бытовых удобств. По этой простой причине многие ненецкие женщины высказываются против внедрения в систему образования «кочевой школы»: аргументируя тем, что их дети зимой находятся в тепле и получают необходимые знания. (Автор статьи не углубляется в данный вопрос, так есть свои специалисты в этой области).

Хотя рано говорить о полной эмансипированности женщины в традиционной культуре. У неё всё ещё присутствует «патриархальный» этнический стереотип женского поведения. Как бы ни была независима женщина и в экономическом и социальном плане, всё равно для неё критериями «женского счастья» выступают: семья, муж, дети, а это что ни есть самые «традиционные» ценности⁷.

Список литературы:

1. Бутовская М. Л., Гучинова Э. Б. 1998. Мужчина и женщина современной Калмыкии: традиционные стереотипы и реальность // Гендерные проблемы в этнографии. М. Инст. этнологии и антропологии РАН. Стр. 60–76.
2. Карпов Ю.Ю. 2001. Женское пространство в культуре народов Кавказа. Спб., «Петербургское востоковедение».
3. Костиков Л. В. 1930. Законы тундры. К вопросу о положении женщин у самоедов // Труды полярной комиссии – 3.
4. Харючи Г. П. 2010. Ненецкая женщина в науке: к вопросу об особенностях исследования сакральной сферы. ЭО, № 3. С.
5. Хомич Л. В. 1966. Ненцы. М., Наука.

Электронные ресурсы:

Интервью А. Омельчука с Ю. Вэлла // <http://.....> ?

⁷ Бутовская М. Л., Гучинова Э. Б. Мужчина и женщина современной Калмыкии: традиционные стереотипы и реальность // Гендерные проблемы в этнографии. М., 1998. С. 76.

**РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ
КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ
РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯМАЛА**

Сюгней О.П.

*кандидат филологических наук, департамент по делам
коренных малочисленных народов севера,
г. Салехард*

В последние годы проблемы Российского Севера и населяющих его народов приобрели особо важное значение. Проблемы Севера связаны, во-первых, с экономическим фактором, так как огромная доля природных ресурсов России сосредоточена именно на Севере, а во-вторых, с тем, что после распада СССР значительная часть его южных территорий и западных территорий оказалась вне России, и наша страна теперь представляет собой северную страну в гораздо большей степени, чем СССР. Территория Россия на 5,5 млн. кв. км. меньше территории бывшего СССР, и таким образом, доля северных территорий увеличилась с 49% в СССР до 64% в Российской Федерации [1].

Естественно, что в этих изменившихся условиях, а также в условиях охватившихся страну многолетнего кризиса, с особой остротой проявившегося на Севере, обнажились все социально-экономические и политические проблемы, связанные с коренными малочисленными народами Севера (КМНС). На самом общем уровне, на протяжении последних столетий в решении этих проблем можно выделить два крайних подхода: вовлечение КМНС в сферу западной цивилизации, чаще всего ценной утраты самобытности; попытки консервации жизненного уклада КМНС и ограждения их от влияния технологически продвинутого мира. В современных российских исследованиях преобладает точка зрения, что в советский период развития получил, по преимуществу, первый подход, и многие негативные явления современной жизни КМНС объясняются их отрывом от традиционных видов деятельности, кочевого образа жизни, национальных устоев; отрицательная оценка дается и практике обучения детей тундровиков в интернатах в русскоязычной среде [2].

Поэтому широкое распространение получила поддержка второго подхода, который кратко можно охарактеризовать как «назад в тундру».

В каждом из этих крайних подходов, безусловно, есть доля объективной истины, однако, представляется, что положительный путь развития КМНС лежит в компромиссном подходе, то есть надо учитывать, что возможности традиционной тундровой и кочевой жизни для КМНС и в, частности, должны быть сохранены параллельно с промышленным освоением Севера. Но не ценной лишения тундровиков практической возможности усвоения всех достижений мировых и российской цивилизации.

Здесь уместно заметить, что технологическая цивилизация основывается на технике (в самом широком смысле этого слова), которая приобретает огромную силу воздействия на окружающий мир. Этой силе может противостоять только такая же мощная техника. Россия смогла и сможет в будущем отстоять свой собственный путь развития, только усвоив главные элементы технологической цивилизации и присущего ей типа техники. Другими словами, попытка вернуть народы Севера «назад в тундру», лишить их детей возможности совершенного изучения русского языка и получения возможности образования столь же пагубна, как и поголовное переселение тундровиков в поселки в советский период.

История знает, например, печальный опыт попытки самоизоляции коренного народа от наступления новой цивилизации. Так в XIX веке были обречены на исчезновение Северо-Американские индейцы, которых по некоторым оценкам насчитывалось от 1 до 8 млн. человек и которые отказались хоть в чем-то отступать от своих традиций и приобщиться к достижениям наступившей на них

цивилизации Старого Света [3]. Так попытка не признать технологические достижения привели к гибели многих индейских племен. Фактор жестокости и расистской идеологии европейских колонизаторов здесь не рассматриваются, как не характерный для российских условий. Для нас важен лишь тот вывод, что развитие и процветание народов Севера немыслимо в современном мире без формирования национальных кадров владеющих всеми достижениями современной науки, экономики, права, и, что особенно важно XXI веке, информационных технологий.

Известно, что основу информационного пространства составляет языковая среда. Народы Севера в XXI веке должны в совершенстве владеть и родными и русским языками, так как русский язык – это язык межнационального общения в России и язык мировой человеческой цивилизации.

Бурный ритм современной жизни все острее ставит проблему информационной экспансии, которая напрямую связана с языком общения.

В развитии национального языка, который служит средством сохранения самобытных народов, важнейшая роль принадлежит СМИ. В Ямало-Ненецком автономном округе вещает более 12 телерадиокомпаний. Своими телестудиями располагают каждое муниципальное образование. Помимо

ВГТРК динамично развивается окружная телерадиокомпания с названием «Ямал-Регион». Окружная телерадиокомпания позиционируется как семейный всевозрастной канал и присутствует также в спутниковой сетке вещания. Повышение роли СМИ, особенно телевидения и радиовещания становится одним из важнейших ресурсов власти. В современных экономических условиях Крайнего Севера, СМИ является основным фактором развития национальных языков и сохранения традиционных культур и самих северных этносов. Учитывая специфику автономного округа в структуре компании была создана дирекция программ народов Севера, вещающая на 4-х языках народов Севера.

Будущее северных народов их письменного и литературного языка во многом зависит от того, насколько национальные СМИ и журналисты будут способствовать совершенствованию родных языков и, прежде всего лексики. Необходимо преодолеть недостатки сегодняшних СМИ состоящие, с одной стороны в излишнем «академизме» и «консерватизме» лексики в отрыве языка СМИ от живого языка народа, а с другой стороны, в трудности выражения на ненецком, ханты, селькупском и коми языке всего многообразия явлений научного, технологического и политического своеобразия современной цивилизации.

Список литературы:

1. Харючи С.Н. Современные проблемы коренных народов Севера // Под редакцией Н.В. Лукиной.: Изд. Томского университета. Томск. 1999.
2. Запороцкая Н. Родной язык в жизни коренных народов Чукотки // Мир коренных народов. Живая Арктика № 5. 2000.
3. Ратцель Ф. Народонаселение. Т.1. СПб, Т-во «Просвещение». 1896.

**ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ
КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ**

Туманова Г.П.

*аспирантка кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Саранского кооперативного института
АНО ВПО Центросоюза Российской Федерации
«Российский университет кооперации»,
г. Салехард*

Часто слышишь, что молодежь говорит:
я не хочу жить чужим умом, я сам обдумую.
Зачем же тебе обдумывать обдуманное.
Бери готовое и иди дальше.
В этом сила человечества.

Л.Н. Толстой

В конце XX– начале XXI века в России происходят изменения, сопровождающиеся ломкой прежних политических, экономических и социальных процессов, что влечет за собой изменение различных социально-психологических явлений, в том числе переоценку социальных норм и ценностных ориентаций.

Несмотря на появление новых ценностных ориентаций, соответствующих современным реалиям развития, в менталитете российского общества сохраняются устойчивые черты национального характера. Молодежь же, в свою очередь, не только вырабатывает новые жизненные ценности, но и сохраняет традиционные, тем самым обеспечивая процесс культурно-исторической преемственности поколений.

Проблема преемственности поколений – вечная проблема человечества, в виду того, что ее исследованием занимались во все времена представители различных наук, и сложилось несколько точек зрения по вопросу преемственности поколений.

Экономический подход занимал приоритетное место в концепции основоположников марксизма. Так, объясняя вопросы преемственности поколений, К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» утверждали: «Каждое новое поколение использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими

поколениями, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой, – видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности» [1].

Антропологический подход заложен английским этнографом Э. Тайлором «Первобытная культура» и Дж. Фрэзером «Золотая ветвь».

Антропо-культурологическая концепция преемственности поколений изложена в работе американского этнографа М. Мид «Культура и сопричастность». С точки зрения М. Мид, в истории общества следует различать три типа культур: постфигуративные, в которых молодое поколение учится главным образом у своих предков; кофигуративные, – молодое и взрослое поколение учатся, прежде всего, у равных по возрасту и опыту; префигуративные, – взрослое поколение учится у молодого [2].

Что касается российской науки, со второй половины XX столетия демографы трактовали преемственность поколений как воспроизводство и смену главных возрастных групп в рамках жизненного цикла. В отличие от них философы, социологи и культурологи рассматривали преемственность поколений как закономерность исторического и социокультурного развития общества, как процесс передачи от прошлого поколения новому поколению социального опыта и ценностей духовной культуры.

Жизнеспособность культуры зависит от непрерывного процесса трансформации ее принципов, идеалов из поколения в поколение, а исследование ценностных ориентаций молодежи крайне актуально, так как это будущее нашей страны и от того, какие ценностные ориентации у них будут сформированы, во многом зависит и перспектива развития России в целом.

Для определения ценностных ориентаций молодежи и интерпретации преимущества ценностей на поколенном уровне использовались:

– методика «Ценностные ориентации» вар. 2 (О.И. Мотков, Т.А. Огнева), целью которой является изучение степени значимости и реализации ценностных ориентаций личности, а также их индивидуальной и групповой структуры (соотношения друг с другом), конфликтности и атрибуции (приписывания) причин их осуществления;

– тест культурно-ценностных ориентации (Дж.Таусенд, вариант Л.Г.Почебут), направленный для определения основных тенденций формирования и становления изучаемой культуры.

Обработка полученных данных осуществлялась путем статических методов: подсчитывались среднеарифметические значения, процентная соотношение, осуществлялся качественный анализ полученных данных.

Исследование молодого поколения проводилось на базе Ямальского многопрофильного колледжа, среднего и старшего поколений в различных отраслях деятельности города Салехарда. Всего в исследовании приняли участие 60 человек (30 человек – молодое поколение, 15 – среднее и 15 – старшее).

В соответствии с обобщенными результатами по вышеуказанным методикам сформировались следующие психологические портреты поколений:

Молодое поколение—является ярким представителем ценностей современной культуры. Собственные усилия определяет как средство достижения материального и жизненного благополучия, склоняется на индивидуализацию и самостоятельность. Для молодежи также в при-

оритете проявление позитивного отношения к людям, потребность в общении и дружбе, проявление добра, милосердия, ответственности, любовь к природе и бережное отношение к ней.

Среднее поколение – также является носителем современной культуры. Доминирует – саморазвитие, и как следствие, карьера, социальное положение. Также склонно оказывать помощь и проявлять милосердие, уважение, стремление к близости с другими людьми.

Старшее поколение – тоже является носителем современной культуры. Основными ценностями которого является отзывчивость, уважение и помощь людям, гармония с природой и бережное отношение к ней. Материальное благосостояние важно как факт жизненного благополучия.

Во всех поколениях большая выраженность внутренних ценностей, что говорит о степени удовлетворения базовых, заложенных изначально, психологических потребностей личности.

Проведенный анализ ценностей старшего поколения не находит подтверждение о том, что старшее поколение является носителем исключительно традиционной культуры, так как ему тоже свойственно трансформация ценностей в соответствии с реалиями развития современного общества.

Выявлены ценности, объединяющие все поколения, и которые можно считать базовыми, основными в процессе межпоколенной преемственности. Это ценности, направленные на других людей: «теплые, заботливые отношения с людьми»; ценности, характеризующие жизненную позицию: «саморазвитие личности»,; ценности, отражающие отношение к благосостоянию: «материальное благополучие».

Разделяют молодое поколение от старшего такие ценностные ориентации как «роскошная жизнь», «известность и популярность», «физическая привлекательности, внешность».

Среднее же поколение является более эффективным проводником ценностных ориентаций молодому поколению по сравнению со старшим поколением, так как, перенимая в свое время ценности от старшего поколения, трансформировало его в соответствии с

потребностями общества соответствующего периода.

Преемственность ценностей поколениями носит индивидуальный характер. Он зависит от принятых в конкретном обществе социальных, культурных и ценностных норм и принципов. Поколение не может существовать иначе как исходя из системы ценностей предыдущих поколений, и в то же время оно дополняется новыми ценностями, появляющимися в результате политических, экономических и социальных перемен.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что процесс межпоколенной преемственности ценностных ориентаций, как сложный целенаправленный процесс постоянного воспроизводства культурных, исторических и социальных ценностей, определяемый политическими, экономическими, культурными и социальными переменами, имеет следующие особенности:

– формирование базовой ценностной системы молодого поколения осуществляется исходя из ценностей старших поколений;

– молодежь изменяет ценности старших поколений и вырабатывает новые ценности, соответствующие современным требованиям;

– особенностью процесса межпоколенной преемственности, в контексте процессов глобализации, является его взаимность, то есть старшее поколение—молодому (основные социокультурные ценности), а молодое поколение—старшему (инновации, IT-технологии).

Таким образом, несмотря на глобальные перемены, происходящие в современной России ценностные ориентации устремлены к сохранению базовой ценностной части, которая является механизмом передачи устойчивых составляющих ценностной системы от поколения к поколению.

Список литературы:

1. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3.
2. Афанасьева А.Н. Исторический процесс и смена поколений [Текст]/ А.Н. Афанасьева. – М.: Просвещение, 2003. – 257 с.
3. Белицкая Г.Э. Личностная модель ценностных ориентаций/ Проблема субъекта в психологической науке. М.: Академический Проект, 2000. С. 227–234.

РЫБОЛОВСТВО В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА
В НИЖНЕМ ПРИОБЬЕ

Тупахина О.С.

с.н. с. сектора гуманитарных исследований
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»,
к.и.н.

Рыболовство с древнейших времен являлось одним из главных форм хозяйственной деятельности человека. На территории нашей страны корни рыбного промысла нигде не уходят так глубоко в древность, как в Сибири и на Дальнем Востоке. Это закономерно вытекает из особенностей здешних природно-климатических условий: ни скотоводство, ни тем более земледелие интенсивно развиваться тут не могли.

В древности развитие рыболовства ограничивалось географией распространения отдельных групп рыб. Наших предков, как и нас, в первую очередь интересовали ценные в пищевом отношении рыбы – сиговые, лососевые и осетровые. Одно из наиболее важных их достоинств состоит в том, что они пригодны для заготовки впрок в разных видах – соленом, вяленом, копченом. Мясо этих рыб хорошо сохраняется после соответствующей обработки и отличается высокой питательностью. О вкусовых качествах и говорить не стоит.

Ловля лососевых в период нерестового хода не требовала большого труда. Она была по

силам первобытному охотнику, ведь такую рыбу можно было глушить стоя на берегу. Ловля осетровых и сиговых – задача посложнее. Здесь требовались коллективные усилия, изготовление специальных рыболовных приспособлений. Такие приспособления были обнаружены при раскопках поселения Горный Сомотнел-1, время существования которого приходится на конец IV–III тыс. до н.э. Древнее поселение расположено на правой коренной террасе р. Обь недалеко от поселка Салемал. Обитатели поселения занимались большей частью рыболовством, собирательством и немного охотой. Обнаруженные при раскопках предметы, принадлежавшие некогда рыбакам, представляют собой остатки рыболовной сети, грузила и приспособления для глушения рыбы – булавы. Остановимся подробно на каждом из них.

Рыболовная сеть (Рис. 1) – приспособление для массового лова рыбы, изготавливалась из нити растительного происхождения, могла использоваться как в летнее, так и в зимнее время года. Известно, что рыба пойманная

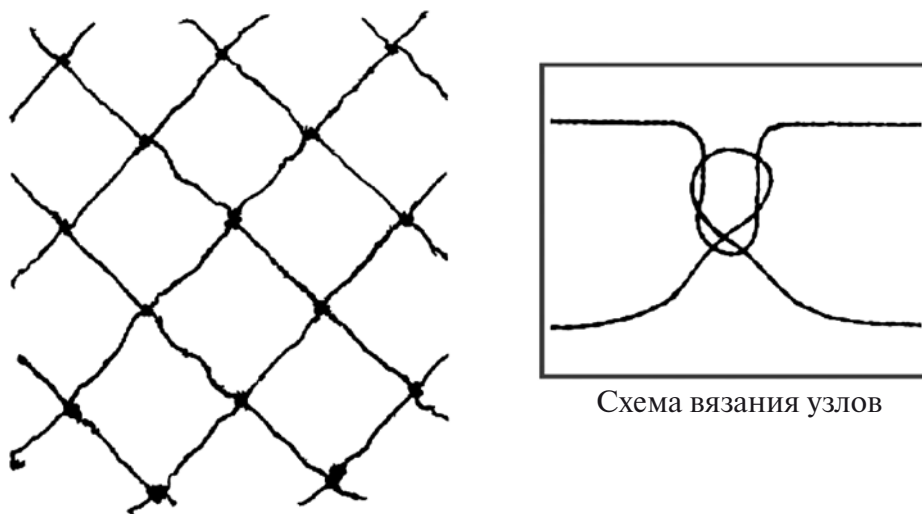

Рис. 1. Рыболовная сеть

сетью строго калибруется размером ячейки. В нашем случае размер ячейки сети достигал 60 мм. Это означает, что предпочтение отдавали достаточно крупной рыбе. Из крупных рыб, обитающих в нижнем течении р. Обь, известны муксун, сиг, стерлядь, т.е. рыбы из семейства сиговых и осетровых, о преимуществах которых мы говорили выше.

Интересен также способ вязания узлов, использовавшийся пять тысяч лет назад – он представляет собой простой ячеинный узел с захлестом снизу. Технология его изготовления такова: вначале нить обводят вокруг шаблона, челнок пропускают в верхнюю ячейку снизу (захлест снизу) и подтягивают ее к кромке шаблона; место переплетения нитей зажимают между пальцами. Вторая операция: нить обводят вокруг большого и указательного пальцев, челнок пропускают под нижними нитями верхней ячейки, поверх нити над большим и указательным пальцами и окончательно затягивают узел между большим и средним пальцами. Такой узел является самым простым из всех известных для вязания сетей, он используется и в настоящее время.

Дополнением к рыболовной сети служили *грузила*, в качестве которых использовались крупные продолговатые гальки. Для того чтобы прикрепить груз к сети, гальку обрачивали берестой, концы которой оформляли скрутками, за которые и привязывали. В более раннее и более позднее время на разных территориях грузила оформлялись по-своему: например, у плоских округлых галек оббивались выемки, для предотвращения соскальзывания веревки или гальку обрачивали берестой полностью и привязывали ее изнутри по окружности кольца, сделанного из ветки и т.д.

Булава (Рис. 2) – приспособление для глушения рыбы. Изделие изготавливалось из крупной плоской округлой гальки, в центре которой высверливалось биконическое отверстие. Вероятно, булава надевалась на подходящего диаметра палку или к ней привязывалась толстая веревка. Такие изделия появились еще в неолите и просуществовали до раннего

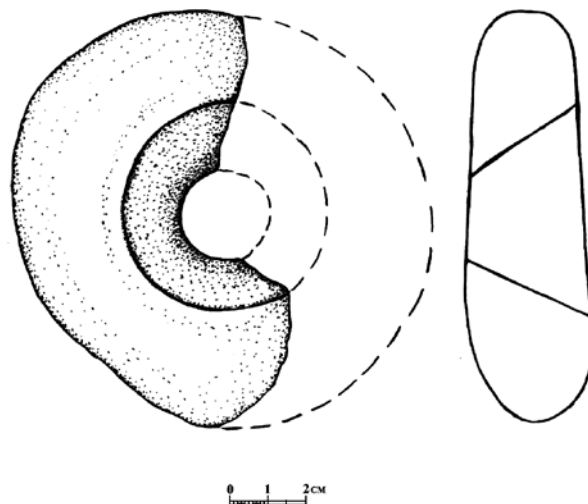

Рис. 1. Каменная булава

железного века включительно.

Заниматься заготовками рыбы древние люди могли круглый год. В зимний период можно было свободно перемещаться по толстому льду реки, выдалбливая лунки в нужных местах. Однако в открытой воде необходимы были лодки. И хотя при раскопках поселения пока не найдены фрагменты лодок и весел, мы можем с полной уверенностью говорить – лодки были. Сделать такой вывод нам помогает керамика. На поселении найдено множество фрагментов глиняных изделий в форме лодки, так называемых ладьевидных сосудов. Такие сосуды не использовались для приготовления пищи, а для хранения были слишком малы. По-видимому, они являлись ритуальными. Эту версию подтверждает и наличие на большей части таких сосудов налепных украшений в виде головы медведя, водоплавающей птицы или пушного зверька.

Таким образом, формы и способы традиционного рыболовства, равно как и орудия, в эпоху энеолита были весьма разнообразны. С развитием человеческого общества во времени орудия все более совершенствовались, появлялись новые виды и формы. С возникновением обмена и торговли рыболовство постепенно принимало форму промысла, а в новейшее время оно приобрело промышленный характер.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ
СВЯЩЕННЫХ МЕСТ НЕНЦЕВ

Харючи Г.П.

ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», к.и.н.,
г. Салехард.

Традиционная культура ненцев издавна привлекала к себе внимание путешественников, миссионеров, учёных и неоднократно становилась объектом специального исследования в этнографической литературе.

У ненцев не было письменности до 1932 г., и самыми ранними письменными источниками о религиозных верованиях, в том числе, о местах поклонения духам, являются работы путешественников, миссионеров, исследователей, опубликованные на русском языке. Самые крупные общенародные святилища острова Вайгач упоминаются в XVI в. английскими и голландскими мореплавателями.

Первое научное описание сибирских ненцев выполнено В.Ф. Зуевым во время его путешествия 1771–1772 гг. В его работе «Описание живущих в Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов Остяков и Самоедов» [Зуев 1947] глубоко затрагиваются многие стороны быта ненцев и их религии.

В российской историографии первые сведения о вайгачских святилищах, религиозных верованиях и обрядах опубликованы в Атласе Архангельской губернии 1797 г. Там впервые было сказано, что Вайгач является «*общественным местом жертвоприношения*» (см.: [Барышев 2012: 331]).

Из авторов середины XIX в. необходимо отметить архимандрита Вениамина (В.Н. Смирнова) — главу православной миссии в Архангельской губернии. Его работа «Самоеды мезенские» (1855) является одним из важных источников по религии ненцев. Пагубная роль Вениамина в уничтожении памятников духовной культуры ненцев обернулась для науки своеобразной исторической находкой, поскольку он, прежде чем разрушать священные

места язычников, описывал их. Вот примеры его зарисовок: «В Большеземельской тундре, на острове Вайгач, было самое древнее и более других чтимое самоедами место их языческих мольбищ. Здесь более прочих мест приносили в жертву оленей Самоеды Мезенского уезда; сюда даже приезжали многие Самоеды из Тобольской губернии. На острове Вайгач издревле почитались главными два идола: один на южном конце острова, мужского пола, а другой — на северном, женского» [Вениамин 1855: 46].

К концу XIX в. относятся сведения настоятеля Обдорской духовной миссии — иеромонаха Иринарха (И.С. Шемановского). Они интересны тем, что раскрывают сложные взаимоотношения ненецких языческих святилищ вблизи Обдорска и христианского храма, воздвигнутого на месте святилища [Шемановский 2011: 76–77].

В начале XX в. Л.Н. Гейденрейх отметил наличие в Канинской тундре родовых святилищ [1930].

В наиболее крупных исследованиях по разным аспектам истории и культуры ненцев начала XX в. приводятся сведения о верованиях, в том числе, о священных местах. В работе Б.М. Житкова «Полуостров Ямал» дается подробное описание святилища *Я'малхэхэ*, названное им «священное место макушки земли» [1913: 50].

В 1920-х гг. у тундровых и лесных ненцев побывал финский ученый Т. Лехтисало. Его труд «*Entwurf einer Mythologie der Jurak-Samojeden*» был издан на немецком языке в Хельсинки [Lehtisalo 1924], а в русском переводе Н.В. Лукиной «Мифология юрако-самоедов (ненцев)» вышла в свет в 1998 г. Одна из глав книги Т. Лехтисало называется

«Священные места и их духи». Книга была написана, в основном, по информации, полученной автором среди разных групп ненцев. Т. Лехтисало писал о священных местах у тундровых и лесных ненцев. В его работе, кроме собственных материалов приводятся также сведения архимандрита Вениамина о святилищах у западных ненцев и Б.М. Житкова — у ямальских ненцев.

Большое значение для этнографического изучения ненцев имели экспедиции Академии Наук СССР и Русского Географического общества, проведенные под руководством Б.Н. Городкова. Более подробно рассмотрим результаты Гыданской экспедиции 1927–1928 гг., задачей которой было всестороннее исследование внутренней части Гыданской тундры. Участники экспедиции проработали свыше 14 месяцев в отдалённых районах Крайнего Севера, проделав на оленях маршрут: Ново-Туруханск — фактория Янов-стан — фактория Халмер-Седе (ныне районный центр — п. Тазовский) — южная часть Гыданской тундры — до Гыданского залива — оттуда к Обдорску. В ходе экспедиции впервые была составлена достоверная карта полуострова и проведены исследования традиционной культуры этнографической группы гыданских ненцев.

По результатам экспедиции вышло ряд изданий о малоизученной в то время этнографической группе гыданских ненцев. Одна из книг «К верховьям исчезнувшей реки» составлена участником экспедиции В. Тоболяковым [1930] по дневниковым записям Б.Н. Городкова и других участников. Этнографом-антропологом Л.В. Костиковым написана статья «Боговы олени в религиозных верованиях хасово» [1930]. В ней идёт речь о посвящении живых оленей верховному божеству Нуму, о духах и жертвоприношениях. В указанных работах приводятся сведения о религиозных верованиях гыданских ненцев и описание священных мест на Гыданском полуострове. Л.В. Костиковым также собрана целая этнографическая коллекция, и в его отчёте указано, в частности, какие предметы и сколько взято со священного места, со священной нарты, дано их описание. Коллекция Л.В. Костикова и его архив хра-

нятся в Российском этнографическом музее в Санкт-Петербурге.

В эти же годы (1928–1929) на Ямальском полуострове работал экспедиционный отряд под руководством В.П. Евладова. В его книге «По тундрам Ямала к Белому острову», изданной спустя много лет [Евладов 1992] рассказывается о традициях и обычаях ямальских ненцев, в том числе, о священных местах полуострова Ямал. В.П. Евладову удалось посетить все главные святилища острова Белый.

В 1929 г. В.Н. Чернецов посетил и кратко описал два священных места ненцев: одно семейное и одно рода Уэнонга (Вэнго) [Источники 1987: 73]

В обобщающих исследованиях Л.В. Хомич «Ненцы. Историко-этнографические очерки» [1966] и «Ненцы. Очерки традиционной культуры» [1995] имеются описания священных мест. Автору удалось побывать на священном месте канинских ненцев Хэсе', не упомянутом ранее в литературе [Хомич 1966: 201]. В статье «Религиозные культы у ненцев» Л.В. Хомич [1977] кратко рассматривает общие вопросы культа хозяев земли, воды и промысловых угодий, культа гор и камней. В разделе «Священные (жертвенные) места и предметы культа, изготовлявшиеся человеком» автор сообщает о разделении священных мест на локальные, родовые и семейные, общенародные. Культурные антропоморфные изображения из дерева — *сядэй*, устанавливаемые на священном месте, Л.В. Хомич делит на три основных типа. На одном святилище могут быть *сядэй* всех трёх типов. Это свидетельствует об использовании культовых предметов разного внешнего вида одними и теми же группами ненцев.

Четыре святилища о. Вайгач были обследованы в 1984–1987 гг. археологом Л.П. Хлобыстиным [1990], который проводил их раскопки. На древнем святилище *Сиртя-сале* комплекс находок датируется XI–XII вв.

Описание древних святилищ ненцев в качестве памятников культуры дано в работах Н.М. Терехина, О.В. Овсянникова «Святилище «Козьмин перелесок» как памятник традиционной духовной культуры ненцев» [1990], Н.М. Терехина [1998].

В начале 1990-х гг. к изучению священных мест своего народа приступила автор монографии. Первым результатом стал доклад о традиционных верованиях, включая священные места, гыданских ненцев [Харючи 1993]. Затем в 1994 г. на III Международном Археологическом конгрессе в Дели (Индия) был сделан доклад «Составление карты священных мест Гыданского полуострова», который позднее был опубликован вместе с докладом Л. Липатовой (Kharyuchi and Lipatova, 1999). К исследованию этой темы автор неоднократно обращалась и в последующие годы.

В кандидатской диссертации [Харючи 1999] и монографии «Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса» [Харючи 2001] вторая глава «Сакральная сфера традиционного общества» посвящена традициям ненцев, относящимся к священным местам, другим верованиям и обрядам, а также их современным изменениям. К тому времени автором было зафиксировано 70 священных мест со следующими данными: название, происхождение, связанные с этим местом события и легенды, современное состояние. Многие священные места были описаны ранее В.Тоболяковым [1930], и это дало возможность сравнить степень сохранности, функционирования и изменений отдельных священных мест, как и степень сохранения связанной с ними традиции.

О священных местах речь идёт и во многих других работах Г.П. Харючи [2002а, 2002б, 2003а, 2003б, 2004а, 2004б, 2004в, 2004г., 2004д, 2005, 2006, 2010, 2012; Лар, Харючи, 2004а, 2004б; Харючи, Тодышев 2004; Kharyuchi 2004; Kharioutchi 2005].

Традиционному религиозному мировоззрению ненцев посвящены работы Л.А. Лара. В ходе полевых работ автор описал многочисленные священные места, рассмотрел их во взаимосвязи с окружающей природной средой. Эта проблематика отражена в ряде статей о священных местах, с приложением картосхем [Лар 1995, 2000]. Одна из его книг относится непосредственно к интересующей нас теме — «Культовые памятники Ямала. Хэбидя я» [Лар 2003)].

Г.П. Харючи и Л.А. Лар участвовали в важных коллективных проектах по изучению священных мест ненцев. В 1999 г. началась работа по программе «Культурное наследие коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа», подготовленной департаментом по делам коренных малочисленных народов Севера администрации ЯНАО. По Гыданскому полуострову работу выполняла Г.П. Харючи, по Ямальскому району — Л.А. Лар. На местах приходилось работать, в основном, с ненцами, владеющими нужной информацией о святилищах. Знание местных языков, традиционной культуры помогало исследователям соблюдать этические и моральные нормы при сборе материалов по такой деликатной теме как священные места.

В 2001–2002 гг. Г.П. Харючи и Л.А. Лар участвовали в международном проекте «Значение охраны священных мест коренных народов Арктики: социологическое исследование на Севере России». В Ямало-Ненецком автономном округе исследования велись в Тазовском районе. Проведены интервью с оленеводами, рыбаками; выявлены, описаны и нанесены на карту 263 священных мест. Получены сведения о происхождении каждого священного места и связанных с ним обрядах, о современном состоянии культовых мест. Материалы проекта изданы в книге «Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России» [Лар, Харючи 2004а, 2004б; Лар, Харючи, Окоэтто 2004; Харючи 2004г, 2004д; Харючи, Тодышев 2004].

В монографии А. В. Головнёва «Говорящие культуры: традиции угров и самодийцев» [1995] описывается современное состояние святилищ, обряды ямальских ненцев. В главе «Пантеон» приводятся легенды о божествах и духах. О посещении и проведении жертвоприношений в настоящее время на святилищах ямальских ненцев *Я' мал хэхэ, Сэр Ирико* учёным снят фильм «Путь к святилищу» [1997] и опубликован его полевой дневник «Путь к семи чумам» [2000]. В книге А.В. Головнёва «Кочевники тундры: ненцы и их фольклор» [2004], в мифологическом словаре даётся

гlossарий божеств, духов ненецкого пантеона.

О ненецких святилищах *Вэсако*, *Хадако* и *Козьмин перелесок* создан документальный фильм И.Л. Ханзеровой «Аргиш в прошлое» [1996]. Ненецким святилищам посвящены фильмы, показанные на Кочующем фестивале антропологических фильмов (г. Салехард, 1998).

Уникальными являются научные издания материалов Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ) на о. Вайгач. Первое из них — «Остров Вайгач (Хэбидя Я — священный остров ненецкого народа). Природное и культурное наследие» [1999]. Во втором издании «Остров Вайгач» Культурное и природное наследие. Памятники истории освоения Арктики. Книга 1. [2000] впервые приводятся описания 250 памятников культуры, среди которых древние святилища с каменными и деревянными идолами. В эту книгу включено более 300 чертежей, рисунков, схем и фотографий. П.В. Боярский — автор гл. 3. «История исследований и освоения острова Вайгач» приводит первые, начиная с XVI в., сведения об острове из дневников английских путешественников Барроу, Джонсона, голландца Яна Гюйгенс ванн Линсхотена, Виллема Баренца, в том числе, их описания святилищ острова Вайгач. Эти сведения извлечены им из книги «Английские путешественники в Московском государстве в XVII веке», изданной в 1937г. П.В. Боярский приводит также описания острова и ненецких богов, относящиеся к XVII–XVIII вв., а из XIX в. — дневниковые записи И.Н. Иванова (из экспедиции Ф.П. Литке) и А.И. Шренка; к началу XX в. относятся материалы А.А. Борисова, который описал и зарисовал главные святилища острова Вайгач. В гл. 4 «Древнейшие памятники острова Вайгач» приводится описание шести ненецких святилищ, обследованных МАКЭ.

Сакральная сфера ненцев находит отражение в исследованиях Е.Т. Пушкарёвой по фольклору ненцев [2003, 2007; Пушкарёва, Бурыкин, 2011]. По её мнению, не последнюю роль в установлении более чёткой картины мифологических представлений народа сы-

грает изучение связей с преданиями о возникновении тех или иных святых мест, почитавшихся ненцами. [Пушкарёва, 2003: 148].

Священные места лесных ненцев описаны в сборнике, «Земля ненэй ненэча — Земля настоящих людей. Историко-культурное наследие» [2005]. Автор-составитель И.С. Хэно даёт краткое описание объектов этнокультурного наследия Пуровского района Ямало-Ненецкого автономного округа, в том числе 64 священных места лесных ненцев.

Н.А. Окладников и Н.Н. Матафанов подготовили книгу «Тернистый путь к православию. Из истории обращения в христианство ненцев архангельских тундр» [2008]. Для нашей работы интерес представляют оставленные миссионерами и ранее не публиковавшиеся сведения об общенародных и родовых священных местах европейских ненцев.

В работе Е.М. Главацкой, написанной по материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг. и посвящённой проблемам реконструкции религиозного ландшафта Обдорского края, автор касается и священных мест. В работе отмечено, что процесс христианизации шёл медленно, почти без массовых крещений и разрушения священных мест; при этом сохранялись важнейшие элементы традиционной — не христианской религиозности, в частности, практика жертвоприношений, поддержание священных мест и др. [Главацкая 2011: 95].

Продолжением более ранних публикаций, подготовленных на основе материалов Морской арктической комплексной экспедиции, является издание: «Вайгач. Остров арктических богов» [Боярский, Авенариус, Бадюков, 2011].

О большом внимании к исследованию древних святилищ ненецкого народа говорит выделение отдельной секции «Вайгач — остров арктических богов» на конференции «История изучения и освоения Арктики — от прошлого к будущему», проведённой в 2012г. в Архангельске. П.В. Боярский в своём докладе предложил создать на всей территории острова Вайгач национальный парк «Хэбидя Я» [2012a]. В докладе А.Н. Давыдова [2012] излагались интересные

наблюдения, сделанные им в 2010 г. во время посещения жертвенного места на мысе Дьяконова (*Хэхэсале*). Он обнаружил обрыв с ярко выраженным антропоморфным профилем, который, вероятно, упоминается в книге В. Иславина [1847] как каменный лик *Весак*.

В настоящее время в Ямало-Ненецком автономном округе продолжается работа по изучению культовых и ритуальных мест коренного населения. В департаменте по делам коренных малочисленных народов Севера с 2008 г. функционирует электронная «База

данных священных мест и мест захоронений коренных малочисленных народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа». Она создана на основе работ учёных – Г.П. Харючи, Л.А. Лара и литературных сведений разных авторов о священных местах Тазовского и Ямальского районов, по другим районам сбор сведений продолжается. По состоянию на 1 января 2013 г. База включает сведения о 718 священных местах (по информации Департамента по делам коренных малочисленных народов Севера ЯНАО).

Список литературы:

Барышев И.Б. Святые места острова Вайгач // История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему: сборник материалов научной конференции с международным участием. Архангельск, 2012. С. 331–332.

Боярский П.В. Остров Вайгач и создание системы особо охраняемых территорий в Арктике // История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему: сборник материалов научной конференции с международным участием. Архангельск, 2012а. С. 329–330.

Боярский П.В., Авенариус А.Г., Бадюков Д. Вайгач. Остров арктических богов. Изд-во «Paulsen», 2011. 576 с.

Вениамин, архимандрит (Смирнов). Самоеды мезенские // Вестник Российского географического общества. 1855. Ч. 14. Кн. 3–4.

Гейденрейх Л.Н. Канинские самоеды // Советский Север. 1930. № 3, 4.

Главацкая Е.М. Приполярная перепись 1926–27 гг.: Проблемы реконструкции религиозного ландшафта Обдорского края // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Материалы науч.-практ. конф. «Ямальские гуманитарные чтения». Салехард, 2011. Вып. 1 (70). С. 89–100.

Головнёв А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.

Головнев А.В. Путь к святыню / Этнографический документальный фильм. 1997. 47 мин.

Головнев А.В. Путь к Семи чумам // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 25–53.

Давыдов А.Н. Остров Вайгач: Новое открытие каменного лика Весак // История изучения и освоения Арктики – от прошлого к будущему: сборник материалов научной конференции с международным участием. Архангельск, 2012. С. 333–334.

Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову. Тюмень, 1992. 281 с.

Житков Б.М. Полуостров Ямал // Зап. Импер. Русского географического общества по общей географии. СПб., 1913. Т. 49. 249 с.

Земля ненэй ненэча – Земля настоящих людей. Историко-культурное наследие. Сборник / Автор-сост. И.С. Хэно. Тарко-Сале: Изд-во газеты «Северный луч», 2005. 150 с.

Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России. М., 2004. 184 с.

Зуев В.Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772). Труды Института этнографии, н.с. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 5. 96 с.

Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.

Костиков Л.В. Боговы олени в религиозных верованиях хасово // Этнография. 1930. № 1–2.
 Лар Л.А. Боги и шаманы ненцев Ямала // Народы Северо-Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. Вып.2. С. 161–171.

Лар Л.А. Священные места ненцев // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2000.

Лар Л.А. Культурные памятники Ямала. Хэбидя я. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. 173 с.

Лехтисало Т. Мифология юрако-самоедов (ненцев). Пер. с нем. Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. 136 с.

Окладников Н.А., Матафанов Н.Н. Тернистый путь к православию. Из истории обращения в христианство ненцев архангельских тундр. Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2008. 477 с.

Остров Вайгач (Хэбидя' Я – священный остров ненецкого народа). Природное и культурное наследие (Указатели, пояснительный текст к карте, справочные сведения). М., 1999. 128 с.

Остров Вайгач. Культурное и природное наследие. Памятники истории освоения Арктики. М., 2000. Кн. 1. 372 с.

Пушкарёва Е.Т. Историческая типология и этническая специфика ненецких мифов-сказок. М.: Мысль, 2003. 287 с.

Пушкарёва Е.Т. Картина мира в фольклоре ненцев: системно-фенологический анализ. Екатеринбург: ООО «Баско», 2007. 248 с.

Пушкарёва Е.Т., Бурыкин А.А. Фольклор народов Севера (культурно-антропологические аспекты). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 390 с.

Теребихин Н.М. Традиционная модель мира ненцев (к постановке проблемы) // История и культура ненцев европейских тундр (историко-краеведческий сборник). Нарьян-Мар, 1998. С. 15–39.

Теребихин Н.М., Овсянников О.В. Святилище «Козьмин перелесок» как памятник традиционной духовной культуры ненцев // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 223–246.

Тиваненко А.В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. Новосибирск: ВО «Наука», 1994. 150 с.

Ханзерова И.Л. Аргиш в прошлое / Документальный фильм. Нарьян–Мар: Государственная телерадиокомпания «Заполярье», 1996. 35 мин.

Харючи Г.П. Традиционные верования, обряды жертвоприношения и священные места гыданских ненцев в современном контексте // Тезисы Международной научной конференции «Традиционные культуры и среда обитания» 15–19 мая 1993, г. Москва. М., 1993.

Харючи Г.П. Традиции и инновации в этнической культуре ненцев (вторая половина XX века). Дис... канд. ист. наук (на правах рукописи). Томск, 1999. 271 с.

Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 228 с.

Харючи Г.П. Жертвенный комплекс культовых мест // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып.11. Обдорья: история, культура, современность. Салехард, 2002а. С.48–51.

Харючи Г.П. Культурные места ненцев – священные ландшафты // Северный Археологический конгресс: Тезисы докладов. 9–14 сентября, Екатеринбург; Ханты-Мансийск. Изд-во «Академкнига», 2002б. С. 157–158.

Харючи Г.П. Культурные места в традиционном мировоззрении ненцев // Олень всегда прав. Исследования по юридической антропологии. М., Издательский дом «Стратегия», 2003а. С. 140–149.

Харючи Г.П. Об изучении ненецких святилищ // V Конгресс этнографов и антропологов

России: Тезисы докладов. Омск, 9–12 июля 2003 г. М., 2003б. С. 315–316.

Харючи Г.П. Культурные места ненцев (сакрализация пространства) // Материалы Международного междисциплинарного научно-практического конгресса «Сакральное глазами “профанов” и “посвященных”». Москва, 21–30 июня 2004 г. (Этнологические исследования по шаманизму и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 10. Ч. 2). М., 2004а. С. 110–120.

Харючи Г.П. Материалы к описанию священных мест ненцев // Материалы Международного междисциплинарного научно-практического конгресса «Сакральное глазами “профанов” и “посвященных”». Москва, 21–30 июня 2004 г. (Этнологические исследования по шаманизму и иным традиционным верованиям и практикам. Т. 10. Ч. 2). М., 2004б. С. 121–126.

Харючи Г.П. Обзор литературы и архивных материалов // Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России. М., 2004в. С. 53–54.

Харючи Г.П. Различные типы священных мест // Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера России. М., 2004г. С. 78–80.

Харючи Г.П. Священные места: личный взгляд и особенности работы этнографа // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Материалы Всероссийской научной конференции «Ямал: история, историография, краеведение». Салехард, апрель 2005 г. Екатеринбург; Салехард: Изд-во: «РА АРТмедиа», 2005. С. 122–139.

Харючи Г.П. К вопросу о классификации священных мест ненцев // Ямал-регион: историческая ретроспектива и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ямальские гуманитарные чтения – 2006». Салехард; Екатеринбург: Банк культурной информации, 2006. С. 50–63.

Харючи Г.П., Тодышев М.А. Анализ эффективности мер по охране священных мест // Значение охраны священных мест Арктики: исследование коренных народов Севера Арктики. М., 2004. С. 116–127.

Хлобыстин Л.П. Древние святилища острова Вайгач // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 120–135.

Хомич Л.В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 329 с.

Хомич Л.В. Религиозные культы ненцев // Памятники культуры народов Сибири и Севера (СМАЭ. Т. 33). Л.: Наука, 1977. С. 5–28.

Хомич Л.В. Ненцы. Очерки традиционной культуры. СПб.: Русский двор, 1995. 336 с.

Шемановский И.С. Избранные труды: в 2-х т. / сост. и авт. вступ. ст. Л.Ф. Липатова. М.: Советский спорт, 2011. Т. 1. 304 с.

Kharioutchi G.P. Paysagessacres et lieux de culte dans la vision du monde traditionnelle des Nenets // Droit et Cultures / Revue semestrielle d'anthropologie et d'histoire / Anthropologie juridique en Russie. 2005. P. 79–87.

Kharyuchi Galina P. Nenets Sacred Sites as Ethnographic Landscape // Northern Ethnographic Landscapes: Perspectives from Circumpolar Nations / Igor Krupnik and Rachel Mason, and Tonia W. Horton, editors. 2004. P. 155–176.

Kharyuchi, Galina and Lipatova, Lyudmila. Traditional beliefs, sacred sites and rituals of sacrifice of the Nenets of the Gydan Peninsula in the modern context. In: P.J. Ucko and R. Layton. The Archaeology and Anthropology of Landscape. Shaping Your Landscape. One World Archaeology. 30. London; New York: Routledge, 1999. P. 284–297.

УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЯМАЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Цымбалистенко Н.В.

главный научный сотрудник

Государственного казённого учреждения Ямало-Ненецкого автономного округа

«Научный центр изучения Арктики»,

г. Салехард.

Утопия имеет свою историю, которая уходит истоками к классическим в этом жанре сочинениям Платона, утопистов христианского коммунизма, произведениям мыслителей Нового времени («Утопия» Т.Мора, «Город Солнца» Т.Кампанеллы, «История северамбов» У.Вераса), французских социалистов-утопистов XIII века, к учениям представителей утопического социализма начала XIX века (К.А. Сен-Симона, Ш.Фурье, Р. Оуэна).

Утопизм имеет глубокие корни и в русской ментальности, он является одной из важнейших парадигм российской культуры. Его влияние не могло не сказаться и на культуре народов северо-запада Сибири. Утопичность вообще есть производное от молодости культуры, а именно это качество определяло и определяет в значительной степени культурное развитие коренных народов Севера.

Отметим также, что две трети XX в. прошли в России под знаком построения коммунистической утопии, которая стала важнейшим идеологическим постулатом Советской власти. Построение коммунизма, социальное равенство и справедливость и, как результат, всеобщее счастье — все эти очень привлекательные, но неосуществимые по существу идеи вошли в плоть и кровь нескольких поколений людей, живший в пределах Советского Союза и странах, идеологически близких ему.

Не удивительно поэтому, что эти идеи были восприняты молодыми культурами Севера с энтузиазмом и продержались здесь дольше, чем где бы то ни было на просторах Евразии.

Но не только привнесённые идеи определили утопический характер ряда произведений коренных писателей Севера. На здешней почве сформировался и усиленно возвращается особый местный утопизм, который можно было бы назвать экологическим.

Речь идёт о той особенности северной ментальности, которая не отделяет человека от природного мира, о той ностальгической печали о временах гармоничного бытия северного человека вне технократической цивилизации, которая весьма характерна для многих произведений как коренных, так пришлых мастеров пера. Эти, так называемые «природные утопии» или робинзоны не являются, конечно, изобретением писателей Севера в XX веке. Руссоистская идея бегства от цивилизации, сентименталистское восхищение природой и надежда на её благотворное нравственное воздействие на человека, романтический пафос единения с миром простых и добрых народов, живущих вдали от центров цивилизации — всё это прослеживается в произведениях коренных писателей Севера, которые сознательно и неосознанно проходят путь свершений, озарений и разочарований европейской культуры и литературы XVIII–XX вв.

Идеи и даже сюжетные ходы многочисленных робинзонад и утопий, ассоциации с книгами Д. Дефо, Ф. Купера, Г. Мелвилла, Н. Готорна, А. Пушкина, М. Лермонтова, Г. Торо, Н. Чернышевского, У. Морриса, русских писателей-«деревенщиков» XX в. и многих других явственно или незримо присутствуют в произведениях современных писателей Ямала. Дело, конечно же, не в компиляции или плагиате, а в неких архетипах сознания, неких «общих местах», «врождённых идеях», через которые должен пройти любой мыслящий творец. Так, в литературной сказке Романа Ругина «Младший сын царя» хантыйский княжич Тавет переживает опыт библейского Ионы и древнегреческого Одиссея.

Особый интерес представляют произведения писателей Севера, в которых так или иначе трансформируются в применении к

местному материалу утопические и антиутопические мотивы.

В самом широком культурном контексте утопия как мечта о справедливом и счастливом общественном устройстве является одной из древнейших идейно-художественных структур в мифологии, религии, теологии, фольклоре, литературе, социологии, философии. А.Свентоховский выразил эту мысль следующим образом: «Желая начертать историю утопии в мельчайших её проявлениях, следовало бы рассказать всю историю человеческой культуры»¹.

Итальянский исследователь утопии А. Петруччани объясняет всеобщий интерес к утопии тем, что в ней ставится загадка всеобщего счастья². С другой стороны, в обыденном сознании этот концепт ассоциируется с чем-то неосуществимым. Тем не менее утопию неоднократно пытались воплотить в жизнь. В связи с этим Н.Бердяев заметил, что утопии оказались более осуществимыми, чем казалось раньше, и продолжил свою мысль: «И теперь стоит другой вопрос, как избежать их окончательного осуществления... как вернуться к не утопическому обществу, к менее совершенному»³. Тем самым русский философ как бы указывает путь развития и отношение к утопии в XX в., а именно, к формированию в литературе и социологии понятия антиутопии, то есть разоблачения утопических построений. Причем антиутопия может строиться в двух тональностях: трагической и сатирической. В первом случае, это демонстрация трагических воздействий на судьбы людей осуществленной утопии (таковы, например, антиутопия «Мы» Е. Замятина, «1984» Д. Оруэлла), во втором – сатирическое осмеяние утопического общества («Москва 2042» В.Войновича). Нередко обе эти тональности сочетаются, формируя некий трагифарс («О дивный, новый мир» О. Хаксли).

На вопрос о том, в чём же опасность и пагубность попыток воплощения утопических конструкций в жизнь, ответ дан всей социально-

политической историей XX в. Главная беда утопии (о чём предупреждал еще в XIX в. Ф.Достоевский) в том, что невозможно гармонично сочетать личную свободу, индивидуальность и общественное благо, подразумевающее абсолютное равенство, единомыслие, превратно понятую справедливость («всем поровну»). К чему привело воплощение этого принципа в 1917 г. в России хорошо известно. Тем не менее представляет несомненный интерес остановиться подробнее на этом вопросе.

Большинство исследователей отмечают следующие существенные черты утопий.

Это, прежде всего, их застылость (чтобы не сказать застойность), отсутствие динамики, развития, ведь счастье уже достигнуто, история кончена. Как неоднократно отмечалось, «в утопиях есть лишь туманное прошлое и нет никакого будущего».

Все утопии предполагают полное единомыслие, какие-либо принципиальные разногласия невозможны по определению, допустимо лишь соперничество «хорошего с лучшим». Как следствие в утопии принципиально не может быть каких-либо существенных конфликтов, различия между людьми не порождают возмущения или бунта. Действительно, все процессы в утопии развиваются по заранее установленному рациональному плану, всё предусмотрено и продумано. Другое дело, что утопия никак не подразумевает каких-либо отклонений от разумных установлений, связанных с чувствами, страстями, неосознанными импульсами и инстинктами людей. Этот момент всегда был камнем преткновения авторов утопий, поэтому они стремились свести до минимума сферы бытия людей, построенных на эмоциях (строгая регламентация любовных отношений, иногда даже вообще отказ от семьи и семейного воспитания детей).

Наконец, утопия предполагает полную автаркию, то есть, изоляцию совершенного утопического общества от остального несовершенного мира (видимо, их авторы хорошо понимали привлекательность запретного плода и стремились поместить своё идеальное государство на острове, либо же оградить его непреодолимой преградой).

1 Свентоховский А. История утопии. М., 1910. С.6.

2 Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной лит. – М.: Прогресс, 1991. С.111.

3 Бердяев Н.А. Новое средневековье. Берлин, 1924. С.121-122.

Тем не менее не следует думать, что в литературных утопиях нет ничего положительного. Во-первых, утопия даёт определённую установку на изменение общества к лучшему, она выполняет так называемую нормативную функцию, то есть, настраивает читателя, общество на некие прогрессивные изменения. Затем утопия несомненно обладает критической функцией, то есть она отталкивается от определенной негативной реальности. Присуща утопии и прогностическая функция: ее авторы так или иначе предугадывают некоторые черты будущего, пусть даже и негативные. В данном случае утопия связана с футурологией. Обладает утопия и конструктивной функцией: мечта, идеал так или иначе оказывают влияние на реальный ход развития. Наконец, утопия утешает и вселяет надежду на лучшее будущее — это психотерапевтическая или компенсаторная функция утопии, в этом сходство утопии с религиозными представлениями. Ведь основные религии мира также тесно связаны с утопическими представлениями: рай, парадиз, Елисейские поля есть ничто иное, как своеобразные утопические концепты.

Таким образом, литературная, «писаная» утопия сама по себе обладает как идейными, так и художественными достоинствами; книги Т. Мора, Т. Кампанеллы и многих других авторов утопий вошли в золотой фонд мировой литературы. Все проблемы начинаются тогда, когда искусственную, умозрительную конструкцию пытаются воплотить в жизнь.

Исследователи утопий определили необходимые условия для их реализации. Ч. Уолш приводит девять таких предпосылок. Во-первых, человек по природе своей добр, а имеющиеся у него недостатки — лишь результат неблагоприятных условий жизни. Во-вторых, человек чрезвычайно пластичен и в изменяющихся условиях легко меняется. В-третьих, нет какого-либо неустраняемого противоречия между благом индивида и благом общества. В-четвёртых, человек — существо разумное и способное становиться всё более разумным, поэтому можно устранить абсурды общественной жизни и установить рациональный порядок. В-пятых, в будущем имеется ограниченное число возможностей,

которые полностью поддаются предвидению. В-шестых, возможно обеспечить человеку счастье на земле. В-седьмых, люди не могут пресытиться счастьем. В-восьмых, возможно найти справедливых и мудрых правителей. В-девятых, утопия не угрожает человеческой свободе⁴.

Все эти положения теоретически были опровергнуты наиболее проникательными философами и писателями уже в XIX в. Об этом говорили и писали А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Г. Спенсер, Ф. Достоевский, М. Бакунин, Н. Бердяев и многие другие. Однако привлекательность радикальных социалистических идей, простых и быстрых действий перевесила предупреждения прозорливых и мудрых. Причём полигоном для проверки этих идей стала Россия, как бы оправдывая мрачный прогноз П. Чаадаева о том, что мы посланы в мир, чтобы показать другим народам, как не следует жить.

XX век наглядно доказал, что ни одно из этих условий невыполнимо по большому счету. Работы Ч. Ломброзо и З. Фрейда, открытия генетиков, работы по психологии масс Г. Лебона и Х. Ортеги-и-Гассета, теория коллективного бессознательного К.Г. Юнга и другие открытия современной психологии существенно подорвали просветительскую веру в добрую природу человека, а приход к власти тиранов после революционных переворотов практически свёл на нет прекраснотушны надежды идеалистов XIX в.

Однако все эти положения и выводы стали общепонятными и очевидными лишь к концу XX в. Необходимы были страшные катаклизмы прошедшего века, войны, ссылки, концлагеря и тоталитарные режимы, чтобы эти истины мало-помалу утвердились в сознании образованной части нашего общества.

Тем более удивительным представляется роман Ивана Истомина «Живун» (1970), посвящённый той самой эпохе, когда на российских просторах огнем и мечом унавивалась власть утопии.

Этот роман следует признать первым произведением большой эпической формы, написанным ямальцем о Ямале. «Живун»

⁴ Walsh Ch. From Utopia to Nightmare. L., 1962. P.151.

объединяет в себе такие жанровые разновидности, как утопия и робинзонада, элементы автобиографического, исторического, этнографического, социально-бытового, психологического, авантюрного, любовного романов. В романе Истомина поставлены кардинальные проблемы бурного бытия начала XX в. не только российского Севера, но и всей страны. Это в первую очередь утопическая идея – вечная народная мечта о счастливом и справедливом устройстве общества и вера в возможность её осуществления. Это комплекс проблем, связанных с российской революцией 1917 г.: революция и народ, религия и народ, социально-имущественное расслоение и т.п. Это также круг национально-этнографических проблем: взаимоотношения коми-зырян, русских и ханты. Это и «вечные сюжеты» человеческих взаимоотношений – любовь, измена, супружество, мужской и женский взгляды на мир.

Однако метаидеей романа представляется всё же утопия, вернее, её несостоятельность. В книге И. Истомина утопия показана ненавязчиво, она органично входит в ткань повествования. Её герои не слишком задумываются о теоретических постулатах построения идеального общества, они поступают согласно своим убеждениям, которые сформировались под воздействием революционных событий в России после 1917 г., что придаёт истории, рассказанной в романе, достоверность и жизненную правдивость⁵. В этом принципиальное отличие романа Истомина от многочисленных предшествующих литературных утопий, имевших по преимуществу умозрительный характер. С другой стороны, народное мироощущение и в чём-то наивная вера героев Истомина в грядущее счастье роднят его книгу с произведениями А. Платонова, в частности, с его «Чевенгуром». Однако, думается, И. Истомина при написании романа вдохновляли не философские и литературные утопические построения, а конкретная реальность его детства и юности, когда социальная утопия сознательно и бессознательно, добровольно

и насильственно входила в обыденную жизнь огромной страны. Именно это было, возможно, самым трагическим моментом истории России XX века, когда человек принимал всерьёз возможность построения рая на земле.

Как уже говорилось выше, роман «Живун» был написан по следам реальных событий, которые произошли в начале 20-х годов в маленьком селении Мужы, стоящем на высоком берегу Оби, населённом в те времена в основном коми-зырянами. Под вымышленными именами в нем фигурируют конкретные жители Мужей, в том числе и сам И. Истомин. Прототипом главного героя Варов-Гриша был отец писателя Григорий Федулович Истомин, его жена Еленя – мать писателя Елена, а маленький увечный Илька – не кто иной, как сам будущий писатель. Обнаружены прототипы и у большинства других персонажей романа, однако это не означает, что писатель замыкается в рамках автобиографического повествования. Воспоминания детства и юности служат лишь основой, базой для создания глубокого философского произведения о судьбах людей, попавших в круговорот революционных событий. И, может быть, не случайно роман был издан лишь в 1970 г., то есть во времена относительно либеральные, когда власть впервые позволила малую толику критицизма в свой адрес. Именно в 60-е годы появилась ведь и «деревенская проза» В. Белова и В. Распутина, и «сердитые» стихи и повести Е. Евтушенко и В. Аксёнова. При глубинном прочтении романа Истомина, внешне правильного, «соцреалистического», выявляются весьма глубокие и нелицеприятные размышления о самой сути социалистических преобразований. Причём этот критический подход к изменениям идет не «сверху», от интеллигенции, а «снизу», от народа, что для власти было ещё опаснее.

Примечательно также, что И. Истомин облекает свои серьёзные размышления в адекватную художественную форму. В литературе хорошо известен приём так называемого «лабораторного» исследования, когда глобальные проблемы бытия исследуются на маленьком клочке земли, в изолированной группе людей, где, как в капле воды, отражаются конфликты

⁵ О прототипах героев романа «Живун» смотри в книге: Истомин И.Г. Первые ласточки: Роман, пьеса, стихи, песни, сказки, воспоминания. Т.2. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. – С.340–347

и проблемы «большого мира» незамутненно и рельефно. Так поступал У. Фолкнер, создавая свою Йокнапатофу, таковы многочисленные робинзонады мировой литературы, начиная с «Робинзона Крузо» Д. Дефо вплоть до «Повелителя мух» У. Голдинга.

Сюжет романа И. Истомина чётко определён в пространственном и временном отношениях. События начинаются на «пятом году советской власти», то есть в 1922 году и длятся ровно год. Действие разворачивается в поселке Мужы и в живописной местности на берегу Малой Оби, где четыре семьи решили организовать рыболовческую парму (артель). В романе параллельно развиваются и переплетаются две основные сюжетные линии: история организации, жизнедеятельности и краха пармы-утопии и любовные коллизии, связанные с образом Куш-Юра, «голологового» — большевика Романа Ивановича, возглавившего коммунистическую ячейку в Мужах. Композиция романа также свидетельствует о продуманности его структуры: главы о парме регулярно чередуются с главами, посвящёнными событиям в Мужах. Глава 11 «Встань-трава», повествующая о детстве и тяжёлой болезни Ильки, является своеобразным вставным эпизодом в романе, не имеющим прямого отношения к перипетиям романа. Однако в идейном отношении она очень важна и не случайно помещена в самый центр повествования: фигура маленького Ильки — это ведь сам автор в детстве, он также создатель романа, демиург. Более того, трагедия больного ребёнка ассоциируется с драмой творящегося молодого мира, изначально в чём-то ущербного и требующего огромных физических, волевых и нравственных усилий для своего выживания. Ведь вся история революционной и постреволюционной России XX века постоянно требовала от людей невероятных усилий для осуществления того, что в нормальных условиях можно было бы сделать с меньшими затратами пота и крови.

Показательна в этом отношении первая глава романа: в ней завязка и ключ пониманию всего дальнейшего повествования. И. Истомин не скрывает того, что не так уж плохо жилось людям в Мужах до революции: «На

всех хватало рыбы в Оби, зверя и птицы в тайге. Летом приходили пароходы, купцы забирали рыбу, пушнину, в обмен давали снасть, порох-дробь, ружья, соль, муку, картошку, лук, особенно любимый женщинами, — в чай его кладут, как ягоды. Водку — само собой. Жили. Сыты через край не были, но и голодом не сидели. На сторону не уходили...»⁶.

Идея об уходе появилась после революции, когда относительно налаженный быт был разрушен напрочь: «Припасы на исходе. Купцов ждать не приходится, новые начальники, вроде Куш-Юра, пускать их не стали. Обманщики мол, людей обирают. Так-то оно так, да кабы в мир-лавке, «коопративе» энтот, хоть бы мышь ночевала. А то харчей нет, винки и подавно... Дети мрут, женщины мрут, мужики мрут, словно рыба в тухлой воде...»⁷. В этих простых, но очень точных словах обыкновенных рыбаков из Мужей слышится здоровый народный смысл, чувствуются шолоховские интонации. Новый начальник Куш-Юр, русский большевик Роман Иванович, невесть как оказавшийся в Мужах, вызывает у жителей двойственное чувство. С одной стороны вроде бы защищает бедняков, представляет новую власть (а власть в народе всегда уважаема до поры до времени), а с другой — «...что он понимает в зырянской жизни, Гологоловый! Неводил? Нет. Зверя промышлял? Нет. Политический... Кабы не пошел против царя, знал бы он, что есть на свете Мужы? Ну и живи, коль в селе остался. Назначили властью — ставь печать. Речи говори, у кого охота есть — помозолит уши...»⁸. И интонации, и ситуация, и персонаж опять заставляют вспомнить «Поднятую целину» и Семёна Давыдова, приехавшего из Ленинграда учить казаков работать на земле. Появляется у Истомина и свой Макар Нагульнов — Варов-Гриш — балагур, забавник, мечтатель, энтузиаст. Это он будет мечтать, как не один уже мечтал в русской литературе от Манилова до Веры Павловны: «Ему виделся Вотся-Горт,

6 Истомин И.Г. Живун: Роман, повесть, рассказы. Т.1 / Предисл. Афанасьева Ю.Н. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1997. – С.61. В дальнейшем все сноски делаются по этому изданию.

7 Цит. соч., с.63.

8 Цит. соч., с.61.

залитый солнцем, с ровными улицами, с одинаковыми аккуратными домиками, с белопенной черемухой в палисадах. Посреди Вотся-Горта, на большой площади, каменная школа и каменный с колоннами Нардом. С тремя колоннами. И народ веселый и нарядный идёт смотреть представление. А он, Варов-Гриш, с гармонией, встречает всех задорной песней...»⁹.

Идею создания пармы поддерживают также непутёвый шепелявый мужичонка Сенька по прозвищу Германец, о котором жители Мужей по-народному метко говорят: «В котел от него — ёршик, а зачерпнёт — осетра. Понятно, зачем едет, — на чужой счёт пожить»¹⁰. Едет и здоровяк Гажа Эль, который всегда навеселе и «...спяну спалил свою избу. Теперь ему всё равно, где жить. Потому и уезжает»¹¹. Четвёртый член Пармы — Мишка Караванщик, который и с белыми воевал, и рыбацкие караваны к купцам водил. Досужее мнение в селе гласит, что уговорил Мишку ехать Куш-Юр, чтобы избавиться от соперника в любви к местной девушке Сандре (на самом деле всё обстоит иначе, но сплетникам нет дела до истинного положения вещей: оболгать и принизить человека важнее).

Таким образом, строить новую жизнь едут наивный энтузиаст Варов-Гриш, непутёвый мужик Сенька Германец, любитель выпить Гажа Эль, авантюрист и рвач Мишка Караванщик. Сам подбор строителей «новой жизни» говорит сам за себя, хотя писатель далек от какой-либо тенденциозности и схематизма в описании своих героев: это люди из плоти и крови со своими достоинствами и недостатками, с противоречивыми человеческими характерами.

Писатель в этой же первой главе даёт своего рода социологический срез отношения жителей Мужей к идее переезда. Молодёжь активно поддерживает новую идею, женщины и старики — против. Последние мудро рассуждают, опираясь на давние народные традиции: «...За коим лядом людей с места сбивать? Зырянин — не ханты, не ненец, оседлый

он спокон веков...»¹². Женщины возражают против идеи переезда скорее эмоционально, отстаивая более или менее налаженный уклад жизни.

Наиболее здравые суждения высказывают мужики — хозяева и кормильцы. Сама идея пармы как добровольного временного объединения рыбаков им давно известна, однако вызывает сомнения не проблема добычи, но способ её справедливого раздела — вечный камень преткновения всех виртуальных и реальных утопий. Мужиков смущает в первую очередь то, что в парму едут с бабами и детьми. Спонтанный и неконтролируемый процесс деторождения всегда смущал рациональные умозрительные схемы поборников социальной справедливости и тотального равенства. Об этом же задумываются простые мужевские рыбаки: «Твоя баба каждый год носит. Моя — раз рожала, и того Бог прибрал. Ты дюжину раз хлебнёшь, а я — два...»¹³.

Прекрасно понимают мужевские мужики и другой большой вопрос всех утопических построений — о неравенстве человеческих способностей и талантов, о весьма разной устремлённости к труду (проще говоря, о трудолюбии и лени), наконец, о различиях в физической силе и красоте. Все эти факторы сыграют свою роль в распаде пармы, но ещё до её образования мужевцы — охотники и рыбаки — здраво размышляют: «Охота — не невожья. Зимой всё одно промышлять придётся врозь. Только как же тут с делёжкой-то поровну? Один — хороший следопыт, меткий стрелок, другой — так себе, а третий — и ружьё-то держать не умеет...»¹⁴.

Еще одно мнение по поводу пармы высказывает старший брат Варов-Гриша Петул-Вась — сельский грамотей, «читальщик»: «В прежнее-то время за старую веру в скиты уходили, а вы, стало быть, новую придумали?»¹⁵. Сельский философ удивительно глубоко понял религиозную сущность новой власти. Более того, именно истовая вера является

12 Цит. соч., с.61.

13 Цит. соч., с.62.

14 Цит. соч., с.64.

15 Цит. соч., с.75.

9 Цит. соч., с.94.

10 Цит. соч., с.64.

11 Цит. соч., с.64.

единственным условием и гарантом долготельства колоний, подобных той, какую задумали жители Мужей (достаточно вспомнить поселения русских староверов в Америке и у нас в Сибири, описанные не так давно в очерках В.Пескова «Таежный тупик»). Но этого объединяющего духовного начала не было, к сожалению, у основателей мужевской пармы.

Социальный эксперимент, описанный в романе И. Истомина, достаточно хорошо иллюстрирует несовпадение реальных жизненных обстоятельств, характеров и страстей живых людей с идеальными утопическими требованиями.

Как уже говорилось выше, основная сюжетная линия романа связана с историей пармы. Автор, следуя традиционной схеме приключенческого романа, заставляет своих героев отправиться в путешествие по реке, пережить во время путешествия ряд приключений и даже небольшую бурю, прежде чем они оказались в благословенном Вотся-Горте (можно предположить, что пером писателя водили ассоциации с наверняка прочтенным в детстве «Робинзоном Крузо» Дефо, в котором герой испытывает подобные же перипетии).

Уже с самого первого дня пребывания на новом месте обнаруживаются первые проблемы и конфликты, пусть поначалу незначительные, но весьма показательные. И начинают их более эмоциональные и импульсивные по натуре женщины, не желающие во имя большой идеи поступиться мелкими неудобствами (характерно, что многие авторы предшествующих утопий стремились населить их исключительно мужчинами, вспомним опять-таки «Робинзона Крузо» Дефо и «Таинственный остров» Ж. Верна — произведения, типологически близкие роману И. Истомина). Женщины недовольны необходимостью жить по две семьи в одном доме, «общим куховарением», каждая стремится ухватить лучшую рыбку для своего ребёнка и т.п.

Но и мужчины показывают себя не лучшим образом в первые дни. И.Истомин описывает эпизод, в котором человеческая натура проявляется весьма неприглядно. Энтузиаст Варов-Гриш решает накормить всю колонию

птичьими яйцами. Однако дармовая еда порождает у новоприбывших вспышку жадности и обжорства, каждый стремится съесть как можно больше яиц, щуплый Сенька Германец опережает в количестве съеденного даже огромного Гажа Эля. Сцена описана с долей иронии и горечи. Варов-Гриш, сам съевший меньше всех, возмущенно говорит: «На даровщинку накнулись! Будто кто отнимает. Али бояться, что другому больше достанется? Если не лениться, так с пустым брюхом ни один не будет».¹⁶ В данном случае нельзя заподозрить автора в пристрастно-негативном отношении к своим героям, скорее наоборот, И. Истомин на протяжении всего романа относится к ним с большей или меньшей долей симпатии. Однако писатель хорошо знает человеческую натуру со всеми её достоинствами и недостатками и не стремится приукрасить её — в экстремальных ситуациях далеко не каждому человеку удаётся оставаться на высоте положения. Описанный эпизод показателен и в другом отношении: он являет собой пример непредсказуемости человеческих потребностей и невозможности рационального его учета (по логике вещей богатырь Гажа Эль должен был бы съесть гораздо больше, чем маленький Сенька).

Скорее забавный эпизод с яйцами стал лишь прелюдией к более существенным конфликтам и спорам. Жизнь в парме стала понемногу налаживаться, мужики занялись своим привычным делом — рыбной ловлей, и тут возникла кардинальная проблема: как делить улов? Здесь столкнулись интересы многодетных и бездетных. Выразителями двух крайних позиций в этом вопросе стали Мишка Караванщик и опять-таки Сенька Германец. Бывший партизан и индивидуалист Мишка отстаивает по-своему справедливую позицию: «Сообща промышлять, а добычу ...— каждому рыбаку на рыло...» Но можно понять и Сеньку: «По-справедливому делить — по детям!» Ирония судьбы заключалась в том, что у никудышного рыбака и охотника Сеньки было шестеро детей. В конце концов выясняется, что у каждого из четырёх мужиков в парме своё представление о справедливом разделе улова: Гажа Эль за равную делёжку между

¹⁶ Цит. соч., с.111.

теми, кто промышлял; Сенька — за делёжку по едокам; Варов Гриш — за общий котёл и общий засол; Мишка — против всякой делёжки: кто что добыл, то и забирает.¹⁷ Таким образом, в политических представлениях своего времени Варов-Гриш и Сенька стояли за военный коммунизм, Гажа Эль отстаивал более умеренную социалистическую позицию, Мишка Караванщик был сторонником анархизма. Однако не столь даже важно, к каким политическим платформам интуитивно примыкали мужевские мужики. Как представляется, мудрый писатель хотел подчеркнуть в данном случае глубинную философскую и нравственную мысль, которая и до сих пор не вполне вписалась в сознание наших современников: у каждого человека — своя правда, своё представление о добре и справедливости. И. Истомин таким образом опровергает один из основополагающих принципов утопии — тезис о единомыслии.

Эфемерным оказывается и ещё один важный постулат утопии — о возможности выживания в полной изоляции. Хорошие уловы рыбы требуют сохранности, а для этого необходима соль. Пармщики вынуждены на кабалных условиях взять в долг соли у купца-ханты. При достаточно иронично-критическом описании конкретного живодёра-накопителя, автор помещает в свое повествование подлинный гимн купцу, торговле, предпринимательству, как бы предвидя грядущие перемены в стране (напомним, что роман писался в 60-е годы): «Купцы обратно заведутся. Как без купца? Как тайга без зверя? Как Обь без рыбы? Как ханты без чума? Как мужик без бабы? Нельзя без купца...»¹⁸.

Не выдерживает испытания практикой и тезис о нравственном

возрождении человека в непосредственном контакте с природой и о благодатной роли физического труда. Тяжело работающие рыбаки отдыхали в страдную летнюю пору только дважды — в Петров день и в Ильин день. Но в эти дни не выпить считалось грехом. И вынуждены пармщики опять идти на поклон к хитрому старшине-ханты, который за две бутылки спирта забирает почти весь результат

тяжёлого рыболовецкого труда. День веселья кончается горьким похмельем. Истязает спяну своего коня в общем-то добродушный Гажа Эль, уединяется в сарае Мишка с женой мертвецки спящего Сеньки.

К концу лета колонисты, измученные мошкаррой, вынужденные опять работать на хантыйского старшину, рассорившиеся из-за проблем между мужчинами и женщинами, решают съездить на неделю обратно в Мужи — тем самым идея пармы, строительства маленького рая на земле даёт глубокую трещину. Сельский философ Петул Вась пророчески отговаривает пармщиков возвращаться: «Вы одичаете пуще и вовсе рассоритесь. Надоедите один другому...»¹⁹.

И он оказывается прав. На осень и зиму пармщики возвращаются в Вотся-Горт, но нет уже даже того относительного благожелательства между ними, какое было в начале их совместной жизни. Драма их жизни приобретает почти трагедийный характер, когда жена Сеньки Германца рождает двух рыжих мальчишек, удивительно похожих на Мишку. Жена Мишки Сандра пытается повеситься, муж бьёт её смертным боем. С трудом доживают колонисты до весны и возвращаются в Мужи. Так завершается неудачный утопический эксперимент на Оби, но автор далёк от пессимистического взгляда на мир и окружающую его действительность. Наступает весна, поправляется Сандра, подрастают дети, приходит весть о новых, более человеческих законах, принятых в Москве. С событиями большого мира тесно связана вторая сюжетная линия в романе — история русского большевика Куш Юра.

Русский большевик Роман Иванович, прозванный мужевцами Куш Юром — «голо-головым», также имел реального прототипа, однако опять-таки И. Истомин делает из него характерный и «знаковый» художественный образ. Этот образ также напрямую связан с утопией, как с «малой», мужевской, так и, в первую очередь, с большой российской утопией 1917 года. Утопизм этот проявляется в том, что именно Куш Юр был идейным вдохновителем мужевской пармы, затем он же будет воплощать в жизнь высочайшие

---

¹⁷ Цит. соч., с.148.

¹⁸ Цит. соч., с.162.

---

¹⁹ Цит. соч., с. 297.

указания об огосударствлении всего северного хозяйства («Госрыба» и т.п.). И малую, и большую утопию постигнет одна и та же судьба: временной промежуток в полстолетия, на которые большая утопия пережила малую, — в сущности ничто с точки зрения вечности.

В своем развенчании утопического сознания И. Истомин идёт дальше, показывая, как тоталитарные догмы разрушают не только социальную жизнь всего народа, но и губят отдельные человеческие судьбы. Утопия, как литературная, так и реальная, в первую очередь претендует на полноту власти над духовным миром людей, на полное подчинение всего естества человека целям идеального общества, вплоть до его интимной жизни. Проблемы любви, деторождения, отношений мужчины и женщины являются характерным содержательным компонентом многих утопий и антиутопий, начиная с «Города Солнца» Т. Кампанеллы и вплоть до произведений Е. Замятина и Д. Оруэлла. И. Истомин продолжает эту линию в своём романе. В частности, много места в нём уделено любовным взаимоотношениям Куш Юра с двумя мужевскими женщинами — Сандрой и Эгрунью. Эти два женских персонажа выписаны со всей психологической и этнографической достоверностью и в то же время являются как бы двумя полюсами женской природы. Скромная и нежная Сандра, этакая мужевская мадам де Реналь, противопоставлена яркой и страстной Эгруни — Матильде де ла Моль с Оби. Однако стэндалевским страстям и любовным переживаниям нет места в мире, где над всем доминирует дурно понятый классицистический принцип верховенства долга над чувством. Умом и сердцем тянется Куш Юр к чистой и доброй Сандре, но та не может уступить любимому без церковного благословения. Но и Куш Юр непреклонен: партия не позволяет венчаться в церкви. В результате Сандра вынуждена выйти замуж за нелюбимого и грубого Мишку Караванщика.

Непросты и взаимоотношения Куш Юра с другой женщиной — красавицей Эгрунью. Дочь сельского богатея, она, не боясь общественного осуждения, открыто преследует своими ухаживаниями Куш Юра, в котором видит настоящего

и решительного мужчину. Верный большевик не остаётся равнодушным к ее женским прелестям, но и в этом случае их любви препятствует социальное происхождение Эгруни: «Совесть не позволит с Озыр Митькой породниться. Да и народ не простит»²⁰. Все знающий и все видящий народ Мужей действительно не прощает: «Сколько в селе бедняцких девушек, а председатель польстился на кулацкую дочку»²¹. Так во имя классовой чистоты и религиозного пыла оказались сломанными судьбы нескольких человек: изменяет нелюбимой жене и бьёт её смертным боем Мишка, без любви выходит замуж Эгрунь, остается одиноким Куш Юр. И опять напрашивается сравнение коммунизма с новой и ещё более строгой религией, нежели та, которая была у зырян ранее.

Особое место в романе И. Истомина занимает глава «Встань-трава», в которой повествуется о трагической судьбе сына Варов-Гриша — маленького Ильки, разбитого полиомиелитом. Писатель рассказывает грустную историю собственного детства, однако и она вписывается в широкий контекст утопического сознания.

Попав в бурю на реке, мальчик простудился, в результате у него парализовало ноги — он лишился способности ходить. Через некоторое время благодаря средствам народной медицины (врачей в ту пору на Ямале не было) к мальчику возвращается способность кое-как передвигаться ползком. Но Ильке страстно хочется полностью вылечиться и бегать, как другие его сверстники. Из глубин народного мифологического сознания всплывает предание о чудесном излечении Ильи Муромца с помощью особой травы («встань-трава»). Однажды в лесу мальчик натывается на необычное растение (которое на поверку оказывается просто папоротником) и искренне надеется, что это и есть желанное снадобье. Выпитый отвар, как и следовало ожидать, не принёс никаких результатов. Это приводит ребёнка к обиде на Бога: «Бог злой, только наказывает меня. Что я сделал ему худого?»²²

²⁰ Цит. соч., с. 184.

²¹ Цит. соч., с. 215.

²² Цит. соч., с.201.

Драматическая история детства носит автобиографический характер, однако у большого писателя каждая деталь, каждый элемент повествования не случаен. Незамысловатая, в сущности, история Ильки наталкивает на ряд ассоциаций культурологического и литературоведческого характера. Это, в первую очередь, близость народного сознания, фольклора зырян к русской народной культуре (Илья Муромец вошёл в зырянские предания). Это также архетип коллективного бессознательного о целительной силе земли, природы в целом. Это и литературная переключка с Достоевским о слезе ребёнка. В контексте настоящего исследования история Ильки важна как пример религиозной (утопической по сути) веры в спасение и разочарование в ней. Истовая вера Ильки приводит к столь же абсолютному отрицанию идеи Бога. Наконец, в социокультурном аспекте эту же историю ребёнка можно рассматривать как аналог, своеобразную метафору молодого, становящегося мира, народа-младенца, втянутого в страшную круговерть новой мифологии, политической религии и утопической идеи творения рая на земле. Из этой бури народ вышел глубоко травмированным, и результаты этой духовной увечности мы ощущаем до сих пор. Самому И.Г. Истомину героическим усилием воли удалось преодолеть страшную болезнь, хотя её последствия он ощущал на протяжении всей жизни.

Роман И. Истомина продолжает традицию ряда утопических романов XIX в., в которых

удачно начавшийся утопический эксперимент постигает в конечном итоге сокрушительная неудача. Таков, например, роман Ф. Купера «Кратер» (1848), в котором герои, оказавшиеся волею судьбы на необитаемом острове в Тихом океане, также поначалу удачно строят мир справедливости и добра. Но как только население колонии превышает определённую грань, на острове вновь воцаряется имущественное неравенство, национальная и религиозная вражда. В романе И. Истомина хорошо показано, как даже в самом маленьком коллективе с течением времени появляются неразрешимые противоречия, которые сводят на нет все усилия по сохранению мира и благополучия в общине.

Таким образом, роман Истомина представляет собой некий переходной вариант от утопии Кампанеллы к антиутопии Замятина. Писатель в своём произведении не показывает ужасов тоталитаризма, но наглядно демонстрирует всю сложность совместного бытия небольшого коллектива людей, по доброй воле согласившихся жить совместно. Как выясняется, даже в этом Ноевом Ковчеге со временем назревают конфликты, которые возможно решить только каждой семейной паре в отдельности. Вряд ли И. Истомин был знаком с пьесой Ж.П. Сартра «Взаперти», написанной в 40-е годы XX в., однако вывод французского писателя-экзистенциалиста, сказавшего: «Ад — это другие», — вполне подходит и к ситуации романа «Живун».

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Новое средневековье. Берлин, 1924.
2. Истомин И.Г. Живун. В 2х томах. Екатеринбург, 1997.
3. Свентоховский А. История утопии. М., 1910.
4. Утопия и утопическое мышление: антология зарубежной литературы. М., 1991.
5. Уэллс Х.Г. Современная утопия. СПб, 1906.
6. Флоровский Г.В. Метафизические предпосылки утопизма // Вопросы философии. 1990, № 10, С.88-89.
7. Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII –XIX вв. М., 1967.

**МОНИТОРИНГ И МОДЕЛИРОВАНИЕ
ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ:
ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО НАПОЛНЕНИЯ И МЕТОДА**

Южаков А.А.

*д.с-хоз. н., ФГБОУ ВПО «ТюмГУ»,
г. Тобольск.*

Предложение об организации мониторинга северного оленеводства включено в Каутокейнскую декларацию IV Конгресса оленеводов мира (2009г). Рядом международных научных и общественных организаций подготовлен и внедряется в странах Субарктики мониторинг систем оленеводства RANGIFERAS AN INDICATOR OF CHANGE IN THE CIRCUMPOLAR ARCTIC: Developing a monitoring program, широко представленная в сети Интернет (www.rangifer.net). Очевидно, что и возможность проведения этнологической экспертизы на территориях традиционного природопользования, будет затруднена без оперативных данных о текущем состоянии этнокультурного и этносоциального комплекса, включая демографический тренд. В постоянном системном мониторинге нуждаются традиционные хозяйства и органы местного самоуправления (МСУ). Те и другие заинтересованы в получении точной и полной информации о состоянии земель, затронутых промышленным освоением: оленеводам нужны пастбища, а администрациям – пополнение в бюджет в соответствии с размером ущерба на поврежденных территориях. Мы не располагаем данными об эффективности на практике систем мониторинга традиционных систем природопользования, разрабатываемыми нашими зарубежными коллегами. Но нам известно, что в российском секторе Арктики комплексной системы мониторинга традиционного природопользования, включающего одновременно экологические и социально-экономические параметры, до сих пор не существует. Вместе с тем, в современной России на федеральном и региональном уровнях производится сбор данных по кочующему населению и состоянию оленеводства. Так, в девяностые годы прошлого столетия, ряд показателей по оленеводству в

ТПП отслеживали Госкомстат и Госкомсевер, после реорганизации последнего часть его функций по сбору социально-экономической информации в районах Крайнего Севера перешла к Минрегиону и региональным администрациям. Показатели экономического состояния оленеводческих хозяйств Севера по форме 25-СХ (поголовье оленей, производство продукции) собирает Минсельхозпрод (табл.1). Управление ветеринарии собирает сведения о заболеваниях оленей по формам 1-ВЕТ и 2-ВЕТ. Мониторинг численности хищников, представляющих опасность оленеводству, ведут районные управления биоресурсами. Демографические и некоторые социально-экономические показатели по коренным малочисленным народам Севера собирает Росстат через свои территориальные управления. Медицинская статистика ведётся лечебными учреждениями и муниципальными управлениями здравоохранения. Органы соцзащиты контролируют только ту часть кочующего населения, которая получающие различные формы защиты. Органы занятости – соответственно трудоспособную группу кочевников. Каждое ведомство ведёт наблюдения по собственным методикам, и они не связаны с другими видами ведомственного учёта посредством комплексного анализа полученных показателей. Ряд социально важных показателей, таких как качество и уровень жизни кочевников, сохранность духовной культуры и традиций не контролируется вообще. Заинтересованными в комплексном мониторинге оленеводства, заказчиками данного вида научной продукции должны быть, прежде всего, органы МСУ, поскольку основная ответственность за социально-экономическое состояние местного коренного населения возлагается на них. В районах планируемого

промышленного освоения заказчиками мониторинговых исследований должны быть компании-исполнители работ. Но сегодня системные мониторинговые исследования по заказу МСУ и промышленных предприятий проводятся только на территории Ямальского района, в остальных муниципальных образованиях они единичны, неполны и не связаны в единую схему. Исполнителями таких исследований выступают научно-исследовательские учреждения РАН, РАМН, Россельхозакадемии, университеты, независимые исследователи. В последние годы заметно увеличилось участие иностранных исследователей в мониторинговых проектах, в частности представителей скандинавских стран. При их инициативе и участии реализуется проект EALAT, направленный на изучение проблем устойчивости циркумполярного оленеводства и использование традиционных знаний аборигенов (<http://arcticportal.org>). Значительный объём мониторинговых исследований российского и зарубежного оленеводства проводится проф. К.Б. Клоковым с коллегами [1]. Демографические показатели самого кочующего народа Субарктики – ненцев – за последние 80 лет исследовала Е.А. Волжанина [2]. Есть работа, посвящённая проведению этнологического мониторинга в условиях промышленного освоения территории ЯНАО [3]

Около 40% коренного населения Ямала кочует с оленями – этот показатель уже в течение полувека существенно не меняется. В течение 1930–1962 гг. произошёл т.н. «перевод кочевников на оседлость» в ходе коллективизации, а затем, и реорганизации мелких колхозов (75) в крупные совхозные и рыбо-заводские предприятия (24), строительства и расширения национальных посёлков: Белоярск, Панаевск, Самбург, Яр-Сале, Сеяха, Гыда, Антипаюта, Тазовский и др. Согласно советским источникам, в этот период количество семей, ведущих кочевой образ жизни уменьшилось на треть [4].

Анкетный опрос глав и членов кочующих семей Ямальского и Тазовского муниципальных районов проведённый нами в 2012 году, в рамках исследования проблем этнического

олeneводства среди 117 семей (11,4% всех кочующих), показал следующие результаты (см. рисунки). Продукция оленеводства идёт в основном на нужды семьи у 48% опрошенных, примерно поровну на нужды семьи и на продажу у 46%, в основном на продажу лишь у 4%. Основными покупателями продукции (60 и 70%) являются заготовительные организации и сельхозпредприятия, При этом в 60% случаев оленеводы подтвердили полную возможность выбрать покупателя, 32% – имеют её не всегда, 8% – не имеют вообще. На вопрос «как изменилось материальное положение Вашей семьи за последние 3 года?», дали ответ «несколько улучшилось» 18% респондентов, «осталось на прежнем уровне» – 44%, «несколько ухудшилось» – 25%, затруднились ответить 13%. Существенного ухудшения, равно как и улучшения, не отметил никто. Собственных доходов хватает на удовлетворение повседневных нужд и покупку одежды, обуви у 46% опрошенных семей, хватает на покупку снегохода, лодочного мотора и т.д. – у 21%, хватает только на питание 33%. Ни одна семья не ожидает существенного улучшения материального положения в ближайшие два-три года, как и резкого ухудшения. На некоторое улучшение надеются 38% респондентов, не ждут изменений 14%, ждут некоторого ухудшения 4%, затруднились ответить 44%. Данные по кочующему населению структурированы нами в электронную базу данных «NomadFolk» [5]. В качестве системы управления базами данных (СУБД) нами используется широко известная Firebird^{1*} (FirebirdSQL).

1 Firebird – компактная, кроссплатформенная, свободная система управления базами данных, работающая на Linux, Microsoft Windows и разнообразных Unix платформах. В качестве преимуществ Firebird можно отметить многоверсионную архитектуру, обеспечивающую параллельную обработку оперативных и аналитических запросов (это возможно потому, что читающие пользователи не блокируют пишущих), компактность (дистрибутив 5Mb, готовая база данных – 15 Mb), высокую эффективность и мощную языковую поддержку для хранимых процедур и триггеров. Firebird используется в различных промышленных системах (складские и хозяйственные, финансовый и государственный сектора) с 2001 г. Это коммерчески независимый проект C и C++ программистов, технических советников и разработчиков мультиплатформенных систем управления базами данных, основанный на исходном коде, выпущенном корпорацией Borland 25 июля 2000 года в виде свободной версии Interbase 6.0 [Википедия].

Непростая ситуация складывается с организацией мониторинга оленьих пастбищ: огромные малозаселенные территории требуют применения новых современных методов наблюдения в режиме реального времени. Для принятия оптимальных управленческих решений требуется оперативное представление полученных оцифрованных данных в виде электронных карт и ГИС. Поскольку практически все территории оленьих пастбищ относятся к землям госземфонда и гослесфонда, учётом изменений в этом виде землепользования занимаются Росземкадастр и специализированные землеустроительные организации по заказам местных администраций. Названными организациями вся совокупность параметров оленеводства может быть представлена для дальнейшей работы. К ним систематически поступают данные по поголовью оленей, продукции оленеводства, наличию и выбытию пастбищ, текущее состояние демографических ресурсов и трудозанятости и пр. Однако, в реальности, полученные данные заказчиками используются недостаточно полно, они не подвергаются углублённому социально-экономическому анализу, не рассчитываются корреляции, тренды, экспоненты.

Дистанционный мониторинг пастбищ заключается, прежде всего, в использовании аэроснимков и материалов космической съемки при пастбищном картографировании. Суть дистанционного изучения пастбищ заключается в дешифрировании фотоснимков с помощью фотограмметрии и визуального метода. Методическая и теоретическая основа дистанционных методов — закон корреляции между свойствами пастбищных участков, покрывающих их сообществ растений и условиями их эксплуатации. Поверхность оленьих пастбищ практически всегда в определенной степени закрыта растительностью. Поэтому состав и состояние растительности в первую очередь влияют на характер фотоизображения].

Одной из актуальнейших проблем в организации современного мониторинга систем традиционного природопользования мно-

гими учёными называется незначительное участие в нём самих представителей КМНС на местах. Картографирование территорий традиционного природопользования должно быть осуществлено в сотрудничестве с подготовленными для этой работы представителями самих коренных народов. Подготовка компетентных представителей из коренных народов стоит немалых денег, однако такое мероприятие с самого начала может быть отнесено к приоритетным — из-за быстрых темпов изменения экологической и этноэкологической ситуации, повышения заинтересованности коренных народов в данной работе и т.д. Государство могло бы изыскать возможность для финансирования обучающих семинаров и полевого исследования по просьбе организаций коренных народов. Организации коренных народов вместе с оленеводами/рыбаками/охотниками должны определить такие «горячие точки» и инициировать исследование, вплоть до того, что самим заключая договора с наукой.

Актуальность моделирования оленеводческих хозяйств возникла в связи с необходимостью перевода части поголовья тундровых оленей в лесную зону, согласно Отраслевой программе МСХ РФ [6]. Традиционная модель таёжного оленеводческого хозяйства (по типу эвенкийской) оказалась неприемлимой в качестве базовой при создании фермерских оленеводческих хозяйств в таёжной зоне ЯНАО, поскольку предполагает вольный выпас оленей в течение длительного времени (2–3 месяца). К тому же, как показывает практика, традиционная модель выпаса оленей с применением палатки или чума не воспринимается молодёжью из числа КМНС в качестве основы длительной жизнедеятельности и трудозанятости в лесной зоне. Рекомендации по созданию ферм изгородного типа в северной тайге были изданы ещё в 80-е годы прошлого столетия [7], но они не получили практического применения в качестве основы таёжного оленеводства: видимо, в то время, они показались слишком новаторскими для широкого внедрения в отрасль и поэтому

не востребованными местными хозяйствующими органами. Невостребованность результатов научных исследований в стране сохраняется и по сей день, и это проблема

требует скорейшего решения через усиление инновационной политики государства, создание специализированных организаций, инновационных предприятий.

Источники

1. Клоков К.Б., Йернслеттен И.Л., Устойчивое оленеводство//Отчёт/Арктический Совет. 200-2002 г., 159 с.
2. Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX-начале XXI века. Новосибирск. Наука.2010. – 312 с.
3. Василькова Т.Н., Евай А.В., и др. Коренные малочисленные народы и промышленное освоение Арктики (Этнологический мониторинг в Ямало-Ненецком автономном округе). Москва-Шадринск, 2011. 268 с.
4. Тарасенков Г.Н. На просторах Обь-Иртышья. Среднеуральское кн. изд-во. 1964. – 432 с.
5. NomadFolk (электронная база данных) Авторы А.А. Южаков, А.Н. Расковалов. Автор. св-во «Роспатента» №2008620198 от 08 мая 2008 г
6. Отраслевая программа «Развитие северного оленеводства в Российской Федерации на 2013–2015 годы»//МСХ РФ. Москва, 2012 г.
7. Интенсивная технология содержания северных оленей в таёжной зоне. Рекомендации// НИИ сел. хоз-ва Крайнего Севера. Новосибирск. 1987

Резолюция
научно-практической конференции
«ЯМАЛЬСКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ»

г. Салехард

25-26 апреля 2013 г.

Научно-практическая конференция «Ямальские гуманитарные чтения» прошла в г. Салехарде на базе Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского. Организаторы чтений – ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», Департамент по науке и инновациям Ямало-ненецкого автономного округа, Ямало-Ненецкий МВК им. И.С. Шемановского. В работе конференции приняли участие более 30 исследователей из различных научных центров РФ (гг. Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Тула, Тюмень, Ханты-Мансийск, Салехард), а также Арктического центра Лапландского университета (Рованиеми, Финляндия).

Основное направление работы Ямальских гуманитарных чтений – *сохранение и развитие традиционных культур в контексте процессов глобализации*. В докладах были рассмотрены три блока вопросов:

1. Политика государства в сфере интересов коренных малочисленных народов Севера. Современное правовое поле в области сохранения традиционной культуры и экономики.
2. Традиционные отрасли: проблемы сохранения и развития.
3. Социокультурные процессы: проблемы взаимодействия, устойчивости и трансформации.

Работа конференции строилась в соответствии с заявленными задачами. Было заслушано более 30 докладов. Результатом обсуждения круга проблем, обозначенных в теме Ямальских гуманитарных чтений 2013 года, стала возможность представить обобщающую картину правового обеспечения в области сохранения традиционных культур и экономики, социокультурных процессов в современных традиционных культурах Ямало-Ненецкого автономного округа, а также возможность

прогнозирования их состояния в будущем. Современный мир и особенности его развития ставят новые задачи, что создает определённые трудности для коренного населения, вносят новое в традиционный уклад их жизни. Статус ЯНАО определяется проживанием на данной территории коренных малочисленных народов: ненцев, хантов, селькупов, коми-зырян. Поэтому сохранение численности и этнической идентичности этих народов – важнейшая политическая задача окружных властей.

Особенностью законодательства ЯНАО направленность многих законов и нормативных актов автономного округа на защиту прав коренного населения. В докладах отмечается, что устойчивому развитию коренных малочисленных народов Севера будет способствовать диверсификация форм хозяйствования (общины, оленеводы-частники, индивидуальные предприниматели и т.п.), развитие предприятий малого и среднего бизнеса.

В выступлениях участников конференции отмечается, что традиционные отрасли хозяйства в ЯНАО являются не только частью экономического потенциала региона, но и мощным пластом культуры народов Крайнего Севера. Под влиянием процессов глобализации, модернизации экономики страны и перехода ее на инновационный путь развития происходит трансформация социально-трудовых отношений. Современные социокультурные процессы в Ямало-Ненецком автономном округе (рост экономической и политической самостоятельности, подъём этнического самосознания и активизации коренных народов в решении вопросов сохранения своего традиционного уклада жизни, самобытной культуры и пр.) вызвали новую волну интереса к судьбам аборигенных народов и культур – вопросу, который занимает умы исследователей уже не одно десятилетие и даже столетие.

Коренные народы и их традиционная культура в силу определенных общественно-политических причин превратились в один из стержней, вокруг которых происходит формирование и укрепление региональной идентичности. В этой связи особое общественное значение приобретают историко-этнографические исследования, посвященные коренным народам региона, поскольку они востребованы всеми слоями населения.

Полученные результаты являются хорошей основой для обобщений и постановки новых задач. Конференция высказывается за продолжение начатых исследований.

В результате проведенной работы участники конференции было отмечено:

1. что в развитии гуманитарных исследований в регионе достигнуты определённые результаты;

2. что традиционные культуры народов Севера Ямало-Ненецкого автономного округа, как и всей Арктической зоны Российской Федерации, находятся под угрозой массивного техногенного воздействия, возникшей в связи с реализацией промышленно-экономических проектов в Арктическом регионе, превращением Арктики в геополитический центр переплетения мировых интересов и противоречий;

3. что, в связи с этими процессами очевидна необходимость глубокого и всестороннего научного изучения сохранения и адаптации традиционных культур народов Севера к процессам глобализации;

4. что Ямало-Ненецкий автономный округ, сочетающий в себе древние традиции и бурные инновации, может послужить лабораторией изучения этнокультурной устойчивости и изменчивости, динамики и статики;

Участниками конференции признано целесообразным:

1. Рекомендовать департаменту по науке и инновациям Ямало-Ненецкого автономного округа, ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики» продолжить работу по созданию и принятию ведомственной целевой программы «Развитие научной деятельности Ямало-Ненецкого автономного округа в области этнологии на с 2014–2017 годы». В целях разработки механизмов реализации и практических мер для устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации.

2. Усилить междисциплинарное взаимодействие в решении фундаментальных проблем гуманитарной науки.

3. Продолжить работу по обеспечению высокого уровня научных исследований:

- по проблемам сохранения и развития традиционных отраслей хозяйствования;

- по накоплению знаний о традиционных культурах и народах ЯНАО в контексте многовекового освоения и современного положения;

- по выявлению и изучению объектов историко-культурного наследия ЯНАО;

- по изучению региональной и этнической идентичности в культурно-историческом контексте.

4. Проводить работу по популяризации научных знаний в сфере сохранения и развития традиционных знаний в контексте процессов глобализации.

5. Опубликовать в сборнике «Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа» статью А.С. Пиманова «Мандала – 43» из журнала «Ямальский меридиан», 1997, № 2,3,4 с добавлением воспоминаний устной истории.

6. Просить Правительство Ямало-Ненецкого автономного округа решить вопрос об установлении памятного знака на месте расправы с оленеводами в 1943 году.

7. Опубликовать материалы научно-практической конференции «Ямальские гуманитарные чтения» в сборнике «Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа».

Сведения об авторах

1. Бородин Евгений Александрович – мл. н.с. сектора политической географии отдела региональных геополитических исследований ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики (г. Салехард). Fantom1989@mail.ru
2. Волжанина Елена Александровна – к.и.н. Институт проблем освоения Севера СО РАН, г. Тюмень. nyabako@mail.ru
3. Вороненко Александр Григорьевич – к.пед.н., зам. директора-ученый секретарь ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики (г. Салехард). voronenko@arctic89.ru
4. Евай Александр Вадетович – председатель Комитета по делам национальностей и общественных объединений Законодательного собрания ЯНАО
5. Зуев Сергей Михайлович – мл.н.с. сектора экономической географии отдела региональных геополитических исследований ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики (г. Салехард). ssalinders@mail.ru
6. Кибенко Валерий Александрович – мл.н.с. сектора политической географии отдела региональных геополитических исследований ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики (г. Салехард). valera089@mail.ru
7. Копцева Татьяна Валерьевна – к.и.н., Ямало-Ненецкий окружной МВК им. И.С. Шемановского, г. Салехард.
8. Лапина Маина Афанасьевна – к.и.н., член-корр. РАЕН, г. Ханты-Мансийск. Lapina.maina@rambler.ru
9. Мартынова Елена Петровна – д.и.н., профессор Тульский государственный педагогический университет. Г. Тула emartynova@tula.net
10. Новикова Наталья Ивановна – д.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Г. Москва natinovikova@gmail.ru
11. Паршуков Виктор Григорьевич – к.пед.н., Филиал НОУ ВПО «Столичная финансово-гуманитарная академия». г. Салехард
12. Петрова Валентина Павловна – д.и.н. профессор, ФГОБУ ВПО «ТюмГУ». г. Тюмень vpetrova2012@mail.ru
13. Пивнева Елена Анатольевна – к.и.н. Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. г. Москва pivneva@mail.mipt.ru
14. Плеханов Андрей Владимирович – с.н.с. сектора гуманитарных исследований ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики (г. Салехард) Andrei_plehanov@mail.ru
15. Пушкарёва Елена Тимофеевна - д.и.н. заместитель председателя Комитета Законодательного Собрания ЯНАО e_pushkareva@mail.ru
16. Сухова Екатерина Александровна - мл.н.с. сектора экономической географии отдела региональных геополитических исследований ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики (г. Салехард).
17. Сэрпиво Стэлла Евгеньевна – мл.н.с. сектора этнологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики (г. Салехард). sllella_serpivo@mail.ru
18. Сюгней Олег Прокопьевич – к.фил.н., департамент по делам коренных малочисленных народов Севера. г.Салехард pr-kmns@yandex.ru
19. Туманова Галина Павловна – начальник отдела департамента по науке и инновациям ЯНАО, г. Салехард
20. Тупахина Ольга Сергеевна – к.и.н., ст.н.с. отдела историко – гуманитарных исследований ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики (г. Салехард).
21. Фиголь Наталья Валериевна – к.пед.н., советник заместителя губернатора ЯНАО
22. Харючи Галина Павловна – к.и.н. заведующий сектором этнологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики (г. Салехард). haryuchi-yamal@yandex.ru
23. Цымбалистенко Наталия Васильевна – д.фил.н., гл.н.с. сектора этнологии ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики (г. Салехард) nauka@arctic89.ru
24. Южаков Александр Александрович – д.с-х.н., ФГОБУ ВПО «ТюмГУ», г. Тобольск alyuzhakov@yandex.ru

Содержание:

<i>Бородин Е.А.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ В СОХРАНЕНИИ ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИЯХ ПРОЖИВАНИЯ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА.....	3
<i>Волжанина Е.А.</i> МЕХАНИЗМЫ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОГО КОЧЕВОГО ХОЗЯЙСТВА И ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ НА ЯМАЛЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.....	8
<i>Вороненко А.Г., Фиголь Н.В.</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ДЛЯ ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА.....	15
<i>Евай А.В.</i> СОВРЕМЕННОЕ ПРАВОВОЕ ПОЛЕ В ОБЛАСТИ СОХРАНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ И ЭКОНОМИКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА.....	22
<i>Зуев С.М.</i> ИСТОЩЕНИЕ ОЛЕНЬИХ ПАСТБИЩ КАК ПРИЧИНА ТРАНСФОРМАЦИЙ В ОЛЕНЕВОДСТВЕ И СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЯНАО	29
<i>Кибенко В.А.</i> РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: РОЛЬ И МЕСТО В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РЕГИОНА.....	39
<i>Копцева Т.В.</i> ДЕРЕВЯННЫЕ ИДОЛЫ С Р. ПОЛУЙ ИЗ ФОНДОВ МВК ИМ. И.С. ШЕМАНОВСКОГО	42
<i>Лапина М.А.</i> ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ФОЛЬКЛОРЕ ТЕГИНСКИХ ХАНТОВ.....	46
<i>Мартынова Е.П.</i> ОЛЕНЕВОДЫ-ЧАСТНИКИ НА ЯМАЛЕ: СВОБОДНЫЙ ВЫБОР В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ И НЕФТЕГАЗОВОГО ОСВОЕНИЯ	50
<i>Новикова Н.И.</i> ЭТНОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ, ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	56

Паршуков В. Г.

СОЧЕТАНИЕ ТРАДИЦИЙ И НОВАТОРСТВА В ФОРМИРОВАНИИ
ЭТНИЧЕСКОЙ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ 62

Петрова В.П.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ ОЛЕНЕВОДСТВА КАК ОСНОВЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 66

Пивнева Е.А.

ПУТИ И ВОЗМОЖНОСТИ СОХРАНЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ КУЛЬТУР
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ:
ОПЫТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЮГРЫ 70

Плеханов А.В.

АРХЕОЛОГИЗАЦИЯ СВАТЫЛИЩ НА ТЕРРИТОРИИ ЯНАО 78

Пушкарева Е.

ОПЫТ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА ПО СОХРАНЕНИЮ
И РАЗВИТИЮ ДУХОВНОЙ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА 81

Сухова Е.А.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ ТРАДИЦИОННЫХ ОТРАСЛЕЙ ЯНАО 93

Сэрпиво С.Е.

ПРОЦЕССЫ ИЗМЕНЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РОЛИ
НЕНЕЦКОЙ ЖЕНЩИНЫ 98

Сюгней О.П.

РАЗВИТИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СМИ КАК ВАЖНОЕ УСЛОВИЕ
РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ НАРОДОВ СЕВЕРА ЯМАЛА 101

Туманова Г.П.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ КАК РЕЗУЛЬТАТ
ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПОКОЛЕНИЙ 103

Тупахина О.С.

РЫБОЛОВСТВО В ЭПОХУ ЭНЕОЛИТА В НИЖНЕМ ПРИОБЬЕ 106

Харючи Г.П.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ СВЯЩЕННЫХ МЕСТ НЕНЦЕВ 108

Цымбалистенко Н.В.

УТОПИЧЕСКИЕ ИДЕИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЯМАЛЬСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 115

Южаков А.А.

МОНИТОРИНГ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ОЛЕНЕВОДЧЕСКИХ ХОЗЯЙСТВ:
ПРОБЛЕМА ИНФОРМАЦИОННОГО НАПОЛНЕНИЯ И МЕТОДА 125

Резолюция научно-практической конференции

«ЯМАЛЬСКИЕ ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ» 129

Сведения об авторах 131

ДЛЯ ЗАМЕТОК

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Издание Ямало-Ненецкого автономного округа

ВЫПУСК № 2(79)

2013 г.

**Государственное казённое учреждение
Ямало-Ненецкого автономного округа
«Научный центр изучения Арктики»**

Подписано в печать 2013 г.

Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,5.

Гарнитура «Newton». Заказ 0364. Тираж 100 экз. Сверстано и отпечатано в ГУ «Северное издательство».
г. Салехард, ул. Ямальская, 14.